This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

DM
M5824
VOL 4
No. 2
STACKS
JUL 25 1974

КРЕМНОСЛИ

ТРУДЫ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

изданныя

подъ редакціею

В. Е. РУМЯНЦОВА,

секретаря общества

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

съ 4-мя литографическими снимками и 9-ю политипажами.

МОСКВА
1874

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. **ИЗСЛѢДОВАНІЯ.**

Объ изображеніи Распятія на лжицѣ, находящейся въ Антоніевомъ монастырѣ въ Новгородѣ. Статья Д. чл. **И. Д. Мансветова** . . . . . 37—48.

Старинныя гребенки въ Пинежскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, Статья Чл. корресп. **П. С. Ефименко**. . . . 49—57.

Нѣсколько соображеній о памятникахъ Тмутраканской Руси и Тмутраканскомъ балванѣ. Ст. Д. чл. **Д. И. Иловайскаго**. 58—64.

II. **АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.**

О рукописномъ синодикѣ 1672 года. Д. чл. **Н. А. Артлебена** . . . . . 65—67.

Описаніе древней иконы (XVI в.) св. Николая чудотворца въ церкви Успенія на Остоженкѣ, въ Москвѣ. Д. чл. **Н. П. Розанова**. . . . . 67—68.

Кіотъ, даръ царя Ивана Васильевича Грознаго селу Елабугѣ. Чл. корр. **Р. Г. Игнатьева**. . . . . 69—72.

Деньга съ надписью князя Семена. Д. чл. **Д. П. Сонцова**. 73—74.

Замѣтка о мѣдныхъ гривнахъ XII вѣка. Чл. кор. **Л. В. Даля** . . . . . 74—76.

Новыя свѣдѣнія о курганахъ и городищахъ Владимірской губерніи. (Сообщено отъ Влад. Губерн. Статист. Комитета.) 76—77.

Результаты изслѣдованія черниговскихъ кургановъ съ вострищами. Чл. корр. **Д. Я. Самоквасова**. . . . . 77—82.

Объ иконѣ Спасителя, хранящейся въ Новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Д. чл. **А. К. Жизневскаго**. 82—84.

Путевая записка о Краснохолмскомъ монастырѣ. Д. чл. **А. К. Жизневскаго**. . . . . 84—86.

Описаніе Спасо-Ренской пустыни, находящейся Тверской губерніи, Весьегонскаго уѣзда, въ пятнадцати-верстномъ разстояніи отъ г. Весьегонска. **П. П. Воскресенскаго**. 86—89.

Открытіе славяно-русской надписи въ зданіи Виленскаго театра и памятники русской народности въ Вильнѣ. Извлечено изъ сообщенія Д. чл. **Я. Ѳ. Головацкаго**. . . . 89—92.

Надгробный камень надъ павшими въ сраженіи въ 1568 г., найденный въ Лепельскомъ уѣздѣ Витебской губерніи. Чл. корр. **М. Ф. Кусцинскаго**. . . . . 92—93.

Археологическій Синодикъ. Сломка древней воловольни при церкви Богоявленія въ Дорогомиловской слободѣ. . . . . 94.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ОБЪ ИЗОБРАЖЕНІИ РАСПЯТІЯ НА ЛЖИЦѢ НАХОДЯЩЕЙСЯ ВЪ АНТОНІЕВОМЪ МОНАСТЫРѢ ВЪ НОВГОРОДѢ.

Д. Чл. И. Д. Мансветова.

Многіе изъ памятниковъ новгородской древности замѣчательны въ археологическомъ отношеніи не только какъ образцы древне-русскаго художественнаго стиля, но и какъ произведенія западнаго мастерства, обязанныя своимъ существованіемъ близкимъ политическимъ и торговымъ сношеніямъ новгородцевъ съ нѣмцами. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ описаны подробно, какъ напр. Корсунскія и Сигтунскія ворота въ Соф. соборѣ; о многихъ изъ предметовъ утвари упомянуто въ описаніяхъ новгородской древности, какъ о произведеніяхъ западнаго мастерства: но очень немногіе изъ этихъ предметовъ могутъ доказать свой нѣмецкій генезисъ съ такою ясностію, которая не давала бы мѣста вопросамъ и недоумѣніямъ. Мы предложимъ нѣсколько соображеній объ одномъ мало извѣстномъ предметѣ тайошней утвари, который можетъ служить неоспоримымъ образцомъ западнаго художественнаго вліянія и прояснить исторію одного замѣчательнаго иконографическаго сюжета, возбуждавшаго на Москвѣ большіе споры и недоумѣнія въ XVI вѣкѣ. Въ Антоніевомъ монастырѣ сохранилась серебряная вызолоченая лжица, на которой вырѣзано изображеніе распятія, а за крестомъ изображеніе Бога Отца, который поддерживаетъ его поперечное древо. Надпись показываетъ, что она сдѣлана въ 1234 г. Въ Описаніи новгородскихъ древностей арх. Макарія она описана въ слѣдующихъ словахъ: лжица сребро-позлащенная, съ обозначеніемъ на внѣшней сторонѣ арабскими цифрами года 1234. На концѣ ручки ея Божія Матерь съ двумя

младенцами, по римскому обычаю, т. е. со Спасителемъ и Предтечею. Внутри на лжицѣ Богъ-Отецъ, на персяхъ у него Духъ Святый, подъ нимъ—распятіе, на коемъ ноги Христа прибиты однимъ гвоздемъ (Опис. ч. 2, стр. 200). Въ описаніи графа М. В. Толстаго значится: серебряная лжица съ разными изображеніями, итальянской работы (Свят. и древн. Новг., стр. 158). Въ альбомѣ новгородскихъ древностей, хранящемся въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, представленъ снимокъ съ внутренней и внѣшней стороны этой лжицы, при чемъ переданы и вырѣзанныя на ней изображенія.

Внѣшнимъ своимъ видомъ лжица эта не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, но она возбуждаетъ археологическій интересъ

по своимъ изображеніямъ, особенно же—замѣчательнымъ переводомъ распятія. Это изображеніе извѣстно было у насъ до сихъ поръ изъ полемики, поднявшейся въ XVI в. вслѣдствіе возраженій дьяка Висковатаго, послужившихъ поводомъ къ появленію извѣстнаго розыска о выставленныхъ имъ спорныхъ пунктахъ на счетъ новшествъ въ иконографіи. Но, какъ видно изъ изображенія на лжицѣ Антоніева монастыря, сюжетъ этотъ имѣлъ у насъ болѣе раннюю исторію: онъ появился первоначально въ Новгородѣ, былъ тамъ принятъ и уже отсюда сдѣлался извѣстенъ потомъ и въ Москвѣ. Лжица новгородская опредѣляетъ такимъ образомъ путь распространенія этого сюжета и возводитъ его исторію на Руси къ половинѣ XIII в. Не касаясь того, что̀ извѣстно о нашемъ изображеніи по розыску, мы приведемъ здѣсь изъ другихъ источниковъ нѣсколько данныхъ проясняющихъ его судьбу и мотивы происхожденія. Въ рукописн. сборникѣ Синодальной библіотеки № 322 *) сохранилось письмо Димитрія Герасимова, сотрудника Максима Грека, къ государеву дьяку Михаилу Григорьеву въ Псковъ,—такъ называемый «посыльный списокъ къ Мисюрю, великаго князя дьяку, о образѣ Спасовомъ». Въ письмѣ этомъ Димитрій Толмачъ передаетъ дьяку Мисюрю, по его просьбѣ, отзывъ Максима Грека объ этомъ иконографическомъ изображеніи.

Дьякъ, жившій въ Псковѣ, уже хорошо зналъ объ этомъ изображеніи: оно возбуждало въ немъ недоумѣнія, съ которыми онъ и обращался къ Дмитрію Толмачу, прося у него объясненій. Но на Москвѣ, какъ видно, этого сюжета еще не знали; по крайней мѣрѣ Дмитрій Герасимовъ не зналъ его и называлъ необычнымъ: «его же оприче однаго града, во всей русской землѣ не написуютъ.» Самъ Максимъ Грекъ отозвался незнаніемъ о такомъ изображеніи, и также говорилъ: «не видалъ де есмь тѣмъ подобіемъ образа ни въ коей землѣ, и познаю де то иконописцы здѣшніе отъ себя составили;» но впрочемъ не осудилъ его, а только замѣтилъ что «преизлишне таковые образы писати, иновѣрнымъ и нашимъ простымъ христіанамъ на соблазнъ». Изъ того же письма мы узнаемъ, что и до Максима Грека образъ этотъ возбуждалъ уже недоумѣнія и споры въ Псковѣ и Новгородѣ. По словамъ Димитрія Толмача «великая рѣчь о немъ была при Геннадіѣ архіепископѣ» (1485—1504), но спорный вопросъ не разъяснился, потому что иконники, которыхъ подвергли допросу, ссылались на какіе-то древніе греческіе образцы, съ которыхъ писано это изображеніе, а самыхъ образцовъ не представили. По словамъ Димитрія, «ставъ иконникъ большой Переплавъ съ прочими иконники рекъ:

*) См. Опис. рук. Синод. библ. отд. 2, ч. 3, стр. 64; ср. Приб. къ Тв. св. отц. 1859, стр. 190.

мы, господине, тѣ образы пишемъ съ мастерскихъ образцовъ старыхъ, у коихъ есмя училися, а снимаемы съ греческихъ». Какъ ни бездоказательно было это объясненіе, псковичи послушали иконниковъ, а не архіепископа, который, вѣроятно, настаивалъ на отмѣну этого изображенія. Что во времена Максима оно было уже въ ходу и обращало на себя вниманіе, видно изъ того, что Димитрій Толмачъ зналъ уже о существованіи особеннаго писанія, въ которомъ заключалось объясненіе этого сюжета, и одно изъ такихъ описаній сохранилось въ рукописяхъ Синодальной библіотеки. *) Любопытная сторона этихъ описаній состоитъ въ томъ, что здѣсь этотъ сюжетъ представляется со многими подробностями, о которыхъ ничего не извѣстно изъ розыска. Ученику Максима Грека, Зиновію Отенскому, также пришлось высказать свое мнѣніе объ этомъ странномъ образѣ. **) Зиновій въ это время жилъ въ заточеніи, въ новгородскомъ Отенскомъ монастырѣ. ***) Однажды пришли къ нему крылошане изъ Спасскаго монастыря, и между ними одинъ иконописецъ, по имени Ѳеодоръ. Потомъ присоединился къ нимъ одинъ новгородскій житель Захарія, и этотъ-то послѣдній просилъ Зиновія рѣшить ему вопросъ: какъ смотрѣть на икону Бога Отца, «которую нѣціи не принимаютъ покланятися, а овіи чудятся и хвалятся—зѣло мудръ образъ составленъ». По предложенію Зиновія они прочли сказаніе объ этой иконѣ, или лучше, описаніе ея съ толкованіемъ—и Зиновій, разобравши по пунктамъ подробности спорнаго сюжета, нашелъ въ немъ слѣды гностическихъ, манихейскихъ, савелліанскихъ ересей, а относительно всей композиціи изображенія замѣтилъ, что оно составлено «еретическимъ мудрованіемъ и пьянственнаго безумія шатаніемъ». Изъ извѣстныхъ намъ отзывовъ объ этомъ изображеніи, отзывъ Зиновія отличается рѣзкостію и нетерпимостію. Что̀ московскій розыскъ старался оправдать разными богословскими соображеніями, что̀ Максимъ Грекъ оставлялъ только подъ сомнѣніемъ, то Зиновій клеймитъ именемъ злой ереси и преслѣдуетъ какъ опасное нововведеніе. Но замѣчательно, что ни Зиновій, ни Максимъ Грекъ не называютъ этого изображенія западнымъ, нѣмецкимъ изобрѣтеніемъ, а послѣдній, по словамъ Димитрія Толмача, отозвался незнаніемъ о существованіи подобнаго сюжета въ иконографіи западной. А между тѣмъ Максимъ получилъ на западѣ свое образованіе, былъ хорошо знакомъ «съ обычаями многихъ странъ греческихъ и латинскихъ и французскихъ и

*) См. Оп. рук. С. б. Отд. 2, 3, стр. 636.

**) Краткія свѣдѣнія о Зиновіи изложены въ предисловіи къ изданію его сочиненія: «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи». Казань 1863.

***) Отенскій монастырь въ 50 вер. отъ Новгорода; въ первый разъ о немъ упоминается въ лѣтописи подъ 1420 г. Мак. Опис. Новг. др. ч. I, стр. 634.

аламанскихъ» и имѣлъ хорошія свѣдѣнія въ западной иконографіи, какъ это видно изъ сообщеннаго имъ описанія одного римско-католич. изображенія Спасителя на иконѣ «Pietas». *) Былъ ли и на западѣ этотъ сюжетъ очень рѣдкимъ и нераспространеннымъ, вслѣдствіе чего могъ ускользнуть отъ вниманія Максима Грека, а тѣмъ болѣе отъ мало знакомаго съ этимъ дѣломъ Зиновія Отенскаго, или предложенное Максиму для оцѣнки изображеніе получило много новыхъ варіантовъ на русской почвѣ, вслѣдствіе чего отклонилось отъ первоначальныхъ западныхъ изображеній—рѣшить этотъ вопросъ мы предоставляемъ людямъ болѣе знающимъ; но то однакоже несомнѣнно, что такія изображенія на западѣ были,—и ихъ сродство съ нашею иконою «Богоотца» не подлежитъ никакому сомнѣнію. Они дѣлаются извѣстными на западѣ съ половины XII в. (D.Aginc. L'Hist. de l'art. VI, Pl. 103, № 5. Ibid. Pl. 133. Ibid. Pl. 134. Otte, Handbuch d. Kirchl. Archeol. S. 675). Такъ напр., на росписномъ стеклѣ въ Фрейбургскомъ соборѣ представленъ Богъ-Отецъ держащимъ крестъ, котораго вертикальная часть развѣтвляется сверху. **) Потомъ этотъ мотивъ видоизмѣнили и стали изображать крестъ, носимый ангелами. Пиперъ упоминаетъ о нѣсколькихъ изображеніяхъ Бога Отца, обнимающаго въ своихъ рукахъ Распятаго. Этотъ сюжетъ находится между миніатюрами одной рукописи въ аугсбургской библіотекѣ XVI в. и на рѣзной дощечкѣ того же времени. ***) Эти образцы могутъ служить фактическимъ доказательствомъ, что изображеніе распятія въ лонѣ Отчи имѣетъ свое начало въ западномъ искусствѣ, въ XIII вѣкѣ было уже извѣстно въ Новгородѣ и принято даже на такихъ предметахъ утвари, которые имѣли непосредственное отношеніе къ литургіи. А это въ свою очередь доказываетъ, подъ какимъ сильнымъ вліяніемъ запада стоялъ тогдашній Новгородъ и какъ свободно относились новгородцы къ издѣліямъ западнымъ. Въ одно время съ Новгородомъ это изображеніе дѣлается извѣстнымъ и во Псковѣ, гдѣ дьякъ Мисюря показывалъ его Димитрію Толмачу и гдѣ при Геннадіи было о немъ большое разсужденіе съ иконниками. Въ XVI вѣкѣ онъ распространяется по Москвѣ, и здѣсь вызываетъ протестъ дьяка Висковатаго, совпадающій съ появленіемъ различныхъ иконъ, заказанныхъ и исполненныхъ новгородскими и псковскими мастерами послѣ пожара, бывшаго въ Москвѣ въ 1547 г. ****)

---

*) Максима Грека сказаніе о священномъ образѣ Спаса-Христа, его же называютъ «уныніе». Оп. Р. С. Б. № 191, стр. 523.

**) Stockbauer, Kunstgeschichte des Kreuzes, S. 290. Ibid. S. 300.

***) Piper, Mythologie und Symbolik. d. Chr. Kunst. th. 11, s. 192.

****) А. А. Т. I № 238. Ср. Буслаева въ Очеркахъ народ. поэзіи и искуства, ч. 2, статью по поводу дѣла о дьякѣ Иванѣ Висковатомъ.

До сихъ поръ объ этомъ замѣчательномъ иконографическомъ сюжетѣ въ нашей ученой литературѣ было извѣстно по розыску о дѣлѣ Висковатаго; но источникъ этотъ не единственный и не исчерпываетъ всѣхъ подробностей этаго изображенія, осложнявшагося и измѣнявшагося съ теченіемъ времени. Существуетъ въ рукописи его толковое описаніе, вѣроятно XVI в., и цѣлое разсужденіе извѣстнаго уже намъ Зиновія Отенскаго, въ его собесѣдованіяхъ съ крылошанами. Изъ этихъ двухъ источниковъ мы и извлечемъ данныя для характеристики этаго живописнаго изображенія, его символики и отношенія къ преданіямъ древне-христіанскаго искусства. Группа, изображаемая на иконѣ Богоотца, состояла изъ трехъ лицъ: Бога Отца, стоящаго за крестомъ, Іисуса Христа, сидящаго на верху креста и пригвожденнаго ко кресту Херувима. Богъ Отецъ, Саваоѳъ, изображается въ образѣ царя Давида—такъ сказано у Зиновія. Одежда его, по описанію Синод. библіотеки, святительская: «во святительской одежи, въ саку (саккосѣ), на главѣ имѣя вѣнецъ осмероугленъ (осьмиугольный), подъ вѣнцемъ митра бѣла». По сказанію, которое имѣлъ въ виду Зиновій, «начертаема схима на главѣ его и омофоръ на раму». По всему видно, что царь Давидъ, въ образѣ котораго представляется здѣсь Богъ Отецъ, носитъ епископское облаченіе. Для исторіи иконографическихъ типовъ здѣсь важно представленіе Ветхаго деньми въ образѣ Давида и костюмировка послѣдняго. Извѣстно, что древне-христіанское искусство очень затруднялось въ выборѣ формы для изображенія Бога Отца и прибѣгало въ этомъ случаѣ къ символикѣ (изображеніе Бога Отца въ видѣ протянутой руки), къ образцамъ античнымъ (сближеніе между фигурою Зевеса на барельефѣ Траяновой колонны и нѣкоторыми типами Саваоѳа), къ изображенію Ветхаго деньми съ аттрибутами Христа; но заимствованіе для этаго типа чертъ исторической личности, какъ здѣсь—царя Давида, принадлежитъ къ рѣдкимъ и оригинальнымъ варіантамъ. Художественное сближеніе между этими двумя типами составляетъ мотивъ смѣлый и оригинальный, съ принятіемъ котораго измѣнилось и доличное царя Давида. Въ памятникахъ греческой и русской иконографіи это лице изображалось обыкновенно въ царскомъ одѣяніи, и вотъ почему мы называемъ рѣдкимъ изображеніе его въ одеждѣ архіерейской. Впрочемъ эта перемѣна доличнаго облегчалась сходствомъ древняго костюма царей византійскихъ съ облаченіемъ епископскимъ. Далматикъ царскій есть ничто иное, какъ саккосъ, омофоръ представляетъ близкое сходство съ лоромъ, а митра и царская шапка имѣютъ еще болѣе сходства, какъ это легко замѣтить изъ иконописныхъ и миніатюрныхъ изображеній. Давидъ въ Лобковской псалтири (нынѣ Хлудовской) изображается въ пурпуровомъ далматикѣ. Ср. другія

*) О такомъ изображеніи Бога Отца по рукописи М. Д. Академіи будетъ сказано ниже.

изображенія его въ парижской псалтири IX-X в. (Сборн. Общ. Др. Р. Иск. 1866, стр. 63). Схима на главѣ Саваоѳа, по указанію Зиновія, представляетъ варіантъ еще болѣе рѣдкій, и еслибы Зиновій не настаивалъ на объясненіи этаго головнаго украшенія въ смыслѣ схимы монашеской, мы готовы были бы видѣть въ этомъ названіи недоразумѣніе составителя описанія, а не дѣйствительныя черты иконографическаго типа.

Осьмиугольный вѣнецъ на главѣ Господа Саваоѳа составляетъ также любопытную иконографическую подробность. Это одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ видовъ нимба. *) Дидронъ, сообщая извѣстія о различныхъ формахъ нимба, приводитъ образцы трехъугольнаго, четыреугольнаго и шестиугольнаго, но объ осмиугольномъ не говоритъ. Въ сказаніи, на которое ссылается Зиновій, приводится и аллегорическое объясненіе этой формы нимба, проливающее свѣтъ на его происхожденіе и символику. «Начертаніе, говорится здѣсь, имѣетъ семь рогъ отъ вѣнца его, сказаніе же семь вѣковъ глаголетъ». Эти семь рогъ—ни что иное, какъ семь угловъ, или зубцовъ въ вѣнцѣ, составившихся изъ соединенія двухъ четыреугольныхъ нимбовъ. Почему здѣсь говорится о семи, а не о восьми рогахъ, это можно объяснить тѣмъ, что ихъ столько было на виду, а послѣдній осьмой не былъ видѣнъ за головою Саваоѳа. Символика этаго нимба имѣетъ далекое гностическое происхожденіе и стоитъ въ связи съ таинственнымъ значеніемъ седмеричнаго числа, именно семи вѣковъ, или эоновъ. Этотъ символическій мотивъ проходитъ очень замѣтно въ художественныхъ и литературныхъ представленіяхъ древней Руси. Мы знаемъ о семи зміяхъ, выходящихъ изъ одной головы въ гностическихъ геммахъ и въ нашихъ гривнахъ, на которыхъ повторяется тоже изображеніе. Имѣя въ виду это таинственное значеніе седмеричнаго числа, наша символика приложила его и къ объясненію семи роговъ или угловъ въ вѣнцѣ Саваоѳа, не затрудняясь нѣкоторою натяжкою при объясненіи, когда имѣла дѣло съ нимбомъ осьмиугольнымъ. Въ Клинцовскомъ подлинникѣ помѣщается объясненіе, по которому осьмиугольный вѣнецъ означаетъ «семи вѣкомъ Творца и будущаго вѣка Отца». Зиновій, опровергая эту символику, говоритъ, что «нѣсть ни единаго отъ боговидныхъ или богословныхъ во апостолѣхъ или во пророцѣхъ, сказующихъ нѣкоего рога отъ вѣнца Божія или Христова видѣ или рече»; что «седмь роговъ и седмь вѣковъ нигдѣже нѣсть обрѣсти».

Изображеніе Іисуса Христа въ этой группѣ помѣщается на верхней части креста. Онъ представляется какъ «отрокъ младъ, и образъ его и

*) У Д'Аженкура находится любопытное изображеніе осьмиугольнаго нимба въ изображеніи Бога Отца съ славянскими надписями. По мнѣнію Д'Аженкура, эта живопись XIV в. L'Hist. de l'art, t. XVI, Pl. 120.

ризы и вѣнецъ царскій, все яко огнено, имѣя въ руцѣ мечь, яко огненъ». По Зиновію: «Іисусъ младъ сѣдитъ на крестѣ въ броняхъ желѣзныхъ и во шлемѣ мѣдномъ». Эта часть изображенія переноситъ насъ къ древнѣйшимъ образцамъ иконографіи креста и повторяетъ черту древняго типа идеальныхъ крупификсовъ. Извѣстно, что распятія долго не изображали въ собственномъ видѣ, но представляли крестъ съ разнаго рода дополненіями, замѣнявшими образъ Распятаго. Къ числу этихъ идеализованныхъ формъ принадлежитъ, между прочимъ, изображеніе Христа въ медальонѣ на верхнемъ отрогѣ креста, или въ мѣстѣ пресѣченія поперечной его вѣтви съ перпендикулярною; а для выраженія идеи торжествующаго Христа, изображали его на крестѣ въ спокойномъ состояніи, безъ всякихъ признаковъ страданія, и притомъ юнымъ и безбородымъ, помимо исторической правды, безъ отношенія къ лѣтамъ его жизни. Въ нашемъ изображеніи Спасителя юнымъ и сидящимъ на крестѣ, а не пригвожденнымъ, даны обѣ черты художественной идеализаціи распятія. Далѣе,—Христосъ изображается здѣсь въ воинственномъ видѣ, съ мечемъ и въ доспѣхахъ, какъ побѣдитель, торжествующій надъ своими врагами. Это древнее представленіе о Христѣ воителѣ. «Bellator Christus» *) нашелъ себѣ выраженіе въ церковномъ искусствѣ **) и соотвѣтствующее объясненіе въ нашей иконографіи. ***) Зиновій, не имѣя понятія объ эстетическихъ пріемахъ древняго искусства, взглянулъ на дѣло только съ богословской точки зрѣнія, а потому и порицаетъ это изображеніе за несоблюденіе исторической правды и за своевольное отношеніе къ евангельской исторіи. «А еже въ бронѣ желѣзнѣй и шлемѣ мѣднѣ съ креста слѣзти на ада, ни единъ изъ богословцевъ предасть, никто отъ отецъ воспѣтъ»; равно какъ и то, «чтобы Христу младу на крестѣ сидѣти. Вся та чужа правовѣрныхъ мудрованія, яко діаволе хуленіе. Господа же Іисуса Христа распята въ 33-е лѣто плоти его евангелисты писаша, не сѣдяща въ бронѣхъ на крестѣ, но нага распята на крестѣ, рекше пригвожденнаго ко кресту протяженнома рукама». Въ этомъ догматико-историческомъ объясненіи Зиновія мы видимъ ясное указаніе на установившійся въ византійскомъ искусствѣ типъ распятія, съ которымъ и соображается этотъ строгій судья въ своей оцѣнкѣ распятія на иконѣ Богоотца. Обсуживая вопросъ не со стороны эстетической, а съ точки зрѣнія догматической, онъ находитъ въ этомъ представленіи слѣды различныхъ еретическихъ ученій и, между прочимъ, ереси манихейской, по воззрѣнію которой «Христосъ былъ распятъ на крестѣ привидѣніемъ и мнѣніемъ, а не истиною».

---

*) Tertull. adv. Marc. L. III, c. 14. Edit. Semler. p. 150.
**) Didr. man. d'ikonogr. p. III, not. 1.
***) Бусл. Очерки, т. II, 88.

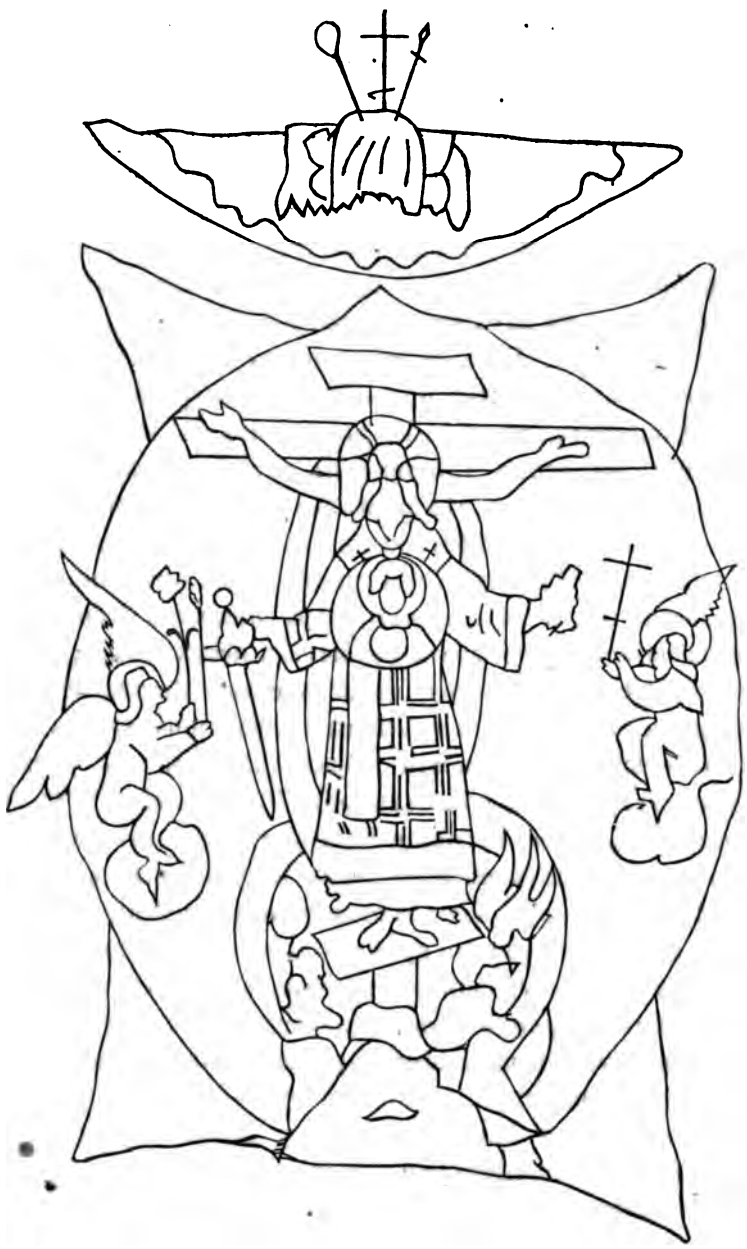
Вмѣсто Христа представляется распятымъ Серафимъ: «подъ тѣмъ же отрокомъ (Христомъ) Серафимъ бѣлъ, ноги же серафимовы пригвождени у креста на древѣ нижнемъ, а руцѣ пригвождени на среднемъ древѣ». Эта замѣна Христа распятымъ Серафимомъ составляетъ продолженіе той же идеализаціи и вызывалась потребностію пополнить произшедшій отъ того пробѣлъ на самомъ видномъ мѣстѣ изображенія. По объясненію, изложенному въ сказаніи, Серафимъ означаетъ душу Христову,—и это даетъ понять, что не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ распятіи Серафима. Относительно этой подробности и снисходительный Максимъ Грекъ выразилъ свое неудовольствіе, замѣтивъ: «то де какъ бы отъ ереси, занеже Серафимъ и душа безплотни, а безплотное не можетъ пригвоздитися». *)

Мы сгруппировали своеобразныя черты символики распятія на иконѣ Богоотца и поставили на видъ тѣ стороны, которыми она выдавала свое западное происхожденіе. Что же касается до вопроса о томъ, какъ могъ этотъ не канонизованный преданіемъ иконографическій сюжетъ появиться въ Новгородѣ, то рѣшеніе его стоитъ въ прямой связи съ близкими сношеніями между Новгородомъ и западными землями. Изъ лѣтописи извѣстно напр., что нѣмцы имѣли въ Новгородѣ свои церкви, и посадникъ Добрыня исходатайствовалъ имъ позволеніе соорудить божницу по ихъ обычаю. **) Подъ 6783 г. упоминается о пожарѣ, бывшемъ на княжемъ дворѣ, подлѣ нѣмецкаго двора, при чемъ сгорѣло 7 деревянныхъ церквей, «огорѣ четыре каменныхъ, а пятая нѣмецкая». ***) Въ 1386 г. упоминается о церковномъ росписчикѣ Иванѣ, сгорѣвшемъ во время пожара, и о томъ, что нѣмцы наняли новгородскихъ иконниковъ и «повелѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропашномъ углу», или на углу кирки, по объясненію Ровинскаго. ****) Такимъ путемъ занесены были во Псковъ и Новгородъ церковные обычаи латинскіе, противъ которыхъ въ свое время вооружались митрополиты Кипріанъ и Фотій. Именно, они обличаютъ псковичей въ несоблюденіи православнаго способа совершать крещеніе чрезъ троекратное погруженіе и въ употребленіи при мѵропомазаніи мѵра латинскаго. *****)

Въ рукописномъ сборникѣ изъ библіотеки Моск. Дух. Академіи № 203, между разными картинками, помѣщенными въ концѣ его, отъ 337 по 380 л. включительно, находится на 371 листѣ изображеніе распятія, весьма близкое къ описанному у Зиновія Отенскаго и въ синодальномъ сказаніи о «Ветхомъ деньми». Сборникъ этотъ писанъ скорописью и заключаетъ житіе пр. Сергія, съ пятью другими стать-

*) Прибавл. къ Твор. Св. Отц. 1859, 191. Опис. Рум. Муз. № 39, стр. 49.
**) Лѣтописецъ Новгородскій. Іоанна попа. Опис. Рум. Муз. № 248, стр. 345.
***) А. Макарія, Опис. Новг. древн. ч. 2, стр. 20.
****) Акты Историч. № 36.

ями, изъ коихъ четвертая—о праздникахъ русскимъ святымъ—показываетъ, что статья эта составлена не ранѣе 7161 г. (слѣдовательно 1653 года. *) Приложенныя къ концу этаго сборника картины имѣютъ надписи, сдѣланныя такимъ же скорописнымъ почеркомъ. Онѣ состав-



*) На листѣ 10-мъ читается: «въ лѣто 7157-ое бысть святѣйшій Паисій, патріархъ стараго града Іерусалима, въ нынѣшнемъ же во 161 паки бысть святѣйшій и вселенскій патріархъ Афанасій Царя-града».

ляютъ объясненіе различныхъ мѣстъ изъ псалтири и въ свою очередь поясняются соотвѣтствующими надписями, указывающими на ихъ содержаніе. Рисунокъ этихъ картинокъ крайне неправиленъ и неотдѣланъ. Онѣ набросаны очень небрежно, отчего изученіе подробностей рисунка становится невозможнымъ. Миніатюра, насъ интересующая, имѣетъ слѣдующее содержаніе: въ большомъ овалѣ, или ореолѣ, представленъ семиконечный крестъ. Съ передней его стороны, на подножіи креста, стоитъ во весь ростъ фигура въ многокрестномъ саккосѣ, въ омофорѣ и митрѣ, съ крестчатымъ нимбомъ вокругъ головы. На груди у нея въ медальонѣ поясное изображеніе лица, такъ же съ нимбомъ. Лице, изображенное въ саккосѣ, представлено съ протянутыми руками, въ правой держитъ за рукоятку опущенный мечь, а въ лѣвой—что-то; чего разобрать нельзя по темнотѣ рисунка. *) Изъ-за этой фигуры въ саккосѣ видны двѣ руки, пригвожденныя къ поперечинѣ креста, но самаго лица, которому онѣ принадлежатъ, не видно.

Крестъ стоитъ на Голгофѣ; при его подножіи видны крылья херувима. По обѣ стороны креста—два летящихъ херувима, изъ которыхъ одинъ держитъ крестъ, а другой два какихъ-то орудія.

Сверху картины слѣдующая подпись: «Ты еси царь славы прежде вѣкъ, отъ рода въ родъ въ вѣкъ вѣка, Отецъ въ Сынѣ, Сынъ во Отцѣ и Св. Духъ въ свѣтѣ» (sic).

Изображенія Св. Духа на нашей картинѣ не видно, но судя по надписи, она должна представлять Св. Троицу, участвующую въ актѣ крестной смерти Христа. Вся эта группа есть не что иное, какъ идеализація распятія, въ которомъ Христосъ является какъ одно изъ лицъ божественныхъ, какъ Богъ отъ вѣка, и образъ Распятаго заслоняется здѣсь образомъ Ветхаго деньми, съ изображеніемъ Единороднаго въ лонѣ Отчи. **) Къ той же категоріи идеализованныхъ круцификсовъ принадлежитъ и другое изображеніе распятія въ томъ же сборникѣ, гдѣ Христосъ представленъ въ осмиугольномъ вѣнцѣ, но не распятымъ, а стоящимъ на подножіи креста. Онъ одѣтъ въ хитонъ и иматіонъ. Фигура должна выражать силу и энергію, но подпертыя руки Спасителя даютъ ей что-то свободное и размашистое.

Вообще относительно рисунковъ нашего сборника должно замѣтить, что они исполнены въ стилѣ византійскихъ миніатюръ и повторяютъ ихъ обычные художественно-религіозные мотивы; но по мѣстамъ сказывается здѣсь и вліяніе западное. Такъ напр. на л. 353 (обор.) находится изображеніе съ подписью «Вочеловѣченіе Господне», перешедшее

---

*) Объ изображеніи Христа съ мечемъ и стрѣлами (Man. d'Ikonograph. p. 111, not. 1.)

**) Это изображеніе по своимъ деталямъ отличается отъ извѣстныхъ намъ, снятыхъ пр. Буслаевымъ, а также и отъ помѣщенныхъ у Дидрона и Д'Аженкура.

къ намъ съ запада и извѣстное подъ другимъ названіемъ: «Не рыдай мене Мати» (Сборн. Общ. Др. Р. Икс. 1866, стр. 11). Группа эта представляетъ Христа, стоящаго около гроба и обнимаемаго Богородицею. Христосъ, склонившись головою къ лицу Богоматери, стоитъ съ сложенными крестъ-на-крестъ руками, какъ кладутъ обыкновенно въ гробъ покойника (d'Aginc. Peint. p. 162).

Въ пользу того же западнаго вліянія говорятъ и нѣкоторыя славянскія надписи подъ картинками, сдѣланныя польскими буквами, съ которыми, какъ видно, былъ хорошо знакомъ рисовальщикъ.

СТАРИННЫЯ ГРЕБЕНКИ

ВЪ ПИНЕЖСКОМЪ УѢЗДѢ, АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Чл. Корресп. П. С. Ефименко.

Д. Членъ Архангельскаго Статистическаго Комитета П. А. Ивановъ представилъ въ Комитетъ, для мѣстнаго музея, старую мѣдную гребенку, которая была найдена въ г. Пинегѣ однимъ мѣщаниномъ, при изготовленіи поля подъ посѣвъ.

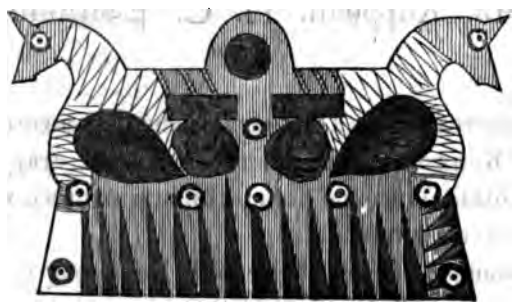
Въ своемъ сообщеніи Статистическому Комитету г. Ивановъ писалъ, что посланная имъ гребенка привлекла его вниманіе своимъ видомъ и вырѣзками на ней, которыя, по его мнѣнію, имѣютъ миѳическій смыслъ. «Не могу считать себя,—подлинныя слова г. Иванова,—изучившимъ миѳологію во всѣхъ ея частяхъ и на столько, чтобы безошибочно объяснить значеніе прилагаемой вещи; но, руководясь трудомъ г. Аѳанасьева: «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу» и пользуясь другими источниками, находящимися у меня подъ рукой, рѣшаюсь объяснить, какъ могу, значеніе заинтересовавшей меня гребенки. Полукругъ сверху гребенки, по моему мнѣнію, изображаетъ небесный сводъ; кругъ подъ нимъ, съ отверстіемъ внутри, напоминаетъ символическій громовой молотъ славянскаго Тора. Помѣщенные въ разныхъ мѣстахъ, на обѣихъ сторонахъ гребенки, кружки съ точками въ серединѣ означаютъ солнце, или ликъ верховнаго бога, а также звѣзды. Непонятно, почему сдѣлано кружковъ только десять, а не двѣнадцать, по числу мѣсяцевъ въ году. Вырѣзки похожи на одинъ изъ знаковъ зодіака: Вѣсы. 14 снизу зубьевъ показываютъ лучи, распространяемые солнцемъ. Вся же форма, или вѣрнѣе, весь узоръ грубаго произведенія мнѣ представляется неконченнымъ образомъ коней и блестящей, отдающей молніеносными искрами, колесницы нашего Тора».

Свое сообщеніе г. Ивановъ передалъ и мнѣ, для провѣрки его объясненія, и прислалъ срисованную карандашемъ «возможно вѣрную копію найденной гребенки».

По моимъ распросамъ оказалось, что до сихъ поръ крестьяне Пинежскаго уѣзда употребляютъ подобныя же «разчески» изъ желтой мѣди и обыкновенно носятъ ихъ при себѣ, привѣшивая къ тесемкѣ, которая служитъ поясомъ при нижней одеждѣ. Разчески эти дѣлаются, по заказу, бродячими по деревнямъ мѣдниками изъ мѣстныхъ же крестьянъ, и продаются ими отъ 8 до 12 коп. за штуку.

Дѣлаемыя нынѣ гребенки очень разнообразны въ своей формѣ, но общій видъ ихъ тотъ же, что и старинныхъ. Вотъ изображеніе старинной (№ 1-й) и новой гребенки (№ 2-й), полученной мною отъ крестьянина Пинежскаго уѣзда.

№ 1.



№ 2.

Сравнивая изображенія той и другой гребенки, мы приходимъ къ нѣсколько-иному заключенію объ ихъ значеніи, нежели то, которое сдѣлано г. Ивановымъ.

Дѣйствительно, даже при первомъ взглядѣ на эти изображенія, можно замѣтить, что на нашихъ гребенкахъ сверху представленъ небесный сводъ, и на нынѣшней еще яснѣе, нежели на старинной. Но кружокъ надъ сводомъ, а въ первой гребенкѣ на самомъ сводѣ, изображаетъ не молніеносный молотъ бога грома, какъ думаетъ г. Ивановъ,

а солнце, отъ котораго падаютъ лучи внизъ, въ видѣ зубьевъ гребенки. Какія свѣтила представляютъ собою остальныя изображенія,—и точно ли это изображенія свѣтилъ, замѣненныя въ нынѣшней гребенкѣ простыми вырѣзными клѣточками,—мы не беремся объяснять, во избѣжаніе грубой ошибки; но попытаемся разъяснить то, почему на этихъ гребенкахъ представлены конскія головы и почему именно ихъ двѣ.

Въ одной общеизвѣстной въ Малороссіи сказкѣ, «кобылячаголова» является живымъ существомъ, одареннымъ человѣческою рѣчью. Въ этой сказкѣ—передадимъ коротко ея содержаніе—выводятся на сцену двѣ сводныя сестры: дочь старика и дочь старухи. Обѣ онѣ пряхи. Но одна изъ нихъ очень усердна къ своему дѣлу, другая лѣнива: дочь старика всегда рано вставала и постоянно занималась работой, дочь же старухи уклонялась отъ работы. Однажды старуха послала ихъ на супрядки, съ тѣмъ, чтобы онѣ старались напрясть побольше. Дочь старика встала на разсвѣтѣ и все занималась пряжей; а старухина дочь попряла немного съ вечера, да больше и не пряла. Поутру, когда сдѣлалось свѣтло, отправились онѣ домой. Надобно было имъ въ одномъ мѣстѣ лѣзть черезъ тынъ. Старухина дочь перелѣзла первая и предложила сестрѣ: «дай мнѣ, сестрица, твою пряжу; я подержу, пока ты перелѣзешь». Завладѣвши пряжей, она побѣжала домой и сказала матери: «смотри мать, сколько я напряла, а сестра какъ легла вечеромъ, такъ и не вставала до свѣта». Сколько ни божилась старикова дочь, пришедши домой, что это ея пряжа—старуха не хотѣла повѣрить ей и, разгнѣвавшись, приказала старику отвезть ее куда ему угодно. Вотъ старикъ запрегъ лошадь, посадилъ дочь на возъ и самъ сѣлъ,—и поѣхали въ лѣсъ. Тутъ нашли они отворенную избушку на куриной ножкѣ. Въ этой избушкѣ оставилъ старикъ свою дочь, а самъ поѣхалъ домой. Сидитъ она тутъ.... вдругъ слышитъ: побылья голова стучитъ, гремитъ. «Кто въ моей избѣ, отвори»!—кричитъ голова. Дѣвушка встала, отворила. «Дѣвушка, дѣвушка! пересади черезъ порогъ». Она пересадила. «Дѣвушка, дѣвушка! постели мнѣ постель». Она постлала. «Дѣвушка, дѣвушка! положи меня на постель». Она положила. «Дѣвушка, дѣвушка! прикрой меня». Она прикрыла. «Дѣвушка, дѣвушка! влѣзь ко мнѣ въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзь». Дѣвушка такъ и сдѣлала,—и стала такой красавицей, прекраснѣе которой на свѣтѣ нѣтъ. Сейчасъ же откуда взялись лакеи, лошади и коляска; она сѣла въ коляску и поѣхала къ отцу. Когда объ этомъ узнала старуха, то приказала старику, чтобы онъ отвезъ и ея дочь туда, куда свою возилъ. Старикъ исполнилъ приказаніе жены и отвезъ ея дочь въ ту же лѣсную избушку. Но такъ какъ она не послушалась такихъ же приказаній прибѣжавшей конской головы, то и была съѣдена головой.

Въ выводимыхъ въ настоящей сказкѣ двухъ сестрахъ-дѣвицахъ нельзя не узнать олицетвореній утренней и вечерней зари. Извѣстно, что въ различныхъ миѳологіяхъ зори представляются необыкновенными красавицами-дѣвушками, которыя прядутъ на небѣ розовыя нитки (лучи). Эти прекрасныя дѣвицы услуживаютъ солнцу: отворяютъ и затворяютъ для него ворота неба, принимаютъ его лошадей, когда оно возвращается въ свое жилище, и выводятъ ихъ, когда оно выѣзжаетъ въ нашъ міръ. Онѣ по утру раскладываютъ для него огонь, а вечеромъ, когда солнце готово лечь, стелютъ ему постель. Если приведенныя въ нашей сказкѣ дѣвушки дѣйствительно представляютъ собою образы утренней и вечерней зари, то конская голова, которая нуждается въ ихъ услугѣ, въ томъ, чтобы онѣ пересадили ее черезъ порогъ, постлали постель, положили на постель и прикрыли ее,—есть ничто иное, какъ олицетвореніе восходящаго и заходящаго солнца. Во всей же сказкѣ выражена такимъ образомъ мысль о ежедневномъ появленіи и исчезновеніи зари и солнца.

Не у однихъ славянскихъ племенъ лошадь и конская голова служили образами солнца. Въ древнѣйшей изъ индійскихъ Ведъ, Ригъ-Ведѣ, когда говорится о солнцѣ, какъ о лошади, конская голова употребляется для обозначенія восходящаго солнца. Быстрота коня и скорость распространенія свѣта послужили причиной тому, что солнце стало являтся въ воображеніи язычниковъ то въ видѣ лошади, то въ видѣ конской головы (Объ этомъ подробнѣе—въ моей ст. «О Ярилѣ, языч. божествѣ русскихъ Славянъ», въ Зап. Русс. Геогр. Общ. по Отд. Этногр. т. 2, 1868 г. стр. 80).

Священное значеніе, какое имѣло солнце въ глазахъ язычниковъ, было перенесено ими и на символъ солнца, т. е. на лошадиную голову. Потому-то черепъ конскій или замѣняющее его деревянное изображеніе конской головы признавались у различныхъ народовъ предметомъ, привлекающимъ счастье и всякое благо и предохраняющимъ отъ всего дурного. Приведу здѣсь нѣсколько фактовъ о значеніи конской головы, какъ амулета, у разныхъ народовъ славянскаго племени. Эти факты будутъ служить дополненіемъ къ тому, что о настоящемъ предметѣ уже было помѣщено въ интересной статьѣ гр. А. С. Уварова: «Поясныя украшенія въ курганахъ Мерянъ» (Древности 1867 г. 2 вып.).

Конскій черепъ, по народному повѣрью, есть источникъ счастья. Это выражено великороссійской поговоркой: «въ кобылью голову счастье» (Сборн. посл. Даля, стр. 51). Какъ о символѣ счастья, Малороссіяне говорятъ о конской головѣ: «не тягны чоловичой головы зъ грязі, самого утопыть; а тягны кінську, самого вытягне». Дабы привлечь къ себѣ счастье, Галичане и Жмудины, когда попадется на

дорогѣ лошадиный черепъ, бьютъ его палкой. Наставленіе поступать такимъ образомъ выражено въ поговоркѣ: «кобыляча голова! якъ на дорозі знайдешъ, то повстай и бый ю» (Украин. просказкы Симонова). Чтобы былъ хорошій урожай огородныхъ и садовыхъ овощей, костяки конской головы выставляются на тынахъ огородовъ и садовъ. Это дѣлается потому, объясняетъ Голенбіовскій, сообщающій о настоящемъ обыкновеніи, что конскій черепъ почитается жилищемъ счастья, которое, выходя изъ него, удѣляется всему огороду (Lud. Polski, W. 1830, стр. 141). Тоже дѣлается и въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ губерніяхъ, наприм. въ Орловской, для благополучія огородовъ и полей. Для предохраненія рогатаго скота или лошадей отъ падежа, въ Орловской же губерніи закапываютъ конскія головы у воротъ сараевъ; а Бѣлоруссы, найдя, на Егорьевъ день, конскую голову, вѣшаютъ ее на заборѣ (Рукоп. сборн. вѣров. и обр. Бѣлорус. запис. А. и В. Зеньковичами). Это напоминаетъ обыкновеніе Вендовъ, которое, по словамъ Преторія, чтобы предотвратить скотскій падежъ, ставили по забору вокругъ конюшенъ и хлѣвовъ мертвыя головы лошадей и коровъ; а тѣмъ лошадямъ, которыхъ мучилъ домовой, клали ихъ подъ кормомъ въ ясляхъ, съ цѣлью—уничтожить силу домоваго надъ лошадью (О языч. богослужен. древн. Славянъ, Срезнев., стр. 80). Съ послѣднимъ обыкновеніемъ имѣетъ связь слѣдующее бѣлорусское повѣрье и обрядъ. По вѣрованію Бѣлоруссовъ, лошади находятся подъ вліяніемъ двухъ божествъ: злаго—Кумельгана и добраго—Вазилы. Кумельганъ всѣми силами старается испортить или замучить лошадь; напротивъ того, Вазила заботится о размноженіи лошадей и предохраняетъ ихъ отъ волковъ, болѣзней и отъ самого Кумельгана. Образомъ Вазилы служитъ конскій черепъ, надѣтый на огромный шестъ, который вколачивается въ землю во время ночлега лошадей подъ открытымъ небомъ. Это изображеніе Вазилы спасаетъ лошадей отъ всевозможныхъ опасностей. Въ случаѣ нападенія волка или Кумельгана на табунъ, лошади сбѣгаются на то мѣсто, гдѣ вколоченъ шестъ съ головою Вазилы и здѣсь находятъ себѣ спасеніе: потому что ни звѣрь, ни Кумельганъ не смѣютъ подойти туда. Въ слѣдствіе такого повѣрья, пастухи часто беззаботно проводятъ ночлегъ въ гулянкахъ или спятъ, вовсе не присматривая за табуномъ,—предоставляя лошадей заботливости Вазилы (Прибавл. къ Ж. Мин. Нар. Пр. 1846 г., кн. Бѣлорус. нар. преданія, стр. 20). Здѣсь мы видимъ, что конская голова служитъ символомъ мелкаго божества—Вазилы, покровителя пастуховъ и лошадей, а не главнаго славянскаго бога Солнца, какъ сказано ранѣе. Но такое разнорѣчіе легко примиряется, если признать, что Вазила есть одно изъ олицетвореній Солнца. Это тѣмъ

болѣе вѣроятно, что въ другихъ миѳологіяхъ солнечныя божества являются вмѣстѣ съ тѣмъ и покровителями пастуховъ и стадъ.

Костяки лошадиныхъ головъ и другихъ большихъ животныхъ въ въ Сербіи ставятъ въ пасѣкахъ на шестахъ. Говорятъ, этотъ обычай есть въ Малороссіи и въ Курской губ. (О миѳич. знач. нѣкот. обряд. и повѣр. Потебни, стр. 210). Въ Архангельской губ. конскій черепъ кладется подъ изголовье больнаго лихорадкой: это для того, объясняютъ крестьяне, что «трясавица боится конской головы и убѣгаетъ». Тоже дѣлается и въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ и даже въ Малороссіи (Послов. Даля, стр. 430). Жители Архангельской губ. держатъ еще конскіе черепа за печкой или подъ печкой; но съ какою цѣлью это дѣлается, мнѣ не могли объяснить. Здѣсь же и въ Пермской губ. я часто встрѣчалъ изображенія конской головы, вырѣзанныя изъ дерева, на князькахъ избъ,—по одному изображенію съ передней и задней стороны. Такія же рѣзныя изображенія выставляютъ въ Архангельской губ. на флюгаркахъ, т. е. высокихъ шестахъ съ флюгеромъ, выставляемыхъ у домовъ. Это, конечно, дѣлается, какъ и у западныхъ Славянъ, для отвращенія отъ дома всякаго несчастія. Наконецъ Великороссіяне, какъ и жители Ирландіи, 23 іюня бросаютъ въ пылающіе костры лошадиный черепъ, чтобы воспретить появленію колдуновъ (Бытъ русс. нар. Терещ. V, 52).

И такъ мы видимъ, что у различныхъ славянскихъ племенъ конская голова является священнымъ предметомъ, привлекающимъ счастье и благополучіе и отвращающимъ всякаго рода зло: неурожай, болѣзни людей, падежъ скота, вредныя дѣйствія колдуновъ и даже злыхъ божествъ. Зная это, нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будто бы конская голова, въ особенности въ древнѣйшій періодъ язычества, была образомъ какого нибудь мелкаго, второстепеннаго божества, а тѣмъ болѣе злаго, какъ полагаютъ нѣкоторые. Она не могла служить символомъ злаго божества, въ родѣ наприм. Бабы-яги, олицетворявшей собою тучи, смерть и зиму, какъ подтверждаетъ г. Потебня (О миѳич. значен. нѣк. обр. и повѣр., стр. 156 и слѣд.). Если бы это было такъ, то конская голова не считалась бы источникомъ всякаго счастья и благополучія, и ее не стали бы признавать талисманомъ противъ всего дурнаго. Значеніе талисмана, отвращающаго несчастье, неурожаи, болѣзни, вредныя дѣйствія колдуновъ и злыхъ божествъ, она получила только въ слѣдствіе того, что служила образомъ главнаго божества свѣта и добра: подателя плодородія земли, подателя жизни, устроителя вселенной, покровителя стадъ, побѣдителя ночи, зимы, смерти и всякаго вообще зла. А такимъ божествомъ было солнце, въ различныхъ своихъ проявленіяхъ и образахъ. Въ пользу высказаннаго мнѣнія говорятъ и слѣдующіе факты.

У всѣхъ народовъ, гдѣ солнце представлялось въ видѣ лошади, божеству этаго свѣтила приносили въ жертву лошадей. При совершеніи жертвоприношенія, всегда почти собирались головы жертвенныхъ животныхъ, и служили священными украшеніями божницъ или обращались въ предметы поклоненія, какъ образы божествъ. Такимъ образомъ Германцы, по принесеніи лошади въ жертву божеству, голову ея натыкали на вѣтви дерева (О миѳич. знач. нѣкот. пов. и обр., стр. 157). До сихъ поръ полукочевые обитатели Сибири, Буряты, голову принесеннаго въ жертву жеребенка надѣваютъ на шестъ и ставятъ надъ юртой. Русскіе Славяне, по свидѣтельству восточныхъ писателей, головы убитыхъ животныхъ, послѣ жертвоприношенія, вѣшали на истукановъ (Сказан. иностр. о бытѣ и нрав. славян. Макушева, 1861 г. стр. 100). Этому обычаю обязано своимъ происхожденіемъ и наше обыкновеніе подбирать конскія головы и ставить ихъ на шесты и проч. Самыя торжественныя жертвоприношенія солнцу совершались 23 апрѣля—въ честь весенняго солнца и въ 23 іюня—въ праздникъ лѣтняго солнцестоянія. Тогда, конечно, собирались и сохранялись головы лошадей, которыхъ приносили въ жертву. Отсюда великороссійскій обычай—бросать 23 іюня въ пылающіе костры конскія головы, и бѣлорусскій—собирать и сберегать ихъ преимущественно въ Егорьевъ день. Приведенные факты какъ нельзя болѣе подтверждаютъ мысль, что конская голова служила символомъ солнечныхъ божествъ.

Если мы обратимся къ нашимъ гребенкамъ, то увидимъ на нихъ также символическое изображеніе восходящаго и заходящаго солнца, въ видѣ двухъ конскихъ головъ. Полукругъ же между ними, какъ уже сказано раньше, есть небесный сводъ, а кружокъ надъ нимъ—солнце въ полдень.

Какъ представлявшія собою небосклонъ со свѣтилами, наши гребенки, естественно, должны были служить амулетами противъ всякой темной силы. Въ этомъ отношеніи назначеніе ихъ тождественно съ тѣми пряжками на поясахъ племенъ финскаго происхожденія, которыя открыты гр. А. С. Уваровымъ въ курганахъ Владимірской губ. Въ числѣ открытыхъ тамъ украшеній, одно, и понаружному виду, должно подходить близко къ представленнымъ гребенкамъ. «Оно изображаетъ коня съ двумя головами и однимъ туловищемъ; головы смотрятъ врозь» (Поясн. украш. въ кург. Мерянъ, стр. 53).

Какъ пряжки, такъ и гребенки принадлежали народамъ весьма родственнымъ между собою: первыя Мерянамъ, которые, по изслѣдованіямъ финнологовъ, относятся къ югорской Чуди, а вторыя—такъ называемой Чуди заволоцкой, которая также составляла отрасль югорскаго племени. Правда, подобныя гребенки дѣлаются и теперь русскими крестьянами; но то обстоятельство, что онѣ извѣстны только въ одной

мѣстности, которая еще въ концѣ XV ст. была населена языческими финскими племенами (см. мою брошюру: Заволоцк. Чудь, отд. 2 стр. 37), указываетъ на ихъ чудское происхожденіе.

Мы сказали раньше, что наши гребенки привязываются къ поясамъ. И это не безцѣльно. Пояса у разныхъ народовъ. играли важную символическую роль, такъ что нельзя оставлять ихъ безъ вниманія при изученіи древностей.

Персы совершали обрядъ опоясыванія надъ 15-ти-лѣтними мальчиками, съ различными церемоніями и очищеніями. Поясъ у нихъ былъ одинаковый для всѣхъ сословій; онъ имѣлъ видъ снурка, изъ шерсти или верблюжьихъ волосъ. Его не снимали ни днемъ, ни ночью, потому что почитали вѣрнѣйшею защитою противъ власти злыхъ Дивовъ. Если мужчина, старше 15 лѣтъ, совершалъ блудъ безъ пояса и перевязки, то полагали, что надъ нимъ имѣютъ власть Дивы (Всеобщ. истор. Вебера, Спб. 1860, кн. 1-я, стр. 468). Двойной снурокъ съ кистями на концѣ, обвивавшій поясъ и спускавшійся съ боку, у ассирійскихъ царей служилъ талисманомъ противъ злыхъ духовъ (Отеч. Зап. 1865, февр. кн. 2.—Прогулка по Эрмитажу Григоровича, стр. 586). Въ Японіи, при первыхъ признакахъ беременности, молодую мать повязываютъ поясомъ изъ краснаго плетенаго крепа. Это опоясываніе совершается съ большимъ торжествомъ. До пояса не касаются въ продолженіи всей беременности, и снимаютъ его только во время родовъ. Въ три года, на мальчика надѣваютъ поясъ съ религіозными обрядами и при этомъ учатъ его первымъ молитвамъ (Соврем. 1852 г. № 9, Японія и Японцы, стр. 21). Такое же значеніе талисмана придается поясу и Великороссіянами. Въ сѣверо-восточной Россіи, если беременная женщина ложится спать въ отсутствіе мужа, то она подпоясывается его пояской, чтобы вѣщица—колдунья, летающая въ видѣ сороки—не распорола живота и не вынула младенца, замѣнивъ его чурбаномъ (Совр. 1856, № 12.—Нар. бытъ въ Сѣв. восточн. Россіи Осокина, стр. 196). Въ Орловской губ. крестъ, поясъ и сорочку на младенца надѣваетъ священникъ, послѣ погруженія въ купели. Но въ Курской губ. дѣлается не такъ: тамъ черезъ 6 недѣль послѣ рожденія родильница, взявши очистительную молитву, несетъ дитя къ кумѣ, которая обязана подпоясать его,—а до того подпоясываніе дѣтей считается грѣхомъ (Труды Курск. Ст. Ком. Вып. I, 1863 г., стр. 486). Жители Архангельской губ. говорятъ, что «крестъ и поясъ православному христіанину надоть; хорошему человѣку безъ пояса не годится спать, и лѣшій хватаетъ тѣхъ въ лѣсу, у кого нѣтъ креста да пояса.» На этомъ основаніи не снимаютъ его ни днемъ, ни ночью, исключая тѣхъ случаевъ, когда нужно идти мыться въ баню. Говорятъ, еще лучше тесемочнаго пояса носить около живота вязаные шарфы (по здѣшнему, сѣт-

ки), такъ какъ изъ нитокъ ихъ вывязываются иногда молитвы. Такимъ шарфомъ знахарь опоясываетъ жениха, когда тотъ отправляется со своимъ поѣздомъ къ невѣстѣ, чтобы его не испортили. Если носить поясъ на голомъ тѣлѣ изъ сѣточки, то, по мнѣнію крестьянъ, на человѣка не могутъ дѣйствовать колдуны, съ ихъ заговорами и порчами. Есть даже молитва, которую говоритъ знахарь, при накладываніи на кого либо пояса: «заговорю твое тѣло бѣлое и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче желѣза нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы; и подпояшу своимъ заговорнымъ поясомъ; и запру и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей; и пущу ключи въ окіанъ море; и взяла ихъ щука. Какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебя р. б. N, не отмыкать; а кто ключи достанетъ, тотъ и отомкнетъ.»

Такимъ образомъ,поясъ вездѣ служитъ талисманомъ противъ чародѣйства колдуновъ и вреднаго вліянія различныхъ злыхъ духовъ. Послѣ сказаннаго понятно и то, почему гребенка съ символическими изображеніями привязывалась къ поясу: чрезъ это усугублялась благодатная сила пояса. Значеніе пряжекъ на поясахъ Мерянъ также уясняется: онѣ играли роль тѣхъ таинственныхъ замковъ и ключей, закрѣпляющихъ поясъ и все «тѣло бѣлое» отъ чародѣйства, о которыхъ упомянуто въ заклинаніи.

НѢСКОЛЬКО СООБРАЖЕНІЙ

О ПАМЯТНИКАХЪ ТМУТРАКАНСКОЙ РУСИ

и

ТМУТРАКАНСКОМЪ БАЛВАНѢ

Д. Чл. Д. И. Иловайскаго.

Княжество Тмутраканское, какъ извѣстно, находилось по обѣимъ сторонамъ Керченскаго пролива или древняго Боспора Киммерійскаго и, слѣдовательно, занимало именно ту мѣстность, которая въ древности составляла центръ Боспорскаго царства, полугреческаго, полуварварскаго. Послѣднее, т. е. Боспорское царство, оставило намъ безчисленные памятники своего существованія въ видѣ монетъ, надписей, статуй, саркофаговъ и множества всякаго рода вещей изъ драгоцѣнныхъ металловъ, бронзы, стекла и глины. Большая часть этихъ вещей извлечена изъ древнихъ гробницъ или могильныхъ кургановъ; особенно много сохранилось въ нихъ всякой утвари, принадлежностей одежды и украшеній. При такомъ огромномъ количествѣ памятниковъ Боспорскаго царства, до сихъ поръ казалось всегда очень страннымъ, почему же позднѣйшая преемница этого царства, Русь Тмутраканская оставила намъ такъ мало вещественныхъ слѣдовъ своего существованія. Собственно говоря, мы имѣемъ отъ нея только одинъ вещественный памятникъ: это—извѣстный камень, съ надписью 1068 года объ измѣреніи княземъ Глѣбомъ пролива отъ Корчева до Тмутраканя. Второй, недавно найденный, вещественный памятникъ составляетъ монета, съ изображеніемъ на одной сторонѣ лица, а на другой съ надписью: «Господи помози Михаилу». Эту монету съ большою вѣроятностію приписываютъ Олегу-Михаилу, княжившему въ Тмутракани въ концѣ XI и началѣ XII вѣка. Вотъ почти все, что до сихъ поръ извѣстно изъ памят-

никовъ, оставшихся отъ Тмутраканскаго княжества. Наши лѣтописи упоминаютъ объ немъ только съ конца X столѣтія, т. е. со временъ уже христіанскихъ. Слѣдовательно, главными памятниками этихъ временъ могли служить остатки храмовъ и другіе церковные предметы. Но извѣстно, что христіанско-русскій періодъ продолжался здѣсь недолго, такъ какъ эта страна скоро подверглась разнымъ опустошеніямъ отъ варварскихъ народовъ, каковы Половцы, потомъ Татары и Турки; послѣдніе съ особымъ ожесточеніемъ истребляли христіанскіе памятники. Естественно по этому, что не сохранилось не только русскихъ храмовъ, но и греческихъ,—хотя христіанство водворилось между Боспорскимъ населеніемъ еще въ III и IV вѣкахъ. Намъ извѣстенъ собственно одинъ древній храмъ, во имя Іоанна въ Керчи, котораго существованіе восходитъ къ VIII вѣку и который дошелъ до насъ съ большими передѣлками.

Перевѣсъ въ количествѣ памятниковъ языческой эпохи надъ христіанскими обусловился способомъ погребенія. Могилы христіанской эпохи такъ просты, непрочны, и такъ скудны вещами, что обыкновенно они скоро исчезаютъ, между тѣмъ какъ, на оборотъ, языческія могилы, по крайней мѣрѣ знатныхъ и княжескихъ фамилій, представляютъ какъ извѣстно курганы, подъ которыми скрыты цѣлые покои, иногда каменные и вообще болѣе или менѣе прочные. Покойники при погребеніи обставлялись почти всѣми предметами, которые они употребляли при жизни. Итакъ, обиліемъ языческихъ памятниковъ мы обязаны обычаямъ языческаго погребенія.

Извѣстно безчисленное множество могильныхъ кургановъ, которыми усѣяны восточная часть Крыма и полуостровъ Таманскій. Первое мѣсто между ними, конечно, занимаютъ памятники эллинскіе, т. е. греческихъ колонистовъ, составлявшихъ высшій слой въ населеніи Боспорскаго царства. Въ эллинскихъ гробницахъ находятся вещи превосходной античной работы и принадлежатъ часто времени, восходящему за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова. Но кромѣ этихъ гробницъ существуютъ другіе могильные курганы, которые по всѣмъ признакамъ принадлежали народамъ варварскимъ, скиѳскимъ,—какъ туземнымъ, такъ и тѣмъ, которые передвигались сюда съ сосѣдняго востока. Эти собственно варварскія гробницы доселѣ были мало изслѣдованы. Наконецъ, многіе курганы, по вещамъ въ нихъ найденнымъ, были относимы къ Боспоритамъ; между тѣмъ какъ въ нихъ могли быть погребены вожди варваровъ, имѣвшіе въ своемъ употребленіи вещи греческой или византійской работы.

Въ непродолжительномъ времени я надѣюсь предложить вниманію Арх. Общ. изслѣдованіе о Болгарахъ и Тмутраканской Руси. Не входя въ подробности, скажу только главный выводъ, къ которому я при-

шелъ. Русь Тмуртаканская была собственно Русь Болгаро-Славянская, т. е. въ этихъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ съ IV или V вѣка, жили Болгаре, упоминаемые у византійскихъ писателей или подъ общимъ названіемъ Гунновъ, или подъ частными—Утургуровъ и Кутургуровъ. Надобно замѣтить, что названіе Гунновъ въ тѣ времена давалось народамъ самыхъ разнообразныхъ племенъ; о чемъ я также говорю въ своемъ изслѣдованіи. Эти-то Гунны-Болгаре впослѣдствіи, приблизительно въ IX вѣкѣ, подчинились родственному имъ славянскому племени Русь, именно въ то время, когда княжескій родъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, объединялъ подъ своею властію племена Восточныхъ Славянъ. Русь освободила Болгаръ отъ Хазарскаго ига и, сама завладѣвъ этою страною, по своему племенному родству, конечно скоро слилась съ туземными Болгарами.

Страна, откуда распространилось Болгарское племя въ вѣка доступные историческимъ наблюденіямъ, лежала къ востоку отъ Азовскаго моря: это—Кубанская низменность или то, что̀ теперь мы называемъ Черноморьемъ. Отсюда Болгаре распространились на западъ, завладѣли полуостровомъ Таманью и потомъ восточною частію Крыма, откуда они вытѣснили Готовъ. Прокопій, византійскій писатель VI вѣка, говоритъ, что они заняли восточную полосу Таврики отъ Боспора (т. е. отъ Керчи) до Херсонеса. Гунны-Болгаре имѣли такіе же языческіе обряды погребенія, какъ и другіе восточные Славяне. Большею частію они сожигали трупъ покойника, а иногда погребали его въ цѣлости; но во всякомъ случаѣ насыпали надъ нимъ курганъ,—по крайней мѣрѣ это можно сказать о людяхъ знатныхъ и богатыхъ. Съ покойникомъ они зарывали его любимыя вещи.

У Ѳеофана, византійскаго историка IX вѣка, есть извѣстіе объ обращеніи въ христіанство одного изъ князей Гунновъ, сосѣднихъ съ городомъ Боспоромъ, который въ тѣ времена (т. е. при Юстиніанѣ I) еще принадлежалъ Византіи. Этотъ князь, по имени Гордасъ (имя очевидно славянское), отправился въ Константинополь и тамъ принялъ крещеніе; при чемъ самъ императоръ былъ его воспріемникомъ. Возвратясь въ свою страну, онъ началъ истреблять идоловъ, которымъ кланялись его соплеменники, и расплавлялъ тѣ изображенія, которыя были сдѣланы изъ серебра и электрона. Впрочемъ, за свою ревность къ христіанству онъ поплатился жизнію: подданные убили его и поставили княземъ его брата. Обращаю особое вниманіе изслѣдователей Таврическихъ и Таманскихъ древностей на это извѣстіе Ѳеофана. При дальнѣйшихъ изысканіяхъ около Керчи и на Тамани необходимо отличать тѣ могильные курганы, въ которыхъ будутъ встрѣчаться серебряныя или электровыя изображенія. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ

вѣроятность такимъ образомъ узнавать могилы, принадлежавшія Болгарской или Тмутраканской Руси.

Таврическіе и Таманскіе Болгаре въ X вѣкѣ встрѣчаются подъ именемъ Черныхъ Болгаръ, о которыхъ упоминаютъ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи «Объ управленіи имперіей» и Русская лѣтопись въ договорѣ Игоря. Къ этимъ-то Чернымъ Болгарамъ я отношу извѣстіе Масуди о способѣ погребенія у Болгарскихъ язычниковъ. Къ Дунайскимъ едва ли можно относить его; такъ какъ Масуди жилъ въ вѣкъ царя Симеона, т. е. въ вѣкъ процвѣтанія христіанства и богословской литературы въ Дунайской Болгаріи. А что касается до Камскихъ Болгаръ, то они были въ то время магометане. Масуди говоритъ слѣдующее: «когда умираетъ Болгаринъ, то его сожигаютъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми слугами,—или, когда кто умираетъ, то его заключаютъ въ большой покой вмѣстѣ съ женой и слугами». Ясно, что у нихъ существовали рядомъ оба способа погребенія.

Кромѣ языческихъ кургановъ на Тамани встрѣчаются могилы временъ христіанскихъ. Такъ, напримѣръ, въ 1865 директоромъ Керченскаго музея г. Люценко при раскопкахъ, произведенныхъ около станціи Сѣнной, открыты двѣ гробницы; въ одной изъ нихъ найдены серебряная пряжка отъ пояса и двѣ серебряныя монеты византійскихъ императоровъ Василія II и Константина IX. Слѣдовательно, эти гробницы относятся къ XI вѣку и составляютъ несомнѣнный памятникъ Тмутраканской Руси.

Соображая всѣ упомянутыя обстоятельства, я прихожу къ тому заключенію, что мы никакъ не должны терять надежду на открытіе памятниковъ Болгаро-Тмутраканской эпохи, гораздо болѣе многочисленныхъ чѣмъ тѣ, которыми располагаемъ въ настоящее время. Только при раскопкахъ надобно научиться умѣнью отличать ихъ отъ памятниковъ другихъ народовъ. Особенно обильную жатву въ отношеніи болгарскихъ памятниковъ обѣщаютъ Кубанскіе курганы, лежащіе на правомъ берегу рѣки и до сихъ поръ почти никѣмъ не изслѣдованные, какъ по физическимъ препятствіямъ, такъ и по причинѣ хищности окрестныхъ туземцевъ.

Отъ памятниковъ вещественныхъ я перейду къ одному темному выраженію въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Описывая начало Игорева похода, поэтъ указываетъ на недобрыя примѣты и, между прочимъ, говоритъ: «Дивъ кличетъ верху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тмутраканскій балванъ». Это значитъ слѣдующее: зловѣщій филинъ кричитъ на верху дерева и даетъ вѣсть (о походѣ Русскихъ князей) чужимъ землямъ,

именно Волгѣ, Поморію (Азовскому), Посулію (т. е. надбрежьямъ рѣки Сулы), странѣ Сурожской и Корсунской и тебѣ Тмутраканскій.... Тутъ обыкновенно толкователи становились втупикъ, или предавались разнымъ догадкамъ, болѣе или менѣе неудачнымъ. Обыкновенно переводили «Тмутраканскій балванъ» буквально, т. е: Тмутраканскій идолъ. Но что это за идолъ и откуда онъ взялся? На этотъ счетъ явилось довольно остроумное толкованіе. Въ 1805 году археологъ Келлеръ нашелъ на берегу Ахтанизовскаго лимана каменный пьедесталъ, съ слѣдующею надписью: «Комозарія, дочь Горгипія и супруга Перисада, воздвигла по обѣту этотъ памятникъ могущественнымъ божествамъ Санергу и Астартѣ, при архонтѣ Боспора и Ѳеодосіи Перисадѣ, царѣ Синдовъ, всѣхъ Меотовъ и Ѳатеевъ». На этомъ пьедесталѣ стояли двѣ статуи упомянутыхъ бога и богини. Но волны лимана, подмывая берегъ, обрушили наконецъ этотъ памятникъ, и онъ упалъ въ воду. Теперь сохранился только пьедесталъ (если не ошибаемся, въ Керченскомъ музеѣ); а гдѣ находятся статуи—неизвѣстно. Означенный Перисадъ принадлежалъ къ боспорской династіи Спартокидовъ, и былъ современникомъ Филиппа Македонскаго и Александра Великаго. Нѣкоторые толкователи Слова о Полку Игоревѣ почему-то вообразили, что подъ именемъ Тмутраканскаго балвана надобно разумѣть этотъ памятникъ царицы Комозаріи. Но подобное толкованіе не выдерживаетъ никакой критики. Во первыхъ, памятникъ находился не гдѣ-либо на берегу Боспорскаго пролива, а внутри Таманскаго полуострова, на Ахтанизовскомъ лиманѣ; во вторыхъ, подобныхъ статуй, воздвигнутыхъ богамъ во времена Боспорскаго царства, было много; о нихъ свидѣтельствуетъ не одна дошедшая до насъ надпись. Слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Русскіе почему-то всю Тмутракань олицетворяли въ видѣ памятника Комозаріи.

Другіе толкователи думали, что здѣсь разумѣется каменная Половецкая баба. Но замѣчательно, что на Таманскомъ полуостровѣ, сколько мнѣ извѣстно, не было найдено каменныхъ бабъ. Да и съ какой стати Русскіе стали бы называть эту страну половецкою бабою, когда они не называли такъ южнорусскія степи, усѣянныя подобными бабами и служившія мѣстомъ жительства половецкихъ ордъ?—Если подъ Тмутраканскимъ балваномъ подразумѣвать непремѣнно идола, то сюда скорѣе можно отнести темное и загадочное извѣстіе Масуди о какомъ то храмѣ у Славянъ, расположенномъ на очень высокой горѣ; въ этомъ зданіи находился идолъ, въ образѣ старика съ палкою въ рукѣ. Есть еще другое зданіе—говоритъ онъ—на горѣ, окруженной морскимъ рукавомъ: оно построено изъ коралловъ и смарагдовъ, съ большимъ куполомъ въ серединѣ; подъ куполомъ стоитъ идолъ изъ драгоцѣнныхъ камней, а голова его червоннаго золота; противъ него стоитъ

идолъ дѣвицы. Но это описаніе имѣетъ сказочный характеръ, и справедливо думаютъ, что Масуди смѣшалъ здѣсь извѣстія о разныхъ народахъ, и преимущественно смѣшалъ Славянъ съ азіатскими буддистами и шаманистами. Если бы нѣчто подобное существовало въ Тмутракани, то оно едва ли ускользнуло бы отъ византійскихъ писателей, и особенно отъ Константина Багрянороднаго, Масудіева современника, который сообщаетъ нѣкоторыя подробности о томъ краѣ. Наконецъ, были и такіе наивные толкователи, которые въ Тмутраканскомъ балванѣ думали видѣть извѣстный Тмутраканскій камень съ надписью 1068 года.

И такъ, всѣ попытки разумѣть въ данномъ случаѣ какой-то идолъ или истуканъ оказываются несостоятельными, и мы думаемъ, что надобно искать инаго объясненія упомянутому выраженію. Для этого обратимся въ область филологіи и предложимъ вопросъ: должно ли слово «балванъ» толковать здѣсь въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно у насъ обыкновенно употребляется? Не заключается ли ошибка именно въ этомъ буквально-современномъ толкованіи?

Вообще значеніе идола, истукана, въ словѣ «балванъ» могло быть значеніемъ собственно позднѣйшимъ, переноснымъ. Корень бал имѣетъ очень обширное примѣненіе въ славянскихъ языкахъ. Въ смыслѣ бревна, обрубка, балванъ и доселѣ употребляется у Сербовъ, т. е. значитъ почти тоже что наша балка—слово происходящее отъ того же корня. Отъ него же происходитъ и наше: балясы, т. е. точеные столбики. Первоначальные славянорусскіе идолы были ничто иное, какъ обтесанные столбики съ обточенными головками: указаніе на это мы можемъ найти въ извѣстіяхъ Ибнъ-Фоцлана. Но обтесанное дерево, бревно, чурбанъ—есть не единственное значеніе, съ которымъ подобныя слова доселѣ сохраняются въ славянскихъ языкахъ. Я обращу ваше вниманіе на польское слово balwan, которое означаетъ вмѣстѣ и чурбанъ и волну. Вотъ это-то польское слово, по моему мнѣнію, и есть ключъ къ разгадкѣ темнаго мѣста въ Словѣ о Полку Игоревѣ. По всей вѣроятности, въ древне-славянскомъ языкѣ «балванъ» также имѣлъ значеніе волны. Вѣроятность эта усилится, если обратимъ вниманіе на цѣлую группу словъ, производныхъ отъ корня бал. Слова этой группы употребляются болѣе или менѣе для обозначенія рѣчи, игры, движенія; таковы: балагурить, балтать (взбалтывать), баламутить, взбалмошный, баловаться и пр. (Напомню еще греческое βάλλω—бросаю). Такой смыслъ корня въ словѣ «балванъ» болѣе соотвѣтствуетъ понятію подвижной, игривой волны, нежели понятію дерева, чурбана,—которое представляетъ что-то неподвижное и тяжелое. И такъ, по всѣмъ признакамъ я полагаю, что слово это когда-то у Руси или у Болгаръ употреблялось въ своемъ болѣе древнемъ, первоначальномъ смыслѣ

волны, и могло означать преимущественно волну морскую; откуда въ переносномъ смыслѣ означало проливъ. Такимъ образомъ «Тмутраканскій балванъ» Слова о Полку Игоревомъ можно перевести: Тмутраканскій проливъ; причемъ подразумѣвается собственно Тмутраканское побережье. Этотъ смыслъ будетъ совершенно соотвѣтствовать другимъ, рядомъ стоящимъ выраженіямъ, т. е. Поморію и Посулію. А обращеніе къ нему какъ-бы къ живому лицу вполнѣ въ духѣ поэтическихъ пріемовъ Слова: напомнимъ обращеніе Ярославны къ Днѣпру Словутичу.

Керченскій проливъ, какъ извѣстно, имѣетъ довольно сильное морское теченіе изъ Азовскаго моря въ Черное и по своему положенію подверженъ вѣтрамъ; почему онъ всегда отличался волнистымъ, бурливымъ характеромъ. Эта черта также могла повліять на его прозваніе. Нѣкоторое подтвержденіе для своей догадки мы находимъ у Константина Багрянороднаго въ 42 главѣ его сочиненія «Объ управленіи имперіей». Въ числѣ рукавовъ Кубани онъ упоминаетъ Бурликъ и Балъ (Βαλ); причемъ словомъ Бурликъ, по его извѣстію, назывался и самый проливъ. А когда припомнимъ сказанное мною о томъ, что этотъ край былъ населенъ славяно-болгарскимъ племенемъ и въ то время принадлежалъ Руси, то нисколько не должно казаться страннымъ, если приведенныя Константиномъ названія принадлежали языку славянскому. Слѣдовательно, Бурликъ выходитъ ничто иное, какъ «бурливый» Керченскій проливъ. Но если этотъ проливъ имѣлъ тождественное названіе съ однимъ изъ рукавовъ Кубани, то могъ также имѣть общее названіе и съ другимъ изъ его рукавовъ, т. е. съ Балъ,— или получить производное отъ этого корня названіе «Балванъ». Такимъ образомъ, послѣднее имя по своему смыслу является варіантомъ въ отношеніи къ имени Бурликъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

О РУКОПИСНОМЪ СИНОДИКѢ 1672 ГОДА

Д. Чл. Н. А. Артлебена.

Въ Переславльскомъ Троицкомъ-Даниловѣ монастырѣ находится писанный полууставомъ синодикъ, полулистоваго формата, со сборникомъ сказаній о поминовеніи, украшеннымъ рисованными отъ руки картинами и орнаментами. Въ срединѣ виньетки заглавнаго листа (снимокъ съ котораго прилагается) написано: «Въ лѣто ҂зрп мая мїа во 2 день... дали сію книгу синодикъ вкладъ въ домъ Живоначальныя Троицы и преподобнаго отца Даніила, той же обители Архимандритъ Гурій Ярославецъ, да посадскій человѣкъ Переславецъ Ѳедоръ Мартьяновъ сынъ Шамаханскій».

Послѣ имени царя Ѳеодора Алексѣевича уже другими почерками приписаны: царь Іоаннъ Алексѣевичъ, императоръ Петръ I, Екатерина I и Петръ II. Послѣднимъ изъ царевичей упоминается Павелъ, сынъ Петра Вел.

Годуновы: Борисъ, Марія, Ѳеодоръ и инокиня Ольга (Ксенія) упомянуты, всѣ въ одномъ мѣстѣ, послѣ царевенъ, записанныхъ первоначальнымъ почеркомъ.

Родъ Архимандрита Гурія отмѣченъ особой надписью въ разрисованномъ клеймѣ.

Въ «Исторіи Россійской Іерархіи», при описаніи Троицкаго-Данилова монастыря, Гурій не показанъ въ спискѣ настоятелей, вѣроятно потому что синодикъ Гурія, со временъ Петра II, оставался въ забвеніи въ монастырскомъ архивѣ и не былъ извѣстенъ составителю описанія архимандриту Іосифу, управлявшему монастыремъ съ 1809 по 1819 г. (Ист. Рос. Іер. т. VI, кн. 1, стр. 441).

Въ Историко-статистическомъ описаніи Данилова монастыря, изданномъ свящ. А. Свирѣлинымъ въ 1860 году, показано, что Гурій

управлялъ монастыремъ съ 1670 по 1673-й годъ. Въ этой же книгѣ говорится, что въ монастырской библіотекѣ есть три синодика, въ которыхъ, однако, не означено года, когда они заведены; слѣдовательно синодикъ 1672 года отысканъ кѣмъ либо послѣ 1860 г.

Изъ обстановки разныхъ находящихся въ синодикѣ картинъ выбраны и представлены въ снимкахъ архитектурные мотивы, рисунки мебели, утварей и костюмовъ. По картинамъ, находящимся въ разныхъ нашихъ рукописныхъ книгахъ, можно замѣчать, что старинные рисовальщики видимо старались въ своихъ рисункахъ воспроизводить предметы изъ обстановки современнаго имъ быта, представляя ихъ, хотя безъ соблюденія правилъ перспективы и точности деталей, но въ такомъ однако видѣ, что рисунокъ рукописи можетъ пояснить сохранившееся описаніе какого нибудь не существующаго уже въ натурѣ предмета старины, и дать понятіе о его формѣ. Такъ, напримѣръ, существованіе въ московскомъ Успенскомъ соборѣ извѣстной формы амвона вполнѣ доказывается рисункомъ въ Царственной книгѣ и случайнымъ лѣтописнымъ извѣстіемъ о поврежденіи того амвона молніей. Примѣромъ того, что рисовальщики довольно вѣрно воспроизводили современные имъ памятники, могутъ служить изображенія шатра надъ ризой Господней, устроеннаго въ московскомъ Успенскомъ соборѣ въ 1627 году, представленныя: одно на иконѣ Положенія ризы, находящейся въ Успенскомъ же соборѣ, и другое—на страницахъ старопечатной псалтири 1633 года, хранящейся въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой лавры (Памятн. Москов. Древности Снегирева, стр. 21—22; Древне-русская народная лит. и искусство, Ѳ. И. Буслаева, т. II, стр. 383—388, рис. 6-й).

На рисункахъ I, II, III и IV, выбранныхъ изъ Переславльскаго синодика, представлены колокольни, напоминающія своей фигурой старинные памятники этого рода въ Ростовѣ, Суздалѣ, Новгородѣ, Псковѣ и въ Московскомъ кремлѣ.

Очевидно, что такой формы колокольни произошли отъ простыхъ деревянныхъ шатровъ, подъ которыми вѣшались колокола при старинныхъ церквахъ. Въ описной книгѣ сельскихъ церквей Княгининскаго уѣзда, 1672 года, колокольные шатры описаны такъ: «Колокольня, поставленъ столбъ, покрытъ тесомъ; на ней два колокола»; «Колокольня на двухъ столбахъ, на ней четыре колокола малыхъ»; «Колокольня на четырехъ столбахъ, покрыта шатромъ тесовымъ, съ крестомъ, а на ней пять колоколовъ» (Записки Имп. Археол. Общ. т. I, 1851 г.).

Такія колокольницы на столбахъ, какъ представляющія простѣйшій способъ подвѣски колоколовъ, устраивались, вѣроятно, съ древнихъ временъ; съ увеличеніемъ числа колоколовъ увеличивалось число столбовъ, ставившихся въ одинъ или два ряда, и число пролетовъ. При

каменныхъ церквахъ псковскихъ и новгородскихъ существуютъ такой же формы колокольни на каменныхъ столбахъ въ 3, 4, 5 и 6 пролетовъ, а нѣкоторыя изъ нихъ есть и въ два яруса (рис. III и IV), какъ напримѣръ, при церкви Мирожскаго монастыря и др. Иногда во 2-мъ ярусѣ возвышался одинъ шатеръ (рис. II), какъ въ Псково-Печерскомъ и Суздальскомъ Спасскомъ монастыряхъ.

На рисункѣ IV изображена колокольня, поставленная на зубчатой городской стѣнѣ; такимъ образомъ могли устроиваться колокольни при церквахъ надъ городскими воротами.

Рисунки II и V представляютъ терема, крытые въ шахматъ; на первомъ изъ нихъ показана и самая раскраска такой крыши.

На рисункахъ VI и VII изображены городскія ворота съ башней, въ родѣ кремлевской Гербовой и Измайловской башенъ, и городскія или монастырскія ворота съ церковью. На стѣнахъ теремковъ, церкви и башни видны узоры, указывающіе на обычай раскрашивать наружность зданій. Рисунокъ VIII—Архіерейское мѣсто съ шатровымъ верхомъ, на точеныхъ столбикахъ.—Прочіе рисунки, IX—XV, представляютъ мебели, утварь и костюмы. На мебели, вмѣстѣ съ рѣзьбой, замѣтна и раскраска. Костюмъ воина—римскій, подобный тѣмъ, въ какихъ, по подлинникамъ, пишутся святые воины; но въ подлинникахъ они изображаются съ непокрытой головой, здѣсь же костюмъ воина дополненъ шлемомъ русской формы.

Собраніе подобныхъ снимковъ изъ старинныхъ рукописей можетъ служить пособіемъ при изученіи и объясненіи памятниковъ русскаго искусства, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ рукописяхъ встрѣтятся рисунки предметовъ такихъ, какіе извѣстны только по оставшимся описаніямъ, но не сохранились въ натурѣ.

ОПИСАНІЕ ДРЕВНЕЙ ИКОНЫ (XVI В.)

СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

ВЪ ЦЕРКВИ УСПЕНІЯ НА ОСТОЖЕНКѢ ВЪ МОСКВѢ

Д. Чл. Н. П. Розанова.

Икона Николая Чудотворца въ церкви Успенія на Остоженкѣ занимаетъ мѣсто въ Никольскомъ придѣлѣ; мѣрою икона: длины 1 аршинъ

4 вершка, ширины 1 аршинъ 2 вершка. Святитель на иконѣ изображенъ во весь ростъ, въ фелони, съ омофоромъ и въ митрѣ; на митрѣ крестъ четвероконечный; руки у святителя воздѣты,—правой благословляетъ, а въ лѣвой держитъ Евангеліе. Икона письма греческаго. Риза или окладъ на иконѣ занимаетъ пространства на срединѣ дски: въ длину 1 аршинъ $2^1/_2$ вершка, въ ширину $11^1/_2$ вершковъ. Риза сребропозлащенная; митра и вѣнецъ на ней осыпаны каменьями, крестъ на митрѣ изъ каменьевъ, около вершка. Затѣмъ на пространствѣ иконы, не занятой ризою, по бокамъ помѣщены 14 изображеній изъ жизни святителя, которыя на себѣ не имѣютъ оклада, но каждое изображеніе отъ другаго отдѣляется металлическими пластинками, на которыхъ значатся по славянски вязью надписи, показывающія краткое содержаніе историческаго изображенія. Внизу на окладѣ святителя изображены двѣ надписи по славянски: а) съ правой стороны—«Милостію Божіею и молитвами Пресвятыя Богородицы построена бысть сія риза въ церковь иже во святыхъ отца нашего Николая Чудотворца иже въ Кіевце, въ лѣто отъ сотворенія ҂зсі а отъ воплощенія Бога Слова ҂ѱѣ, мѣсяца февраля въ день, въ вѣчное поминовеніе по діакѣ Никифорѣ Ѳоминѣ сынѣ Кудрявцевѣ и его родителей, а сію ризу строила по обѣщанію и по изустному приказу жена его вдова Пелагія Григорьева дочь съ сыномъ своимъ», и б) съ лѣвой стороны—«Милостію Божіею и Пречистыя Богородицы и поспѣшествомъ святаго и великаго Чудотворца Николая подѣлана бысть икона сія въ лѣто ҂зкѣ іюня въ аі день (слѣдов. 1524 г.), желаніемъ и замышленіемъ Ивана Яковля сына Кожухова, а прежнему ея написанію при насъ памятуховъ не было». О самой церкви Николая чудотворца въ Кіевцахъ извѣстно, что она находилась на лѣвомъ берегу Москвы рѣки, близь Успенской на Остоженкѣ церкви, противъ бывшаго дома минеральныхъ водъ. По древнимъ описнымъ книгамъ церковь именовалась: въ 1625 г. «церковь великаго чудотворца Николы позадь Зачатейскаго монастыря за Чертольскими вороты»; въ 1686 г. «церковь деревянная Николы Чудотворца, что въ Кіевцѣ», въ 1722 г. «церковь Николая Чудотворца, что въ Кіевцѣ, каменная». Послѣ моровой язвы въ 1771 г., опустошившей московскіе приходы, Николаевская въ Кіевцахъ церковь, согласно представленію Консисторіи, указомъ Московской св. Синода Конторы 1772 г. ноября 19 упразднена, а приходскіе дворы Николаевской въ Кіевцахъ церкви причислены къ Успенской на Остоженкѣ церкви.

КІОТЪ

ДАРЪ ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО

СЕЛУ ЕЛАБУГѢ.

Чл. Кор. Р. Г. Игнатьева.

Въ г. Елабугѣ, Вятской губерніи, въ церкви Покрова Богородицы сохранилась икона трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, присланная, по словамъ старыхъ церковныхъ описей, царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ въ даръ селу Елабугѣ. Мѣстное преданіе разсказываетъ объ этомъ слѣдующее:

Послѣ взятія Казани, царь отправился водою по р. Камѣ въ Соликамскъ, но сдѣлавшись боленъ, велѣлъ судну пристать къ селу Елабугѣ, гдѣ жители были русскіе, и едва ли не потомки выходцевъ Великаго Новгорода и остатокъ тѣхъ камскихъ колоній, которыя принадлежали къ Хлыновской республикѣ. Въ селѣ Елабугѣ царя стала лечить зельями старуха, здѣшняя крестьянка, и вылечила... Царь Иванъ Васильевичъ былъ тогда еще добрый, а не грозный; щедро, по-царски одаривъ старуху-лекарку, онъ осыпалъ милостями все село Елабугу и велѣлъ здѣсь, въ память своего исцѣленія, построить деревянную церковь Покрова Богородицы о семи верхахъ, вѣроятно въ воспоминаніе 7 таинствъ вѣры, и церковь была заложена въ присутствіи самаго царя, бывшими съ нимъ священниками. Возвратясь въ Москву, царь прислалъ въ село Елабугу икону Трехъ Святителей, въ кіотѣ, и велѣлъ устроить фасадъ церкви *) по образцу самаго кіота.

*) Любопытно было бы знать: почему именно и въ память чего царь Иванъ Васильевичъ прислалъ икону Трехъ Святителей?—Имянины свои Грозный справлялъ не 30 января, когда празднуется тремъ святителямъ: Василію Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоусту, а 30 марта, въ день св. преподобнаго Іоанна списателя Лѣствицы, какъ это видно изъ всѣхъ церковныхъ помянниковъ или диптиховъ и изъ изображенія на гробницѣ Грознаго въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ св. Іоанна списателя Лѣствицы, или иначе—«Лѣствичника».

Иванъ, въ селѣ Елабугѣ построена была церковь, изъ сосноваго лѣса, однопрестольная, во имя Покрова Богородицы, о семи верхахъ, куда вновь и икона Трехъ Святителей. Кіотъ съ иконой стоялъ на особомъ деревянномъ столпѣ или подставѣ. Послѣ того, нѣкоторые изъ здѣшнихъ крестьянъ выселились за 1 версту отъ Елабуги, и этотъ выселокъ существуетъ до нынѣ подъ именемъ деревни «Трехсвятской». Жители этой деревни, вмѣстѣ съ елабужскими, въ XVII вѣкѣ назывались «бѣлодворцами». Освобожденные отъ всѣхъ податей и надѣленные землями, они обязаны были доставлять къ царскому двору стерлядей, бѣлугъ, осетровъ, бѣлую и красную рыбу. У елабужскихъ купцовъ Атамановыхъ хранится грамота царя Алексѣя Михайловича 7166 (1658) года на сѣнные покосы, донынѣ называемые «рыбацкими», жалованная предку ихъ, атаману царскихъ рыболововъ Василію Микулину. 2.

Казань была взята 2 октября 1552 г., слѣдственно Грозный могъ быть въ Елабугѣ вскорѣ послѣ этого,—въ самое дурное время для судоходства по Камѣ, кончающагося послѣ 10 октября. Въ хорошее же время годъ и теперь отъ Елабуги до Казани суда доходятъ по р. Камѣ въ двое сутокъ. Крутизна берега Камы и бывшій около села Елабуги нѣкогда болгарскій городъ Вряхимовъ (нынѣ Чортово-городище) убѣдили царя обратить село Елабугу въ крѣпостцу, для отраженія Татаръ и Башкиръ; укрѣпленіе, состоящее изъ 5 деревянныхъ башенъ

и землянаго вала, сохранилось въ Елабугѣ даже до самой пугачевщины. Въ XVII столѣтіи въ с. Елабугѣ жили стрѣльцы и пушкари, зависимые отъ Казанскихъ воеводъ. При Петрѣ Великомъ Елабуга перестала зваться крѣпостцею и обращена въ дворцовое село. Въ 1782 г. она объявлена уѣзднымъ городомъ, и скоро сдѣлалась богатымъ торговымъ пунктомъ. Съ постепеннымъ развитіемъ города возникали новыя постройки, исчезли остатки крѣпости и три древнія церкви: Покровская, Спасская и Никольская, остатки Троицкаго мужскаго монастыря бывшаго около города, на мѣстѣ древняго Бряхимова или Чортова-городища; въ церквахъ истребляли старину, не дорожили и не дорожатъ старинными церковными архивами. Въ 1808 году сломали Покровскую церковь и близь нея построили новую, въ западномъ стилѣ; но сосновый лѣсъ старой церкви былъ до того крѣпокъ, что многія бревна послужили для связей, стропилъ, для перекладинъ къ колоннамъ колокольни. Въ новой церкви, совершенно оконченной въ 1840 году, устроены два придѣла: 1-й, св. пророка Иліи, освященный въ 1813 году, куда, какъ значится изъ церковныхъ документовъ, былъ поставленъ иконостасъ древней Покровской церкви, но въ 1843 году духовенство и прихожане, по свидѣтельству той же описи, нашли его «неприличнымъ благолѣпію» и уничтожили.... 2-й придѣлъ, въ честь трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, освященъ 1 октября 1841 года. Въ новый иконостасъ этого придѣла, вынувъ изъ древняго кіота, поставили икону трехъ святителей, даръ Грознаго, и, снявъ съ нея прежній окладъ, замѣнили его новымъ богатымъ серебрянымъ вызолоченнымъ (въ 9 фун. и 10 зол. вѣсомъ), пожертвованнымъ купцомъ Д. Ѳ. Пупышевымъ. Тотъ же г. Пупышевъ велѣлъ къ иконѣ сдѣлать прибавленіе, на особыхъ доскахъ: сверху—Господа Саваоѳа и Іисуса Христа, или такъ называемаго изображенія «Отечества», а внизу—2-хъ ангеловъ, какъ бы одною рукою поддерживающихъ икону, а другою держащихъ Евангеліе; обѣ эти вставки подведены подъ одинъ общій окладъ; при этомъ икону немного поновили, по желанію того же щедраго вкладчика и ревнителя благолѣпія церковнаго. По его же желанію на окладѣ вычеканена надпись: «отъ царя Ивана IV Васильевича, въ XVI вѣкѣ». Икона Трехъ Святителей, безъ прибавокъ, длиною 1 арш. 14 верш., писана на дубовой дскѣ, по алебастровому на холстѣ левкасу, яичными красками; такъ же и поправки сдѣланы такими же красками. Изображеніе святыхъ не отличается отъ вообще принятаго и донынѣ иконописцами правила писать образъ Трехъ Святителей: всѣ изображенія святыхъ сдѣланы въ ростъ, въ полномъ святительскомъ облаченіи, но безъ митръ на головахъ; при чемъ на святыхъ Григоріѣ и Іоаннѣ—саккосы, такъ какъ они были патріархами, а на Василіѣ Великомъ, какъ на

архіепископѣ,—фелонь и архіерейскій омофоръ; у каждаго изъ святителей въ правой рукѣ евангеліе, лѣвая же рука сложена благословляющимъ крестнымъ знаменіемъ; на иконѣ нѣтъ ни надписей, ни особыхъ какихъ-либо монограммъ.

Старинный, уничтоженный окладъ былъ басменный, изъ тонкаго серебра, съ замѣтной позолотой, и имъ были обложены пустыя мѣста, гдѣ нѣтъ живописи, или фонъ, покрытый коричневымъ грунтомъ; затѣмъ на святыхъ были серебряные вѣнцы, чистаго безлигатурнаго серебра, съ вставленными въ каждый вѣнецъ двумя камешками бирюзы, и таковые жъ серебряные привѣсы или цаты, въ которыя было вставлено по три камешка бирюзы въ каждую цату, какъ значится въ описи церковнаго имущества 1780 года. Кіотъ деревянный, въ видѣ седмиглаваго храма, даръ селу Елабугѣ, вмѣстѣ съ иконою отъ царя Ивана Васильевича, я отыскалъ давно брошеннымъ въ амбаръ при Покровской церкви, въ числѣ всякаго ненужнаго хлама; всѣ мои убѣжденія священнику, старостѣ, наконецъ благочинному—дать дару Грознаго болѣе приличное помѣщеніе—остались напрасными, на томъ основаніи, что онъ «безобразно-несовремененъ», да и въ церкви нѣтъ мѣста, точно также какъ и въ особой часовнѣ, построенной на мѣстѣ бывшей Покровской церкви. Кіотъ сдѣланъ изъ дубовыхъ досокъ и, кромѣ главъ и крестовъ, обитъ листовымъ желѣзомъ, окрашеннымъ зеленою краскою; вѣсу въ немъ до 4 пудъ *).

---

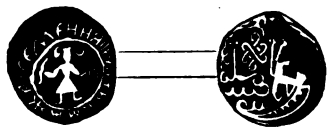
*) Въ Елабугѣ помнятъ посѣщеніе здѣшнихъ церквей покойнымъ археологомъ К. И. Невоструевымъ, такъ много потрудившимся надъ изысканіемъ здѣшнихъ древностей; помнятъ его громкія и справедливыя жалобы на истребленіе и истребителей этихъ древностей. Г. Невоструевъ также безъ успѣха ходатайствовалъ за древній кіотъ, забытый въ амбарѣ. Въ Елабугѣ К. И. Невоструевъ не могъ не обратить вниманіе на архивъ бывшаго здѣсь Духовнаго правленія, въ величайшемъ безпорядкѣ сложенный въ особой палатѣ въ здѣшнемъ Спасскомъ соборѣ, первоначально основанномъ въ XVII вѣкѣ, а потомъ вновь перестроенномъ. Тамъ, по справедливому замѣчанію Невоструева, хранятся документы, важные не только для исторіи мѣстной, но и исторіи вообще Россійской церкви. Этотъ архивъ былъ нѣсколько разсмотрѣнъ и мною; кромѣ актовъ судебныхъ, межевыхъ, историческихъ и проч. мнѣ попадались и археологическіе, напримѣръ—описи старинныхъ церквей. Жаль, что Вятское епархіальное начальство не обратитъ своего вниманія на елабужскій соборный архивъ и не распорядится привести его въ должный порядокъ,—что̀, кажется, могло бы быть исполнено чрезъ здѣшнее же духовенство.

Прим. отъ ред. Неужели и до сихъ поръ здѣшнія древности остаются въ такомъ же жалкомъ забросѣ, и такъ же искажаются и гибнутъ отъ рукъ невѣжества?—Въ виду подобныхъ фактовъ, къ сожалѣнію такъ часто у насъ повторяющихся, и притомъ не на окраинахъ только, но и въ самой Москвѣ (см. ниже ст. Археологическій Синодикъ), трудно опровергнуть то незавидное мнѣніе, которое составилось о насъ въ западной Европѣ и не разъ высказывалось печатно,—именно, что русскій человѣкъ привыкъ жить только мелкими интересами настоящей минуты: не чтитъ онъ своего прошедшаго и не помышляетъ о будущемъ.

ДЕНЬГА

СЪ НАДПИСЬЮ КНЯЗЯ СЕМЕНА.

Д. Чл. Д. Л. Сонцова.



Изъ вновь пріобрѣтенныхъ въ мое нумизматическое собраніе денегъ одна, съ изображеніемъ человѣка въ ростъ, въ длинномъ одѣяніи, въ шапкѣ съ загнутыми къ верху бортами, съ саблей въ одной рукѣ и съ обручемъ въ другой, на оборотной сторонѣ съ тамгою, сохранила отчетливую надпись: «печать кнажа Семена».

Ясно, что эта деньга должна принадлежать или серпуховскому князю Семену Владиміровичу, или московскому—Семену Іоанновичу.

Отсутствіе слова «великаго», не свойственное съ характеромъ в. к. Семена Гордаго, говоритъ, повидимому, за принадлежность этой деньги сыну Владиміра Храбраго; но многое въ ней также клонитъ и въ пользу Семена, сына Калиты.

1) Форма ея, совершенно круглая, подобна деньгамъ Іоанна Іоанновича и Дмитрія Донскаго, и болѣе денегъ, современныхъ Семену Владиміровичу.

2) Чекань этой деньги имѣетъ болѣе сходства въ исполненіи съ чеканью монетъ времени Іоанна и Донскаго, чѣмъ съ позднѣйшей, менѣе изящной,—Василія Дмитріевича и Василія Темнаго.

3) Слово: «князь» съ ж,—на всѣхъ деньгахъ серпуховскихъ оно съ з: Семена, его отца, и братьевъ. Вообще ж употреблялось въ словѣ «князь» до XIV столѣтія, и одинъ только изъ современниковъ Темнаго, Петръ Дмитріевичъ, сохранилъ его въ надписяхъ своихъ денегъ, съ продолговатостію формы монетъ князей суздальскихъ и предка своего Даніила Московскаго.

4) На всѣхъ деньгахъ Семена Владиміровича и братьевъ его мы находимъ съ именемъ и отечество.

Надо обратить вниманіе на одну особенность въ круговыхъ надписяхъ нашихъ древнихъ денегъ, а именно: чѣмъ болѣе ослабѣвала власть Татаръ надъ Русью, тѣмъ болѣе пополнялась надпись на нашихъ деньгахъ. Во время наибольшаго усиленія Татарскаго ига мы видимъ на нихъ только: «печать князя великаго»; при первомъ ослабленіи чуждаго, гнетущаго вліянія, къ словамъ «печать князя великаго» прибавляется первая буква имени князя, потомъ полное его имя. Послѣ Куликовской битвы, сильно потрясшей татарскую власть и внушившей нашимъ предкамъ надежду на свою самостоятельность, мы видимъ надписи съ отечествомъ: «печать князя великаго Василія Дмитріевича». Татары слабѣютъ, Русь мужаетъ, и «господарь всей Руси, всей земли русской», Іоаннъ III, отбрасываетъ съ своихъ денегъ и постыдный знакъ ига—тамгу.

Описанная мною деньга не принадлежитъ ли Семену Гордому, какъ удѣльному князю во время жизни отца его, Іоанна Даниловича Калиты?—Тогда недостатокъ на ней слова «великій» дѣлается совершенно естественнымъ. Мы знаемъ, что при отцѣ Семенъ былъ удѣльнымъ княземъ Нижняго Новгорода, братъ его Іоаннъ—Звенигорода. Какъ удѣльный, онъ могъ выбивать свою монету, и въ этомъ правѣ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ мы знаемъ монеты всѣхъ удѣльныхъ князей московской династіи, даже современныхъ Василію Темному, когда уже удѣльныя права сильно утратили свое значеніе и почти изнемогали подъ преобладаніемъ великокняжескихъ. До сихъ поръ деньги Семена Гордаго составляютъ непонятный пробѣлъ въ нашей нумизматикѣ.

ЗАМѢТКА О МѢДНЫХЪ ГРИВНАХЪ *) XII ВѢКА

Чл. Кор. Л. В. Даля.

Въ числѣ остатковъ нашей христіанской древности, самой первоначальной, стоятъ мѣдныя гривны и кресты, уцѣлѣвшіе кое-гдѣ у

*) Амулеты, описываемые авторомъ въ настоящей замѣткѣ, обыкновенно называютъ гривнами, но неправильно. Слово: гривна означало въ древности (см. объясненіе гр. А. С. Уварова, Проток. № 79 въ Труд. М. А. Общ. т. IV, вып. I, стр. 26) или собственно денежную гривну, или металлическій обручъ, носимый вокругъ шеи, который князья жаловали своимъ дружинникамъ и служителямъ въ знакъ особой милости. Амулеты же, носимые на груди, назывались наузами: «Афанасія мниха о наузѣхъ и стрѣлцѣ громнѣй» (см. въ наст. вып. Матер. для Арх. Слов. слово: Громная стрѣлка). Прим. ред.

любителей-старовѣровъ и на образахъ самыхъ бѣдныхъ церквей, гдѣ ихъ еще не успѣли расплавить, вмѣстѣ со всякимъ мѣднымъ хламомъ, на вновь отливавшіеся колокола.

Подобныхъ гривенъ довольно много уже поддѣльныхъ; однѣ изъ нихъ имѣютъ на одной сторонѣ изображеніе Божіей Матери, съ молитвою къ ней вокругъ: ΘΕΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ (ΚΑΙ) ΒΟΗΘΗ (—ΘΕΙ) ΤΩΝ (ΤΟΝ) ΕΧΩΝΤΑ ΣΕ ΑΙΓ, а на другой—узелъ изъ 12 змій, исходящихъ изъ небольшой безбородой головы, съ надписью вокругъ: Святъ Святъ Господь Саваоѳъ и пр.: ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΚΡΟΣ (ΚΓΡΙΟΣ) ΣΑΒΑΟΘ Ο ΠΛΗΡΗΣ ΟΓΡΑΝΟΣ *). Такія гривны встрѣчаются въ собраніяхъ, и очень часто поддѣльныя, на которыхъ перепутаны змѣи и находятся ошибки въ буквахъ. Мѣдь—не стариннаго сплава, а гораздо желтѣе, и всѣ онѣ довольно толсты.

Мнѣ удалось пріобрѣсти весьма рѣдкую гривну другаго вида, приближающуюся къ знаменитой черниговской (см. фиг. I и II). Она—двойная, такъ что раскрывается подобно стариннымъ мѣднымъ крестамъ, и привѣшена къ особому ушку. Можетъ быть, къ нижнимъ петлямъ привѣшивался еще крестъ, такъ какъ онѣ уже верхнихъ. На ушкѣ не видно ни малѣйшаго слѣда какого-нибудь изображенія, между тѣмъ какъ у болѣе новыхъ крестовъ на немъ находится обыкновенно Нерукотворенный Спасъ. На одной сторонѣ этой гривны изображенъ Ѳеодоръ Стратилатъ, съ копіемъ въ рукахъ; плащъ его походитъ на римскій pallium, а одежда, съ большими складками, скорѣе напоминаетъ тунику, чѣмъ русскій костюмъ, и обнаруживаетъ желаніе изобразить Святаго въ греческомъ одѣяніи; между тѣмъ мечъ и щитъ сѣверные; современные работѣ; на ногахъ сапоги русскіе; надписи вертикальныя, съ одной стороны АГІАСЪ, съ другой ФЕДЪРЪ. Слово агіосъ и вертикальныя надписи указываютъ на очень раннее время, а повторяющаяся два раза буква ъ—на русское производство. На оборотѣ изображенъ родъ щита съ головою, два средніе локона которой длиннѣе другихъ; эти локоны считаются на западѣ отличительнымъ признакомъ римскихъ и галло-римскихъ статуй V до VIII вѣка. На щитѣ византійскій узоръ; около щита перевиваются 12 змѣиныхъ шеекъ съ головами, продолговатая форма которыхъ напоминаетъ скандинавскихъ драконовъ; между зміями—буквы ДАНЪ. Если вспомнимъ, что Іаковъ, благословляя сыновей, рекъ: «и да будетъ Данъ змій на пути, сѣдяй на распутіи, угрызая пяту конску: и падетъ конникъ вспять» (Быт. XL, 17, 18), то мы не можемъ иначе объяснить себѣ эту гривну, какъ

*) Слич. «О древней гривнѣ», Архим. Амфилохія, въ Древн. Труд. М. А. Общ. т. III, вып. 2, стр. 177—179.

Прим. ред.

разъясненія о курганахъ и городищахъ и даже данную форму, не далъ удовлетворительныхъ результатовъ; многіе изъ кургановъ, даже открытыхъ и уже изслѣдованныхъ графомъ А. С. Уваровымъ и покойнымъ П. С. Савельевымъ въ уѣздахъ: Суздальскомъ, Юрьевскомъ и Переславскомъ, волостнымъ правленіямъ большею частію и доселѣ неизвѣстны. Все-таки изъ доставленныхъ ими свѣдѣній по другимъ уѣздамъ получились довольно точныя указанія о слѣдующихъ курганахъ и городищахъ, бывшихъ донынѣ въ совершенной неизвѣстности. Во Владимірскомъ уѣздѣ, въ 7 верстахъ отъ Владиміра за р. Клязьмою, близъ села Кусунова, есть 10 кургановъ на краю глубокаго оврага; при д. Уваровой въ лѣсу въ урочищѣ, подъ названіемъ «Могилки», 30 кургановъ и близъ озера Вочехра 20 кург.; при д. Вилкахъ, близь дороги, пролегающей къ ней изъ Владиміра, 5 кург. и въ лѣсной дачѣ той же деревни 4 кургана. Въ Покровскомъ уѣздѣ: курганы при д. Федотовой, у села Ельца, близь рѣки Шерны, по дорогѣ къ д. Наумовой и близъ д. Борщевни въ лѣсу, называемомъ «Боръ». Въ Меленковскомъ уѣздѣ—близь д. Усада, въ пустоши Медвѣдкѣ и въ Александровскомъ уѣздѣ—на землѣ крестьянина сельца Сущова, близь д. Семеновской. Городища, бывшія доселѣ неизвѣстными, находятся: Вязниковскаго уѣзда, у села Пировыхъ Городищъ, у села Лукина, на берегу р. Лухъ (объ этомъ городищѣ есть преданіе, что тутъ былъ домъ князя Д. М. Пожарскаго); Муромскаго уѣзда, при селѣ Спасъ-Сѣдчинѣ—городокъ, называемый «Стрѣлицы», у села Чаодаева большой городокъ и при сельцѣ Кондраковѣ надъ р. Окою «городъ съ пещерами»; Меленковскаго уѣзда, въ верстѣ отъ с. Окшова, на горѣ надъ р. Окою, близь д. Усада, въ пустошѣ Борзынка, и Александровскаго уѣзда, близь д. Семеновской, на оконечности оврага къ р. Дубнѣ, на землѣ крестьянъ сельца Сущова.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ЧЕРНИГОВСКИХЪ КУРГАНОВЪ СЪ КОСТРИЩАМИ

Чл. Корресп. Д. Я. Самоквасова.

Предпринятое нами изслѣдованіе кургановъ въ предѣлахъ земли древнихъ Сѣверянъ уже предоставило въ распоряженіе науки новый и об-

ширный матеріалъ къ возстановленію общественнаго быта и домашней обстановки древнихъ Славянъ. До настоящаго времени въ разныхъ мѣстностяхъ изслѣдовано около 200 кургановъ. Изданіе подробныхъ описаній мѣстностей, въ которыхъ расположены изслѣдованные курганы, внѣшнихъ формъ разрытыхъ кургановъ и вещей, въ нихъ найденныхъ, будетъ начато нами по окончаніи задуманнаго плана изслѣдованій, а въ предлагаемой статьѣ мы сообщимъ результаты изслѣдованія только двухъ черниговскихъ кургановъ, съ содержаніемъ въ первый разъ открытымъ.

Описаніе внѣшнихъ формъ. Первый изъ этихъ кургановъ былъ насыпанъ на одномъ изъ болѣе высокихъ пунктовъ Болдиныхъ горъ, извѣстныхъ подъ этимъ именемъ еще въ первоначальной русской лѣтописи, лежащихъ на западъ отъ Чернигова, между Елецкимъ и Троицкимъ монастырями, и до настоящаго времени сохранившихъ древнее названіе. Мысъ Болдиныхъ горъ, занятый этимъ курганомъ, извѣстенъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «Гульбища», т. е. мѣста народнаго гулянья, отъ котораго и курганъ получилъ названіе «Гульбище». По убѣжденію мѣстныхъ жителей, «Гульбище» былъ насыпанъ или надъ воинами, нѣкогда убитыми при осадѣ Чернигова, или надъ погибшими отъ чумы, нѣкогда опустошившей Черниговъ. По мѣсту положенія и внѣшнимъ формамъ, «Гульбище» былъ похожъ скорѣе на сторожевой курганъ, нежели могильный. При обыкновенной конусообразной формѣ, съ основаніемъ въ 135 аршинъ въ окружности, и 12-ти аршинахъ отвѣсной высоты, онъ отличался отъ другихъ кургановъ тѣмъ, что былъ обведенъ рвомъ, шириною въ 8 аршинъ и глубиною въ 4 аршина. Обводный ровъ въ трехъ мѣстахъ, равно отстоящихъ одно отъ другаго, прерывался и оставлялъ какъ бы всходы на вершину кургана, заканчивавшуюся площадкою около 30 аршинъ въ окружности, имѣвшею въ срединѣ неглубокое, до $^1/_2$ аршина, углубленіе около 12 аршинъ въ окружности. Одинъ изъ присутствовавшихъ при раскопкѣ мѣстныхъ старожиловъ припоминалъ, что лѣтъ 20 или 25 тому назадъ верхняя площадка кургана была ровная и въ срединѣ ея былъ видѣнъ кирпичный слой. При раскопкѣ не было найдено ни одного кирпича.

Другой курганъ, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «Черной могилы», лежитъ въ чертѣ г. Чернигова, въ огородѣ Елецкаго монастыря, на правомъ углу улицы, ведущей изъ города, отъ старой базарной площади къ Елецкому монастырю, на ровномъ мѣстѣ. Съ сѣверной и восточной сторонъ къ подошвѣ кургана примыкаютъ строенія дворовъ Троицкаго и Елецкаго монастырей, а съ южной и западной онъ окруженъ монастырскими огородами. По внѣшнимъ формамъ «Черная могила» очень сходна съ «Гульбищемъ», но

значительно большихъ размѣровъ. Форма ея—усѣченный конусъ, съ основаніемъ въ 180 аршинъ въ окружности, отвѣсною высотою до 15 аршинъ, площадкою на верху 45 аршинъ въ окружности и незначительнымъ углубленіемъ въ срединѣ площадки. Съ южной и западной сторонъ, не смотря на долговременную распашку прилегающихъ къ кургану огородовъ, еще замѣтенъ былъ широкій ровъ, болѣе 10 аршинъ, нѣкогда окружавшій курганъ. По народному преданію «Черная могила» прикрывала собою знаменитаго князя, по имени Чернаго, основателя города Чернигова, давшаго послѣднему его названіе.

Результаты раскопки. Въ октябрѣ 1872 года разрытъ «Гульбище», а въ августѣ 1873 года «Черная могила».

I. Гульбище. Въ самомъ центрѣ кургана, на глубинѣ шести аршинъ отъ его вершины, показалась обугленная металлическая масса, длиною болѣе аршина, а шириною около $^3/_4$ аршина. Эта масса, при снятіи ея, распалась на нѣсколько частей. То были,—обгорѣлые и дѣйствіемъ огня слитые въ общую массу: мѣдный щитъ и желѣзные—шлемъ, кольчуга, мечъ, копье и стремена. Непосредственно подъ этими вещами найденъ тонкій чугунный сосудъ, съ обгорѣлыми: частью бараньяго черепа, бараньей шерстью и скорлупой куринаго яйца. Этотъ сосудъ найденъ раздавленнымъ землею на нѣсколько частей. Подъ указанными вещами, и отъ нихъ во всѣ стороны аршинъ на пять, простирался слой угля, золы и жженыхъ человѣческихъ и животныхъ костей, толщиною въ центрѣ болѣе пяти вершковъ, по мѣрѣ приближенія къ краямъ становившійся постепенно тоньше и, наконецъ, терявшійся въ бѣловато-красномъ слоѣ обожженной земли.

При изслѣдованіи этого пепелища найдено нѣсколько обугленныхъ зеренъ ржи, овса и ячменя или пшеницы, и слѣдующія вещи:

Десять костяныхъ пуговицъ, каждая съ рѣзьбою особеннаго рисунка.

Десять дутыхъ пуговицъ, между которыми восемь серебряныхъ и двѣ золотыхъ.

Восемь круглыхъ серебряныхъ бляхъ, съ позолотою и рѣзьбою одного рисунка.

Восемь продолговатыхъ серебряныхъ бляхъ, съ позолотою и рѣзьбою одного рисунка.

Одиннадцать ромбовидныхъ серебряныхъ бляхъ, съ позолотою и рѣзьбою двухъ рисунковъ.

17 овальныхъ маленькихъ серебряныхъ бляшекъ безъ позолоты, съ рѣзьбою разныхъ рисунковъ.

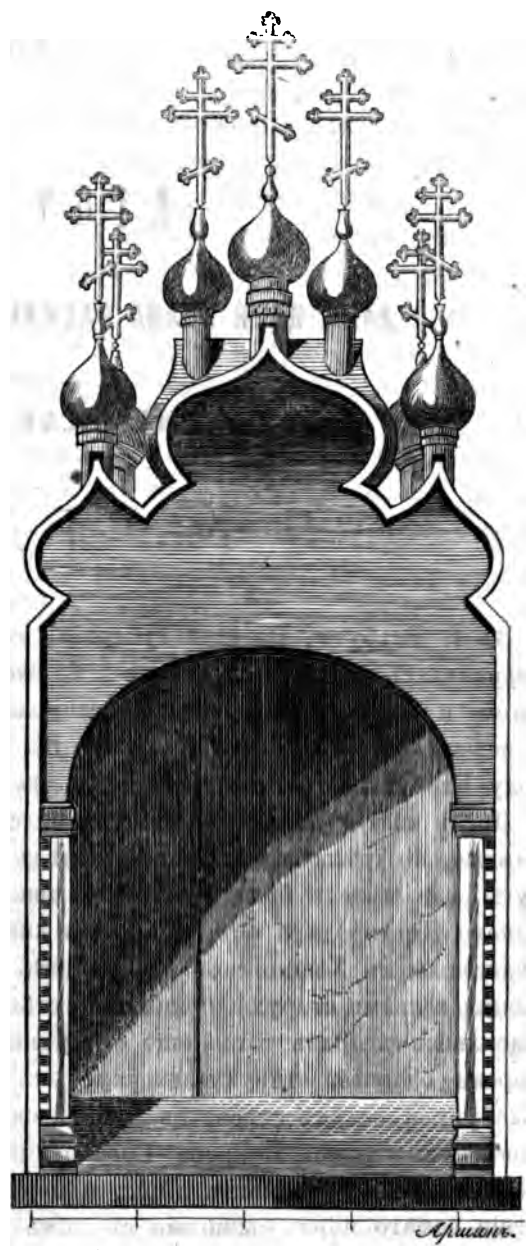
Двѣ сердцевидныя рѣзныя серебряныя бляшки.

Двѣнадцать маленькихъ квадратныхъ мѣдныхъ бляшекъ.

Девять большихъ и два меньшихъ, мѣдныхъ бубенчика.

Двѣ мѣдныя пряжки.

Итакъ, въ селѣ Елабугѣ построена была церковь, изъ сосноваго лѣса, однопрестольная, во имя Покрова Богородицы, о семи верхахъ, куда внесена и икона Трехъ Святителей. Кіотъ съ иконой стоялъ на особомъ деревянномъ столикѣ или подставѣ. Послѣ того, нѣкоторые изъ здѣшнихъ крестьянъ выселились за 1 версту отъ Елабуги, и этотъ выселокъ существуетъ до нынѣ подъ именемъ деревни «Трехсвятской». Жители этой деревни, вмѣстѣ съ елабужскими, въ XVII вѣкѣ назывались «бѣлодворцами». Освобожденные отъ всѣхъ податей и надѣленные землями, они обязаны были доставлять къ царскому двору стерлядей, бѣлугъ, осетровъ, бѣлую и красную рыбу. У елабужскихъ купцовъ Атамановыхъ хранится грамота царя Алексѣя Михайловича 7166 (1658) года на сѣнные покосы, донынѣ называемые «рыбацкими», жалованная предку ихъ, атаману царскихъ рыболововъ Василію Микулину.



Казань была взята 2 октября 1552 г., слѣдственно Грозный могъ быть въ Елабугѣ вскорѣ послѣ этого,—въ самое дурное время для судоходства по Камѣ, кончающагося послѣ 10 октября. Въ хорошее же время года и теперь отъ Елабуги до Казани суда доходятъ по р. Камѣ въ двое сутокъ. Крутизна берега Камы и бывшій около села Елабуги нѣкогда болгарскій городъ Бряхимовъ (нынѣ Чортово-городище) убѣдили царя обратить село Елабугу въ крѣпостцу, для отраженія Татаръ и Башкиръ; укрѣпленіе, состоящее изъ 5 деревянныхъ башенъ

и землянаго вала, сохранилось въ Елабугѣ даже до самой пугачевщины. Въ XVII столѣтіи въ с. Елабугѣ жили стрѣльцы и пушкари, зависимые отъ Казанскихъ воеводъ. При Петрѣ Великомъ Елабуга перестала зваться крѣпостцею и обращена въ дворцовое село. Въ 1782 г. она объявлена уѣзднымъ городомъ, и скоро сдѣлалась богатымъ торговымъ пунктомъ. Съ постепеннымъ развитіемъ города возникали новыя постройки, исчезли остатки крѣпости и три древнія церкви: Покровская, Спасская и Никольская, остатки Троицкаго мужскаго монастыря бывшаго около города, на мѣстѣ древняго Бряхимова или Чортова-городища; въ церквахъ истребляли старину, не дорожили и не дорожатъ старинными церковными архивами. Въ 1808 году сломали Покровскую церковь и близь нея построили новую, въ западномъ стилѣ; но сосновый лѣсъ старой церкви былъ до того крѣпокъ, что многія бревна послужили для связей, стропилъ, для перекладинъ къ колоннамъ колокольни. Въ новой церкви, совершенно оконченной въ 1840 году, устроены два придѣла: 1-й, св. пророка Иліи, освященный въ 1813 году, куда, какъ значится изъ церковныхъ документовъ, былъ поставленъ иконостасъ древней Покровской церкви, но въ 1843 году духовенство и прихожане, по свидѣтельству той же описи, нашли его «неприличнымъ благолѣпію» и уничтожили.... 2-й придѣлъ, въ честь трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, освященъ 1 октября 1841 года. Въ новый иконостасъ этого придѣла, вынувъ изъ древняго кіота, поставили икону трехъ святителей, даръ Грознаго, и, снявъ съ нея прежній окладъ, замѣнили его новымъ богатымъ серебрянымъ вызолоченнымъ (въ 9 фун. и 10 зол. вѣсомъ), пожертвованнымъ купцомъ Д. Ѳ. Пупышевымъ. Тотъ же г. Пупышевъ велѣлъ къ иконѣ сдѣлать прибавленіе, на особыхъ доскахъ: сверху—Господа Саваоѳа и Іисуса Христа, или такъ называемаго изображенія «Отечества», а внизу—2-хъ ангеловъ, какъ бы одною рукою поддерживающихъ икону, а другою держащихъ Евангеліе; обѣ эти вставки подведены подъ одинъ общій окладъ; при этомъ икону немного поновили, по желанію того же щедраго вкладчика и ревнителя благолѣпія церковнаго. По его же желанію на окладѣ вычеканена надпись: «отъ царя Ивана IV Васильевича, въ XVI вѣкѣ». Икона Трехъ Святителей, безъ прибавокъ, длиною 1 арш. 14 верш., писана на дубовой доскѣ, по алебастровому на холстѣ левкасу, яичными красками; такъ же и поправки сдѣланы такими же красками. Изображеніе святыхъ не отличается отъ вообще принятаго и донынѣ иконописцами правила писать образъ Трехъ Святителей: всѣ изображенія святыхъ сдѣланы въ ростъ, въ полномъ святительскомъ облаченіи, но безъ митръ на головахъ; при чемъ на святыхъ Григоріѣ и Іоаннѣ—саккосы, такъ какъ они были патріархами, а на Василіѣ Великомъ, какъ на

архіепископѣ,—фелонь и архіерейскій омофоръ; у каждаго изъ святителей въ правой рукѣ евангеліе, лѣвая же рука сложена благословляющимъ крестнымъ знаменіемъ; на иконѣ нѣтъ ни надписей, ни особыхъ какихъ-либо монограммъ.

Старинный, уничтоженный окладъ былъ басменный, изъ тонкаго серебра, съ замѣтной позолотой, и имъ были обложены пустыя мѣста, гдѣ нѣтъ живописи, или фонъ, покрытый коричневымъ грунтомъ; затѣмъ на святыхъ были серебряные вѣнцы, чистаго безлигатурнаго серебра, съ вставленными въ каждый вѣнецъ двумя камешками бирюзы, и таковые жъ серебряные привѣсы или цаты, въ которыя было вставлено по три камешка бирюзы въ каждую цату, какъ значится въ описи церковнаго имущества 1780 года. Кіотъ деревянный, въ видѣ седмиглаваго храма, даръ селу Елабугѣ, вмѣстѣ съ иконою отъ царя Ивана Васильевича, я отыскалъ давно брошеннымъ въ амбаръ при Покровской церкви, въ числѣ всякаго ненужнаго хлама; всѣ мои убѣжденія священнику, старостѣ, наконецъ благочинному—дать дару Грознаго болѣе приличное помѣщеніе—остались напрасными, на томъ основаніи, что онъ «безобразно-несовремененъ», да и въ церкви нѣтъ мѣста, точно также какъ и въ особой часовнѣ, построенной на мѣстѣ бывшей Покровской церкви. Кіотъ сдѣланъ изъ дубовыхъ досокъ и, кромѣ главъ и крестовъ, обитъ листовымъ желѣзомъ, окрашеннымъ зеленою краскою; вѣсу въ немъ до 4 пудъ *).

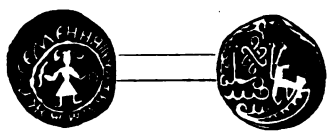
*) Въ Елабугѣ помнятъ посѣщеніе здѣшнихъ церквей покойнымъ археологомъ К. И. Невоструевымъ, такъ много потрудившимся надъ изысканіемъ здѣшнихъ древностей; помнятъ его громкія и справедливыя жалобы на истребленіе и истребителей этихъ древностей. Г. Невоструевъ также безъ успѣха ходатайствовалъ за древній кіотъ, забытый въ амбарѣ. Въ Елабугѣ К. И. Невоструевъ не могъ не обратить вниманіе на архивъ бывшаго здѣсь Духовнаго правленія, въ величайшемъ безпорядкѣ сложенный въ особой палатѣ въ здѣшнемъ Спасскомъ соборѣ, первоначально основанномъ въ XVII вѣкѣ, а потомъ вновь перестроенномъ. Тамъ, по справедливому замѣчанію Невоструева, хранятся документы, важные не только для исторіи мѣстной, но и исторіи вообще Россійской церкви. Этотъ архивъ былъ нѣсколько разсмотрѣнъ и мною; кромѣ актовъ судебныхъ, межевыхъ, историческихъ и проч. мнѣ попадались и археологическіе, напримѣръ—описи старинныхъ церквей. Жаль, что Вятское епархіальное начальство не обратитъ своего вниманія на елабужскій соборный архивъ и не распорядится привести его въ должный порядокъ,—что̀, кажется, могло бы быть исполнено чрезъ здѣшнее же духовенство.

Прим. отъ ред. Неужели и до сихъ поръ здѣшнія древности остаются въ такомъ же жалкомъ заброcѣ, и такъ же искажаются и гибнутъ отъ рукъ невѣжества?—Въ виду подобныхъ фактовъ, къ сожалѣнію такъ часто у насъ повторяющихся, и притомъ не на окраинахъ только, но и въ самой Москвѣ (см. ниже ст. Археологическій Синодикъ), трудно опровергнуть то незавидное мнѣніе, которое составилось о насъ въ западной Европѣ и не разъ высказывалось печатно,—именно, что русскій человѣкъ привыкъ жить только мелкими интересами настоящей минуты: не чтитъ онъ своего прошедшаго и не помышляетъ о будущемъ.

ДЕНЬГА

СЪ НАДПИСЬЮ КНЯЗЯ СЕМЕНА:

Д. Чл. Д. Л. Сонцова.



Изъ вновь пріобрѣтенныхъ въ мое нумизматическое собраніе денегъ одна, съ изображеніемъ человѣка въ ростъ, въ длинномъ одѣяніи, въ шапкѣ съ загнутыми къ верху бортами, съ саблей въ одной рукѣ и съ обручемъ въ другой, на оборотной сторонѣ съ тамгою, сохранила отчетливую надпись: «печать княжа Семена».

Ясно, что эта деньга должна принадлежать или серпуховскому князю Семену Владиміровичу, или московскому—Семену Іоанновичу.

Отсутствіе слова «великаго», не свойственное съ характеромъ в. к. Семена Гордаго, говоритъ, повидимому, за принадлежность этой деньги сыну Владиміра Храбраго; но многое въ ней также клонитъ и въ пользу Семена, сына Калиты.

1) Форма ея, совершенно круглая, подобна деньгамъ Іоанна Іоанновича и Дмитрія Донскаго, и болѣе денегъ, современныхъ Семену Владиміровичу.

2) Чекань этой деньги имѣетъ болѣе сходства въ исполненіи съ чеканью монетъ времени Іоанна и Донскаго, чѣмъ съ позднѣйшей, менѣе изящной,—Василія Дмитріевича и Василія Темнаго.

3) Слово: «князь» съ ж,—на всѣхъ деньгахъ серпуховскихъ оно съ з: Семена, его отца, и братьевъ. Вообще ж употреблялось въ словѣ «князь» до XIV столѣтія, и одинъ только изъ современниковъ Темнаго, Петръ Дмитріевичъ, сохранилъ его въ надписяхъ своихъ денегъ, съ продолговатостію формы монетъ князей суздальскихъ и предка своего Даніила Московскаго.

4) На всѣхъ деньгахъ Семена Владиміровича и братьевъ его мы находимъ съ именемъ и отечество.

Надо обратить вниманіе на одну особенность въ круговыхъ надписяхъ нашихъ древнихъ денегъ, а именно: чѣмъ болѣе ослабѣвала власть Татаръ надъ Русью, тѣмъ болѣе пополнялась надпись на нашихъ деньгахъ. Во время наибольшаго усиленія Татарскаго ига мы видимъ на нихъ только: «печать князя великаго»; при первомъ ослабленіи чуждаго, гнетущаго вліянія, къ словамъ «печать князя великаго» прибавляется первая буква имени князя, потомъ полное его имя. Послѣ Куликовской битвы, сильно потрясшей татарскую власть и внушившей нашимъ предкамъ надежду на свою самостоятельность, мы видимъ надписи съ отечествомъ: «печать князя великаго Василія Дмитріевича». Татары слабѣютъ, Русь мужаетъ, и «господарь всей Руси, всей земли русской», Іоаннъ III, отбрасываетъ съ своихъ денегъ и постыдный знакъ ига—тамгу.

Описанная мною деньга не принадлежитъ ли Семену Гордому, какъ удѣльному князю во время жизни отца его, Іоанна Даниловича Калиты?—Тогда недостатокъ на ней слова «великій» дѣлается совершенно естественнымъ. Мы знаемъ, что при отцѣ Семенъ былъ удѣльнымъ княземъ Нижняго Новгорода, братъ его Іоаннъ—Звенигорода. Какъ удѣльный, онъ могъ выбивать свою монету, и въ этомъ правѣ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ мы знаемъ монеты всѣхъ удѣльныхъ князей московской династіи, даже современныхъ Василію Темному, когда уже удѣльныя права сильно утратили свое значеніе и почти изнемогали подъ преобладаніемъ великокняжескихъ. До сихъ поръ деньги Семена Гордаго составляютъ непонятный пробѣлъ въ нашей нумизматикѣ.

ЗАМѢТКА О МѢДНЫХЪ ГРИВНАХЪ *) XII ВѢКА

Чл. Кор. Л. В. Даля.

Въ числѣ остатковъ нашей христіанской древности, самой первоначальной, стоятъ мѣдныя гривны и кресты, уцѣлѣвшіе кое-гдѣ у

*) Амулеты, описываемые авторомъ въ настоящей замѣткѣ, обыкновенно называютъ гривнами, но неправильно. Слово: гривна означало въ древности (см. объясненіе гр. А. С. Уварова, Проток. № 79 въ Труд. М. А. Общ. т. IV, вып. I, стр. 26) или собственно денежную гривну, или металлическій обручъ, носимый вокругъ шеи, который князья жаловали своимъ дружинникамъ и служителямъ въ знакъ особой милости. Амулеты же, носимые на груди, назывались наузами: «Аѳанасія мниха о наузѣхъ и стрѣлцѣ громнѣй» (см. въ наст. вып. Матер. для Арх. Слов. слово: Громная стрѣлка). Прим. ред.

любителей-старовѣровъ и на образахъ самыхъ бѣдныхъ церквей, гдѣ ихъ еще не успѣли расплавить, вмѣстѣ со всякимъ мѣднымъ хламомъ, на вновь отливавшіеся колокола.

Подобныхъ гривенъ довольно много уже поддѣльныхъ; однѣ изъ нихъ имѣютъ на одной сторонѣ изображеніе Божіей Матери, съ молитвою къ ней вокругъ: ΘΕΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ (ΚΑΙ) ΒΟΗΘΗ (—ΘΕΙ) ΤΩΝ (ΤΟΝ) ΕΧΩΝΤΑ ΣΕ ΑΙΓ, а на другой—узелъ изъ 12 змій, исходящихъ изъ небольшой безбородой головы, съ надписью вокругъ: Святъ Святъ Господь Саваоѳъ и пр.: ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΚΡΟΣ (ΚΥΡΙΟΣ) ΣΑΒΑΟΘ Ο ΠΛΗΡΗΣ ΟΥΡΑΝΟΣ *). Такія гривны встрѣчаются въ собраніяхъ, и очень часто поддѣльныя, на которыхъ перепутаны змѣи и находятся ошибки въ буквахъ. Мѣдь—не стариннаго сплава, а гораздо желтѣе, и всѣ онѣ довольно толсты.

Мнѣ удалось пріобрѣсти весьма рѣдкую гривну другаго вида, приближающуюся къ знаменитой черниговской (см. фиг. I и II). Она—двойная, такъ что раскрывается подобно стариннымъ мѣднымъ крестамъ, и привѣшена къ особому ушку. Можетъ быть, къ нижнимъ петлямъ привѣшивался еще крестъ, такъ какъ онѣ уже верхнихъ. На ушкѣ не видно ни малѣйшаго слѣда какого-нибудь изображенія, между тѣмъ какъ у болѣе новыхъ крестовъ на немъ находится обыкновенно Нерукотворенный Спасъ. На одной сторонѣ этой гривны изображенъ Ѳеодоръ Стратилатъ, съ копіемъ въ рукахъ; плащъ его походитъ на римскій pallium, а одежда, съ большими складками, скорѣе напоминаетъ тунику, чѣмъ русскій костюмъ, и обнаруживаетъ желаніе изобразить Святаго въ греческомъ одѣяніи; между тѣмъ мечъ и щитъ сѣверные; современные работѣ; на ногахъ сапоги русскіе; надписи вертикальныя, съ одной стороны АГІАСЪ, съ другой ФЕДЪРЪ. Слово а г і о с ъ и вертикальныя надписи указываютъ на очень раннее время, а повторяющаяся два раза буква ъ—на русское производство. На оборотѣ изображенъ родъ щита съ головою, два средніе локона которой длиннѣе другихъ; эти локоны считаются на западѣ отличительнымъ признакомъ римскихъ и галло-римскихъ статуй V до VIII вѣка. На щитѣ византійскій узоръ; около щита перевиваются 12 змѣиныхъ шеекъ съ головами, продолговатая форма которыхъ напоминаетъ скандинавскихъ драконовъ; между зміями—буквы ДАНЪ. Если вспомнимъ, что Іаковъ, благословляя сыновей, рекъ: «и да будетъ Данъ з м і й на пути, сѣдяй на распутіи, угрызая пяту коньску: и падетъ конникъ вспять» (Быт. XL, 17, 18), то мы не можемъ иначе объяснить себѣ эту гривну, какъ

*) Слич. «О древней гривнѣ», Архим. Амфилохія, въ Древн. Труд. М. А. Общ. т. III, вып. 2, стр. 177—179.

Прим. ред.

видя въ ней благословеніе, данное на войну, такъ какъ съ одной стороны здѣсь изображенъ св. Ѳеодоръ, воинъ въ вооруженіи, а съ другой—щитъ съ головою и зміями кругомъ (можетъ быть, искаженіе медузиной головы, уцѣлѣвшей въ Византіи въ числѣ языческихъ символовъ) и имя Дана по срединѣ.

Какъ распространены были въ свое время въ Россіи скандинавскія изображенія зміевъ—доказываютъ всѣ наши заставки XI и XII вѣковъ, отставшія вдругъ такъ сильно отъ византійскихъ образцевъ, а также еще и одна маленькая гривенка, можетъ быть дѣтская или женская, которой изображеніе также прилагается (см. фиг. III и IV). Она—цѣльная, тоненькая; съ одной стороны изображено Распятіе съ предстоящими, а съ другой—опять голова, также съ 12-ю зміями вокругъ; не изображаютъ ли эти 12 зміевъ, съ непремѣнною головою въ срединѣ, всегда иначе расположенные и переплетенные, также Іакова и 12 колѣнъ происходящихъ отъ него? Въ такомъ случаѣ, эта гривна могла быть благословеніемъ отъ рода, отъ семьи, отъ старшаго въ ней; голова, впрочемъ,—всегда безбородая, и потому могла изображать родоначальника 12-ти колѣнъ лишь въ самомъ переносномъ смыслѣ.

Къ непремѣннымъ зміямъ на мѣдныхъ гривнахъ, слѣдуетъ еще прибавить и народное повѣрье на счетъ крестовъ: тѣльникъ, по настоящему, долженъ быть мѣдный, такъ какъ Моисей вознесъ змія на мѣдномъ крестѣ. Можетъ быть, поэтому зміи и изображались на мѣдныхъ гравнахъ.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О КУРГАНАХЪ И ГОРОДИЩАХЪ

ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Сообщено отъ Влад. Губерн. Статист. Комитета)

Въ годичномъ засѣданіи Владимірскаго Губерскаго Статистическаго Комитета, 21 марта 1871 года, секретарь Комитета К. Н. Тихонравовъ доложилъ собранію, что въ 1873 году собирались чрезъ волостныя правленія, для Центральнаго статистическаго комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, свѣдѣнія о древнихъ курганахъ и городищахъ, существующихъ въ губерніи. Этотъ новый способъ собиранія свѣдѣній отъ волостныхъ правленій, не смотря на самыя доступныя

разъясненія о курганахъ и городищахъ и даже данную форму, не далъ удовлетворительныхъ результатовъ; многіе изъ кургановъ, даже открытыхъ и уже изслѣдованныхъ графомъ А. С. Уваровымъ и покойнымъ П. С. Савельевымъ въ уѣздахъ: Суздальскомъ, Юрьевскомъ и Переславскомъ, волостнымъ правленіямъ большею частію и доселѣ неизвѣстны. Все-таки изъ доставленныхъ ими свѣдѣній по другимъ уѣздамъ получились довольно точныя указанія о слѣдующихъ курганахъ и городищахъ, бывшихъ донынѣ въ совершенной неизвѣстности. Во Владимірскомъ уѣздѣ, въ 7 верстахъ отъ Владиміра за р. Клязьмою, близъ села Кусунова, есть 10 кургановъ на краю глубокаго оврага; при д. Уваровой въ лѣсу въ урочищѣ, подъ названіемъ «Могилки», 30 кургановъ и близъ озера Вочехра 20 кург.; при д. Вилкахъ, близь дороги, пролегающей къ ней изъ Владиміра, 5 кург. и въ лѣсной дачѣ той же деревни 4 кургана. Въ Покровскомъ уѣздѣ: курганы при д. Федотовой, у села Ельца, близь рѣки Шерны, по дорогѣ къ д. Наумовой и близъ д. Борщевни въ лѣсу, называемомъ «Боръ». Въ Меленковскомъ уѣздѣ—близь д. Усада, въ пустоши Медвѣдкѣ и въ Александровскомъ уѣздѣ—на землѣ крестьянина сельца Сущова, близь д. Семеновской. Городища, бывшія доселѣ неизвѣстными, находятся: Вязниковскаго уѣзда, у села Пировыхъ Городищъ, у села Лукина, на берегу р. Лухъ (объ этомъ городищѣ есть преданіе, что тутъ былъ домъ князя Д. М. Пожарскаго); Муромскаго уѣзда, при селѣ Спасъ-Сѣдчинѣ—городокъ, называемый «Стрѣлицы», у села Чаодаева большой городокъ и при сельцѣ Кондраковѣ надъ р. Окою «городъ съ пещерами»; Меленковскаго уѣзда, въ верстѣ отъ с. Окшова, на горѣ надъ р. Окою, близь д. Усада, въ пустошѣ Борзынка, и Александровскаго уѣзда, близь д. Семеновской, на оконечности оврага къ р. Дубнѣ, на землѣ крестьянъ сельца Сущова.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ЧЕРНИГОВСКИХЪ КУРГАНОВЪ СЪ КОСТРИЩАМИ

Чл. Корресп. Д. Я. Самоквасова.

Предпринятое нами изслѣдованіе кургановъ въ предѣлахъ земли древнихъ Сѣверянъ уже предоставило въ распоряженіе науки новый и об-

ширный матеріалъ къ возстановленію общественнаго быта и домашней обстановки древнихъ Славянъ. До настоящаго времени въ разныхъ мѣстностяхъ изслѣдовано около 200 кургановъ. Изданіе подробныхъ описаній мѣстностей, въ которыхъ расположены изслѣдованные курганы, внѣшнихъ формъ разрытыхъ кургановъ и вещей, въ нихъ найденныхъ, будетъ начато нами по окончаніи задуманнаго плана изслѣдованій, а въ предлагаемой статьѣ мы сообщимъ результаты изслѣдованія только двухъ черниговскихъ кургановъ, съ содержаніемъ въ первый разъ открытымъ.

Описаніе внѣшнихъ формъ. Первый изъ этихъ кургановъ былъ насыпанъ на одномъ изъ болѣе высокихъ пунктовъ Болдиныхъ горъ, извѣстныхъ подъ этимъ именемъ еще въ первоначальной русской лѣтописи, лежащихъ на западъ отъ Чернигова, между Елецкимъ и Троицкимъ монастырями, и до настоящаго времени сохранившихъ древнее названіе. Мысъ Болдиныхъ горъ, занятый этимъ курганомъ, извѣстенъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «Гульбища», т. е. мѣста народнаго гулянья, отъ котораго и курганъ получилъ названіе «Гульбище». По убѣжденію мѣстныхъ жителей, «Гульбище» былъ насыпанъ или надъ воинами, нѣкогда убитыми при осадѣ Чернигова, или надъ погибшими отъ чумы, нѣкогда опустошившей Черниговъ. По мѣсту положенія и внѣшнимъ формамъ, «Гульбище» былъ похожъ скорѣе на сторожевой курганъ, нежели могильный. При обыкновенной конусообразной формѣ, съ основаніемъ въ 135 аршинъ въ окружности, и 12-ти аршинахъ отвѣсной высоты, онъ отличался отъ другихъ кургановъ тѣмъ, что былъ обведенъ рвомъ, шириною въ 8 аршинъ и глубиною въ 4 аршина. Обводный ровъ въ трехъ мѣстахъ, равно отстоящихъ одно отъ другаго, прерывался и оставлялъ какъ бы всходы на вершину кургана, заканчивавшуюся площадкою около 30 аршинъ въ окружности, имѣвшею въ срединѣ неглубокое, до $^1/_2$ аршина, углубленіе около 12 аршинъ въ окружности. Одинъ изъ присутствовавшихъ при раскопкѣ мѣстныхъ старожиловъ припоминалъ, что лѣтъ 20 или 25 тому назадъ верхняя площадка кургана была ровная и въ срединѣ ея былъ видѣнъ кирпичный слой. При раскопкѣ не было найдено ни одного кирпича.

Другой курганъ, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «Черной могилы», лежитъ въ чертѣ г. Чернигова, въ огородѣ Елецкаго монастыря, на правомъ углу улицы, ведущей изъ города, отъ старой базарной площади къ Елецкому монастырю, на ровномъ мѣстѣ. Съ сѣверной и восточной сторонъ къ подошвѣ кургана примыкаютъ строенія дворовъ Троицкаго и Елецкаго монастырей, а съ южной и западной онъ окруженъ монастырскими огородами. По внѣшнимъ формамъ «Черная могила» очень сходна съ «Гульбищемъ», но

значительно большихъ размѣровъ. Форма ея—усѣченный конусъ, съ основаніемъ въ 180 аршинъ въ окружности, отвѣсною высотою до 15 аршинъ, площадкою на верху 45 аршинъ въ окружности и незначительнымъ углубленіемъ въ срединѣ площадки. Съ южной и западной сторонъ, не смотря на долговременную распашку прилегающихъ къ кургану огородовъ, еще замѣтенъ былъ широкій ровъ, болѣе 10 аршинъ, нѣкогда окружавшій курганъ. По народному преданію «Черная могила» прикрывала собою знаменитаго князя, по имени Чернаго, основателя города Чернигова, давшаго послѣднему его названіе.

Результаты раскопки. Въ октябрѣ 1872 года разрытъ «Гульбище», а въ августѣ 1873 года «Черная могила».

I. Гульбище. Въ самомъ центрѣ кургана, на глубинѣ шести аршинъ отъ его вершины, показалась обугленная металлическая масса, длиною болѣе аршина, а шириною около $^3/_4$ аршина. Эта масса, при снятіи ея, распалась на нѣсколько частей. То были,—обгорѣлые и дѣйствіемъ огня слитые въ общую массу: мѣдный щитъ и желѣзные—шлемъ, кольчуга, мечъ, копье и стремена. Непосредственно подъ этими вещами найденъ тонкій чугунный сосудъ, съ обгорѣлыми: частью бараньяго черепа, бараньей шерстью и скорлупой куринаго яйца. Этотъ сосудъ найденъ раздавленнымъ землею на нѣсколько частей. Подъ указанными вещами, и отъ нихъ во всѣ стороны аршинъ на пять, простирался слой угля, золы и жженыхъ человѣческихъ и животныхъ костей, толщиною въ центрѣ болѣе пяти вершковъ, по мѣрѣ приближенія къ краямъ становившійся постепенно тоньше и, наконецъ, терявшійся въ бѣловато-красномъ слоѣ обожженной земли.

При изслѣдованіи этого пепелища найдено нѣсколько обугленныхъ зеренъ ржи, овса и ячменя или пшеницы, и слѣдующія вещи:

Десять костяныхъ пуговицъ, каждая съ рѣзьбою особеннаго рисунка.

Десять дутыхъ пуговицъ, между которыми восемь серебряныхъ и двѣ золотыхъ.

Восемь круглыхъ серебряныхъ бляхъ, съ позолотою и рѣзьбою одного рисунка.

Восемь продолговатыхъ серебряныхъ бляхъ, съ позолотою и рѣзьбою одного рисунка.

Одиннадцать ромбовидныхъ серебряныхъ бляхъ, съ позолотою и рѣзьбою двухъ рисунковъ.

17 овальныхъ маленькихъ серебряныхъ бляшекъ безъ позолоты, съ рѣзьбою разныхъ рисунковъ.

Двѣ сердцевидныя рѣзныя серебряныя бляшки.

Двѣнадцать маленькихъ квадратныхъ мѣдныхъ бляшекъ.

Девять большихъ и два меньшихъ, мѣдныхъ бубенчика.

Двѣ мѣдныя пряжки.

Мѣдная, рѣзная обдѣлка наконечника ноженъ кинжала.

Сорокъ девять бусъ.

Ушное колечко.

Кусочекъ обуглившагося позумента.

Кусочки костяной гребенки.

Пять рѣзныхъ косточекъ, различныхъ рисунковъ.

Кусочки какой-то точеной костяной вещицы.

Одна серебряная монета, прогорѣвшая и окисшая до такой степени, что прочесть надпись нѣтъ возможности.

До ста-пятидесяти, разной величины, серебряныхъ и мѣдныхъ и восемь стеклянныхъ слитковъ отъ неизвѣстныхъ вещей.

II. Черная могила. Когда на вершинѣ кургана былъ снятъ дерновой слой, показались четыре квадрата кирпичей, лежащихъ одинъ на другомъ (какъ бы фундаментъ бывшаго памятника), неодинаковой величины: сторона нижняго квадрата въ четыре, а верхняя въ два аршина длины. Кирпичи связаны были очень крѣпкимъ, известковымъ цементомъ. Кирпичи очень крѣпкіе, съ бороздами на одной сторонѣ, совершенно схожи съ красными кирпичами, изъ какихъ сложены стѣны древняго Спасскаго собора въ Черниговѣ. Подъ нижнимъ квадратомъ кирпичей, непосредственно подъ самой его срединой и надъ центромъ кургана, показался дубовый сгнившій столбъ, въ двѣ четверти ширины, три четверти длины и полтора аршина высоты. Столбъ этотъ былъ уставленъ на битомъ кирпичѣ, по составу совершенно подобномъ кирпичу, изъ какого были сложены вышесказанные квадраты кирпичей. Ниже этого столба на пять аршинъ, въ центрѣ кургана, найдена металлическая окисшая масса, въ которой открыты слѣдующія вещи:

Два желѣзныхъ, сожженныхъ шлема, изъ которыхъ одинъ обложенъ снаружи и внутри мѣдью. На внутренней поверхности шлемовъ замѣтны слѣды сгорѣвшей шапки (нѣсколько расплавившихся пуговицъ и золотая нитка). Дѣйствіемъ огня, шлемы слиты съ двумя кольчугами, кольца которыхъ сплавлены въ общую массу, такъ что только на небольшихъ кусочкахъ можно видѣть систему ихъ соединенія.

Два турьихъ рога, окованныхъ съ широкаго конца серебромъ. На серебрѣ, въ одномъ рогѣ, вырѣзанъ однообразный узоръ, а на другомъ— различныя фигуры, напоминающія изображенія на стѣнахъ корридоровъ Софійскаго собора въ Кіевѣ.

Двѣ золотыя византійскія монеты X вѣка. На одной изъ сторонъ монетъ изображеніе двухъ византійскихъ императоровъ и вокругъ нихъ надпись: Basilios et Constant aug., а на другой сторонѣ изображеніе Спасителя, сидящаго на тронѣ, и вокругъ изображенія надпись: Iis Xrs rex regnantium.

Жженыя кости барана и обожженная шерсть его.

Слѣдовъ сожженія на мѣстѣ, гдѣ найдены перечисленныя вещи, не было.

Ниже перечисленныхъ вещей на пять аршинъ, открыто обширное кострище, до пятнадцати аршинъ въ діаметрѣ, состоявшее изъ толстаго слоя (въ центрѣ около двухъ съ половиною четвертей) угля, золы и жженыхъ человѣческихъ, конскихъ, птичьихъ и рыбьихъ костей. При изслѣдованіи этого кострища найдены обугленныя зерна ржи и овса и слѣдующія вещи:

Дѣйствіемъ огня и ржавчины слитые въ общую массу: два меча, два копья, шашка или сабля, два ножа, двое стременъ и дротикъ.

Мѣдныя части двухъ щитовъ.

Пять копьевъ.

Три серпа.

Три долота.

Двѣ пары стременъ.

Тонкіе желѣзные обручи.

Тонкіе желѣзные сосуды.

Мѣдный сосудъ.

Одна цѣлая игральная косточка и нѣсколько обломковъ.

Болѣе ста проверченныхъ косточекъ, однообразной формы.

Шесть дутыхъ серебряныхъ пуговицъ.

Пять бусъ.

Куски костяной гребенки.

Нитки золотой ткани.

Желѣзный замокъ съ мѣдной внутренней пружиной.

Нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ различной формы.

Обугленныя зерна, желѣзные гвозди, мѣдные и серебряные слитки.

Отрубленная половина византійской монеты X вѣка, съ изображеніемъ императора (одного изъ соправителей) на одной сторонѣ, съ надписью Roman, и половиной изображенія Спасителя, сидящаго на тронѣ, на другой, съ надписью regnantium.

Кромѣ обширнаго наличнаго матеріала для исторіи Россіи X вѣка, доставленнаго черниговскими раскопками, онѣ важны еще потому, что снимаютъ тѣнь подозрѣнія со многихъ свидѣтельствъ одного изъ важнѣйшихъ историческихъ памятниковъ общественнаго быта русскихъ Славянъ въ X вѣкѣ—сказанія Арабскаго писателя Ибнъ-Фадлана (см. Круга: Forschungen in der älteren Geschichte Russlands, t. II, p. 465—535; П. С. Савельева: Мухам. нумизматика, с. LXVII и слѣд.; Гедеонова: Изслѣд. о Нор. вопросѣ. Зап. Ак. Наукъ № 3, с. 88 и слѣд.; Макушева: Сказанія иностр. о бытѣ и нравахъ Славянъ, ч. II; Бѣляева: Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ,

басменнымъ; на святыхъ четыре вѣнчика сребренныхъ рѣзныхъ позлащенныхъ». Противъ сей статьи въ описи отмѣтка: «Подаяніе Благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича». Хотя живопись и возобновлена на семъ образѣ, но вѣнецъ и окладъ тѣже самые, что̀ значится въ описи, и число святыхъ, хотя и не поименованныхъ въ описи, тоже что̀ и теперь. Надобно полагать, что при возобновленіи живописи, изображенія святыхъ не измѣнены. Желалось бы намъ отыскать еще указанія на то, по какому случаю пожертвована сія икона въ монастырь и въ которое время; и тогда объяснилось бы, безъ сомнѣнія, и время написанія святыхъ. Мы желаемъ снять копіи живописныя, и одну изъ нихъ просимъ васъ принять отъ нашей обители, а другую чрезъ ваше посредство желаемъ принести Ниловой пустыни».

Затѣмъ въ другомъ письмѣ архимандритъ Антоній пишетъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что икона эта дѣйствительно пожертвована царемъ Иваномъ Васильевичемъ, потому что во всѣхъ древнихъ описяхъ икона сія значится пожертвованною царемъ Иваномъ Васильевичемъ; но когда именно и по какому случаю пожертвована, не отыскано свѣдѣній».

ПУТЕВАЯ ЗАПИСКА О КРАСНОХОЛМСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Д. Чл. А. К. Жизневскаго.

По пути въ Весьегонскъ, въ нынѣшнемъ году, по обыкновенію, я заѣхалъ въ краснохолмскій Николаевскій-Антоніевъ монастырь, чтобы взглянуть на здѣшній соборъ, одно изъ самыхъ древнихъ зданій въ Тверской губерніи, и чтобы полюбоваться его древними фресками.

Монастырь основанъ въ 1461 г. на землѣ боярина Нелединскаго-Мелецкаго, (*) а соборная церковь построена въ 1481 г., изъ бѣлаго известковаго камня. Этотъ храмъ покрытъ внутри фресками, которыя носятъ на себѣ слѣды большой старины; лики святыхъ написаны въ византійскомъ стилѣ. Къ сожалѣнію, фрески отъ времени и сырости значи-

(*) Близъ монастыря протекаетъ р. Нелединa, а въ 20 верстахъ находится другая р. Мелеча, отъ которыхъ повидимому происходитъ фамилія Нелединскихъ-Мелецкихъ, хотя родоначальникомъ Нелединскихъ-Мелецкихъ въ родословной показывается выходецъ изъ Польши, Станиславъ Мелецкій.

тельно полиняли; къ тому же на стѣнахъ находятся круглыя ямки, величиною вершокъ въ квадратѣ, въ мѣстахъ, гдѣ виднѣются головки гвоздей, на которыхъ была укрѣплена штукатурка; но преданіе упорно утверждаетъ, что это—слѣды неистовствъ Поляковъ, которые въ смутное время междуцарствія стрѣляли въ церкви. Означенное преданіе указываетъ также, что эти фрески не подверглись реставраціи.

Въ ризницѣ соборной хранятся нѣсколько серебряныхъ сосудовъ XVII столѣтія, съ надписями, и евангеліе въ древнемъ окладѣ, съ изображеніями евангелистовъ, обронной работы. Надъ евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ имѣется надпись: «Аггіосъ Иванъ».

Въ монастырѣ хранится копія съ лѣтописи этаго монастыря *), подъ заглавіемъ: «Лѣтописецъ о зачатіи Николаевскаго Антонова монастыря». Лѣтопись начинается словами: «Лѣта 6568, о зачатіи бѣжецкаго Николаевскаго Антоніева монастыря и о строеніи церквей божіихъ и о даніи вотчинъ въ обитель сію великихъ князей и боляръ и прочихъ благодѣтелей».

Лѣтопись эта, полная риторическаго многословія, упоминаетъ объ игуменахъ и вкладчикахъ монастыря; оканчивается 1593 годомъ. Въ этой лѣтописи, между прочимъ, перечисляются слѣдующія событія:

6969 г. основаніе монастыря.

6989 г. начало построенія каменной церкви свят. Николая.

7002 г. начата постройкою каменная церковь Покрова Пресвятой Богородицы съ трапезою.

7008 г. ноября 6-го дня «преставися благовѣрный князь Андрей Углицкій, а далъ...(слѣдуетъ названіе вотчинъ)

7008 г. вкладъ Шелединскаго-Мелецкаго.

7026 г. іюня въ 26 день «преставися благовѣрный князь Симеонъ Ивановичъ Калужскій, а далъ»...(слѣдуетъ наименованіе вотчинъ)

7029 г. мая въ 4 день «далъ Иванъ Васильевичъ Шереметьевъ большой въ домъ Николѣ Чудотворцу ѳерези бархатные на золотѣ, червчатые, да шубу лисью черевью, подъ камкою подъ вишневою» и т. д.

7050 г. января въ 9-й день «преставися рабъ Божій инокъ Васіанъ Шереметьевъ, въ 5 часъ нощи, а далъ въ домъ Николаю Чудотворцу, въ наслѣдіе, вѣчныхъ благъ, колоколъ, да ризы, да стихарь, а цѣна всему тому шестьдесятъ рублевъ».

7056 г. вкладъ игумена Іоасафа **).

---

*) Подлинная лѣтопись отослана въ Тверскую Духовную Консисторію, по приказанію преосвященнаго Арсенія, управлявшаго Тверскою епархіею между 1775 и 1783 годами.

**) Въ лѣтописи сказано: далъ Николу Чудотворцу пядницу, сребромъ обложенъ сканью; да Евангеліе.....да кадило сребренное, а вѣсу тянетъ ёі рублевъ....да патрахель отласная, да поясъ крещатъ шелковой игуменской....

7072 г. вкладъ Богдана Быкова Нелединскаго, въ иноцѣхъ Дометіана.

7101 г. вкладъ Алексѣя Ивановича Маслова.

Архивъ монастырскій богатъ столбцами, но еще не разобранъ.

Настоятель монастыря игуменъ Анатолій, получивъ «Записку для обозрѣнія русскихъ древностей», принялся за описаніе монастыря и за разборку архива.

Между прочимъ, попалась мнѣ на глаза челобитная (7185 г.) «новгородскому митрополиту Корнилію дьяческой вдовы Гликерицы Андреевской на Успенскаго попа на Константина Иванова, да на сына его, бывшаго Благовѣщенскаго дьячка, на Василья Константинова, о томъ, что, по указу святительскому, велѣно отъ церкви Божіей и отъ дьячества отказать Василію Константинову, а быть въ дьячкахъ крестному сыну мужа моего Андрея и моему, Антошкѣ Данилову, и что Василій Константиновъ указу учинился не послушенъ и отъ церкви Божіей и отъ дьячества нейдетъ». Въ этой челобитной описанъ порядокъ, какъ исполнялся святительскій указъ.

ОПИСАНІЕ СПАСО-РЕНСКОЙ ПУСТЫНИ,

НАХОДЯЩЕЙСЯ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ, ВЕСЬЕГОНСКАГО УѢЗДА,

ВЪ ПЯТНАДЦАТИ-ВЕРСТНОМЪ РАЗСТОЯНІИ ОТЪ Г. ВЕСЬЕГОНСКА.

Л. Л. Воскресенскаго.

Спасо-Ренская пустынь до временъ императрицы Екатерины Великой была монастыремъ и находилась въ вѣдѣніи Краснохолмскаго Антоніева Монастыря, а во время царствованія Екатерины обращена была въ приходскую церковь. Пустынь эта находится при впаденіи рѣки Звани въ рѣку Рену, окружена довольно густымъ разнороднымъ, преимущественно еловымъ и сосновымъ, лѣсомъ; пространство до лѣса занимаютъ превосходные заливные сѣнокосные луга и пахатныя поля; мѣстность имѣетъ дикій пустынный видъ.

Нынѣ тамъ находятся двѣ деревянныя церкви, построенныя во второй половинѣ настоящаго столѣтія, а прежнія (также двѣ) деревянныя церкви сгорѣли отъ грозы въ іюнѣ мѣсяцѣ 1858 года. При Спасо-Ренской пустынѣ въ настоящее время есть поселье до 20 крестьянскихъ домовъ, кромѣ домовъ священно-церковно-служителей; но было ли поселье во время существованія монастыря, и когда былъ основанъ самый монастырь, данныхъ при церкви не имѣется; преданіе же существуетъ, что при монастырскихъ скотныхъ дворахъ было нѣсколько монастырскихъ рабочихъ крестьянъ. Сгорѣвшія двѣ церкви были: одна во имя Преображенія Господня, а другая во имя Соловецкихъ Чудотворцевъ Зосимы и Савватія. По закрытіи монастырской обители, почти всѣ древнія вещи и документы переданы въ Краснохолмскій Антоніевъ монастырь; сохранились по настоящее время только нижеслѣдующія древности:

1) Деревянный посохъ, по устройству принадлежащій игуменскому чину, изъ еловаго дерева, длиною $2^1/_2$ арш., толщиною $^1/_3$ вершка, окрашенъ черною краскою. Священникъ передалъ мнѣ, что посохъ окрашенъ лѣтъ двадцать тому назадъ, а до того времени былъ некрашеный. Сверху этаго посоха рукоятка, рожками внизъ, изъ можжевеловаго дерева. Преданіе существуетъ, что этотъ посохъ принадлежалъ одному изъ Соловецкихъ чудотворцевъ, посѣщавшихъ будто бы во время своего земнаго пребыванія эту пустынь, почему посохъ почитается крестьянами съ особеннымъ благоговѣніемъ.

2) Антиминсъ, хорошо сохранившійся и по настоящее время употребляемый при богослуженіи, изъ парусины; на немъ надпись: «При Благовѣрномъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, и при Великомъ Господинѣ Преосвященномъ Корниліи Митрополитѣ Великаго Нова-Града и Великихъ Лугъ. Лѣта отъ созданія міра...Индикта», на верху антиминса: «А отъ воплощенія Божія Слова ҂аѯо... мѣсяца... въ... день». Длина антиминса 11, ширина 10 вершковъ.

3) Напрестольныя вещи, какъ то: желѣзныя два копія, съ желѣзными рукоятками и крестиками на концахъ, и звѣздица; отъ времени вещи эти заржавѣли, никакихъ надписей не имѣютъ, и въ церковныхъ описяхъ не значится—отъ котораго они года; оловянныя вещи—два потира, съ чеканными изображеніями кругомъ верхней половины и съ обыкновенно употребляемыми на потирахъ надписями; на одномъ, судя по виду, болѣе древнемъ потирѣ надпись: «7180 года». Два дискоса, четыре блюдца и двѣ звѣздицы съ таковыми же чеканными изображеніями. Надпись на двухъ блюдцахъ: на одномъ,—«Священницы и діаконы и строители и вамъ бы отца нашего поминать на святыхъ», а на другомъ—«Божіихъ Литургіяхъ и на литіяхъ, а васъ

Господь Бгъ самихъ помянетъ во царствіи небеснемъ». Судя по формѣ этихъ вещей, онѣ одного времени съ тѣмъ потиромъ, на которомъ есть надпись 7180 года.

4) Крестъ деревянный восьмиконечный, обложенъ тонкимъ листовымъ серебромъ, длины 6 вершковъ, пожертвованъ царевною Софіею Алексѣевною; на немъ слѣдующая надпись:

ЛѢТА ҂ЗРЧ...АВГУСТА
ВЪ З ПОСТРОЕАЯ СИ
КРЕСТЪ ВПУСТЫНЮ СПА
СА РЕСК...ЖИНАТЫР...БАГО
ВѢ...Ѧ ЦРВ..СОФ..

Точки означаютъ поврежденіе въ тѣхъ мѣстахъ серебрянаго оклада вмѣстѣ съ буквами.

5) Иконы въ нынѣ существующей церкви Преображенія Господня, надъ царскими дверями: Тайная вечеря, Умовеніе ногъ, Распятіе Господне, Снятіе со креста, положеніе во гробъ Іисуса Христа и царскія врата поступили изъ сгорѣвшихъ церквей Спасо-Ренскаго монастыря. Размѣры образовъ квадратные, около $^1/_2$ арш. длины и ширины; писаны по желтому подъ матовое золото фону и принадлежатъ, судя по живописи, къ древнѣйшимъ временамъ, но положителныхъ даныхъ о ихъ времени въ церкви не имѣется. Царскія врата въ вышину 2 $^1/_2$ и ширины 1 $^1/_2$ аршина, деревянныя, безъ просвѣтъ; въ верху въ полукружіи, на правой сторонѣ, изображенъ ангелъ благовѣститель, на лѣвой Пресв. Марія съ книгою въ рукахъ, въ которой написано: «величитъ душа Моя» и проч. Затѣмъ ниже Благовѣщенія четыре евангелиста, каждый въ особой рамкѣ. По сторонамъ царскихъ дверей, на четырегранныхъ колоннахъ, по четыре образа на каждой сторонѣ: на правой—Іисусъ Христосъ, святые Василій, Никола, Діонисій, на лѣвой—Божія Матерь, святые Іаковъ, Іоаннъ и Григорій. Кромѣ вышеописанныхъ царскихъ дверей есть еще древнія царскія двери; онѣ помѣщены, вмѣсто образовъ, на правой и лѣвой сторонахъ иконостаса въ нынѣшней церкви Преображенія и принадлежали бывшимъ церквамъ Спасо-Ренской пустыни. Въ вышину эти двери 2 арш. 4 верш., а въ ширину 1 арш. На нихъ изображены также: Благовѣщеніе и четыре Евангелиста (Іоаннъ съ учен. Прохоромъ), а при нихъ какія-то древнія городскія зданія. Есть еще очень много и другихъ древнихъ иконъ, принадлежавшихъ Спасо-Ренской обители.

6) Церковныя книги, печатанныя въ 17 столѣтіи; слѣдующія: за веѣ двѣнадцать мѣсяцевъ Минея 1691 года. Въ книгѣ за августъ мѣсяцъ, по листамъ внизу, надпись: «Лѣта ҂зег Ѳентабра вь ив дан вкадꙋ в домѣ чюдотворца Николаа вь Бѣжецкой верхѣ во антоновѣ мнѣтрь при архимандрите Іосифе зерачтію слꙋга Божиихъ Федотьевъ сынъ Улейменской книгꙋ минѣю мѣсачнꙋю мца августа по родителѣ и по своей души. Требникъ 1680 года, напеч. при царѣ и великомъ князѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, съ благословенія патріарха Іоакима. Въ этой книгѣ по листамъ слѣдующая надпись: Книга глаголемаа евхологій сіи рѣчь требникъ церковнаа бѣжецкого верхꙋ Николаѣскаго антонова монастыра приписной спасоренской пꙋстыни а трꙋдилсѧ и в мирѣ ходи поборѣ денѣгꙋ ради и сию книгꙋ кꙋпилъ тоеих спасоренско пꙋстыни монахъ Никонъ и сий книги никомꙋ ни стые сиѧ пꙋстыни неимать і непродать і никомꙋ неꙋдать сыти е во свѣтѣ бжій церкве, а кто дерзнѣ взѧти или похощѣ продати или ꙋдать и что...(на двухъ страницахъ, по случаю ветхости, надпись заклеена бумагою и потому неизвѣстны слова, написанныя на этихъ двухъ страницахъ) всемъ вѣце и вѣдꙋще ꙋ свтые Божиѧ церкве...да анадеми...

7) Два колокола; на одномъ надпись: «193 годъ, декабря въ 11 день, вымѣнилъ сей колоколъ Городецкаго уѣзду Антонова монастыря чудотворца Николы, приписная Спасо-Всемилостиваго Ренская пустыня, строитель Никонъ»; но на другомъ колоколѣ нѣтъ никакой надписи, по формѣ же и виду можно думать, что этотъ послѣдній колоколъ древнѣе перваго. Вѣсъ на колоколахъ не обозначенъ, но примѣрно,—первый до 10—12, а второй до 5—6 пудовъ.

Кромѣ Спасо-Ренской пустыни, бывшей въ вѣдѣніи Краснохолмскаго Антоніева монастыря, въ Весьегонскомъ уѣздѣ есть еще Ламская пустынь, бывшая также въ вѣдѣніи Антоніева монастыря, обращенная нынѣ въ приходскую церковь; Ламская пустынь находится на рѣкѣ Мологѣ, въ тридцати-верстномъ разстояніи отъ г. Весьегонска.

ОТКРЫТІЕ СЛАВЯНО-РУССКОЙ НАДПИСИ

ВЪ ЗДАНІИ ВИЛЕНСКАГО ТЕАТРА

И ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ ВЪ ВИЛЬНѢ.

Извлечено изъ сообщенія Д. Чл. Я. Ѳ. Головацкаго.

Д. Чл. Я. Ѳ. Головацкій сообщилъ М. Арх. Обществу объ открытіи имъ славяно-русской надписи въ зданіи Виленскаго театра.

По разысканіямъ референта, это древнее зданіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ принадлежало виленской городской ратушѣ. Свѣдѣнія о немъ скудны; извѣстно только, что въ 1600 году оно было въ первый разъ возобновлено и потомъ неоднократно передѣлывалось. Самая надпись находится на ступеняхъ каменной лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ зданія; ею испещрены 29 ступеней, почти во всю высоту ихъ отвѣсной стороны. Къ удивленію, замѣчаетъ авторъ, никто изъ здѣшнихъ русскихъ старожиловъ и даже изъ самыхъ изслѣдователей старины не обратилъ до сихъ поръ вниманія на этотъ, чуть ли не единственный теперь у насъ, памятникъ древне-русскаго быта въ Вильнѣ. Найденныя письмена, сдѣланныя славянскою вязью, сильно пострадали отъ времени и даже, по мѣстамъ, какъ будто повреждены намѣренно, такъ что автору, при всѣхъ усиліяхъ, удалось разобрать только слѣдующія слова: мѣ Полсра лѣта ѕ҃ах. Если годъ прочитанъ здѣсь вѣрно, то надпись очевидно сдѣлана была при первомъ возобновленіи зданія, въ 1600 году. Чтобы разобрать всѣ уцѣлѣвшія письмена вполнѣ, необходимо вынуть самые камни, на которыхъ онѣ высѣчены. Авторъ давно уже проситъ на это дозволенія у городской думы, и весьма желательно, чтобы дума уважила просьбу почтеннаго изслѣдователя и такимъ образомъ доставила ему возможность прочитать и объяснить открытую имъ надпись, составляющую новое документальное пріобрѣтеніе, важное не только для исторіи самаго города, но и вообще для исторіи нашей русской народности въ Вильнѣ и западномъ краѣ.

Исторія западно-русской народности представляетъ теперь, по словамъ автора, большіе пробѣлы. Враги русскаго имени давно истребили многіе относящіеся къ ней документы; тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ фактовъ, приводимыхъ авторомъ, свидѣтельствуетъ ясно, что въ XVI и XVII вѣкахъ Вильна была болѣе русскимъ и болѣе православнымъ городомъ, чѣмъ теперь даже и предполагать можно: она служила для всей югозападной Руси центромъ русскаго православія, просвѣщенія, промышленности и торговли. Большинство старшинъ виленскаго магистрата, равно какъ и большинство городскихъ жителей вообще, состояло изъ русскихъ и притомъ большею частію православныхъ. Въ домѣ одного изъ здѣшнихъ старшинъ, благочестиваго Якова Бабича, извѣстный Скорина перевелъ на русскій языкъ всю Библію, напечатанную потомъ въ Прагѣ въ 1517—1519 гг. Другой изъ виленскихъ старшинъ, Богданъ Оньковъ, помогъ тому же Скоринѣ устроить здѣсь первую въ западной Руси славянскую типографію. Во второй половинѣ XVI вѣка въ Вильнѣ жили именитые русскіе граждане Мамоничи, въ домѣ которыхъ бѣжавшій изъ Москвы типографщикъ П. Т. Мстиславецъ нашелъ пріютъ и средства основать новую славянорусскую книгопечатню, которая существовала потомъ долгое время и просла-

нились многими церковными и гражданскими изданіями. Въ Вильнѣ, по сказанію послѣсловія къ Псалтири 1592 г., «Свѣтлѣйшій патріархъ и отецъ митрополитъ съ отцы епископы и съ благороднымъ воеводою Ѳеодоромъ Скуминомъ и съ иными князьями и панами, православными христіанами и жителями града того (Вильны), имѣли намову и обмышленье друкованья книгъ до церквей Божіихъ». Извѣстно также, что въ Вильнѣ существовали въ это время четыре русскія братства. Кромѣ коренныхъ русскихъ жителей, здѣсь постоянно проживало большое число торговыхъ людей изъ Москвы, которые имѣли свой великолѣпный гостинный дворъ и торговали въ розницу, преимущественно мѣховыми товарами. Даже и по наружности Вильна была вполнѣ русскимъ и православнымъ городомъ: стоитъ только посмотрѣть на ея изображеніе въ любопытномъ изданіи Георгія Брауна: Civitates orbis terrarum. Кельнъ 1525 г. (Wilna, Lithuaniae metropolis). Здѣсь мы увидимъ подъ № 17, на углу Ратушной и Стеклянной улицъ, русскую Воскресенскую каменную церковь, а противъ нея другую такую же (вѣроятно, Никольскую); подъ № 19 красуется большое каменное зданіе: Moskowiten-Hof, т. е. упоминутый выше московскій гостинный дворъ; подъ № 26 видны городскія ворота, названныя тутъ даже по русски, клѣтками: Kletken-Thor. Еще въ половинѣ XVI в. въ Вильнѣ числилось до 30 русскихъ церквей, большею частію каменныхъ; при каждой изъ нихъ содержалась русская школа (см. Respublica Moskowiae, Lugduni Bataworum, 1580, p. 130).

Насколько въ это время былъ силенъ здѣсь православно-русскій элементъ, можетъ служить доказательствомъ «Реэстръ вписныхъ братій Свято-Троицкаго Виленскаго братства съ 1584 года» (напечатанный авторомъ въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1859 г. III, 29). Въ этомъ реэстрѣ, кромѣ 30—40 лицъ князей, дворянъ и постороннихъ мѣщанъ, значится болѣе 300 человѣкъ собственно виленскихъ гражданъ, между которыми являются: бургомистръ, ратманы, ихъ жены и дѣти, разные мастеровые и торговые русскіе люди: купцы, шапошники, крашельники, ливцы, золотари, амбарники и т. п. Крѣпко стояло русское православіе даже и въ началѣ XVII в.—Базиліанъ Ольшевскій въ своемъ меморіалѣ о Троицкой церкви въ Вильнѣ (теперь приготовленномъ къ печати О. В. Щербицкимъ) пишетъ, что въ 1584 г. виленскій магистратъ принялъ на свое попеченіе Троицкую церковь и монастырь и содержалъ при немъ двухъ священниковъ и дьякона, что продолжалось по 1605 годъ. Въ этомъ году Вельяминъ Рутскій завладѣлъ монастыремъ и обратилъ его въ уніатскій, но только съ большимъ трудомъ и при покровительствѣ короля и польскихъ вельможъ могъ удержать его за собою нѣкоторое время. Вскорѣ православіе опять усилилось, такъ что въ Вильнѣ всѣ цехи были переполнены

православными, которые не допускали уніатовъ не только въ старшины, но даже и въ подмастерья. Такую силу и значеніе имѣли тогда русскіе православные мѣщане въ Вильнѣ. Авторъ полагаетъ, что навѣрно найдутся новыя данныя по этому предмету въ открытой имъ ратушской надписи, въ которой, вѣроятно, означены имена тогдашнихъ русскихъ городскихъ властей, старшинъ, когда, кѣмъ и на какія суммы обновлена ратуша и проч.

НАДГРОБНЫЙ КАМЕНЬ НАДЪ ПАВШИМИ ВЪ СРАЖЕНІИ ВЪ 1568 Г.

найденный въ Лепельскомъ уѣздѣ Витебской губерніи.

Чл. Корреспондента М. Ф. Кусцинскаго.

М. Ф. Кусцинскій, производя археологическія изслѣдованія въ Лепельскомъ уѣздѣ, обратилъ вниманіе на мѣсто, гдѣ происходили сраженія въ XVI в., во время войны Россіи съ Польшею за Ливонію. «Хотя современные лѣтописцы», говоритъ М. Ф. Кусцинскій, «указываютъ мѣтности этихъ сраженій, происходившихъ, большею частію, вблизи укрѣпленныхъ зàмковъ, однако, безъ тщательнаго изслѣдованія на мѣстѣ, найти побоищи невозможно. Укрѣпленныя мѣста того времени въ Лепельскомъ уѣздѣ—слѣдующія: Красное, Улла, Суша или Копецъ, Чашники и Воронецъ. Въ Сушѣ, откуда я началъ свои изысканія, не оказалось ничего замѣчательнаго. Зàмокъ этотъ построенъ былъ на полуостровѣ около четырехъ десятинъ земли. Нынѣ на этомъ мѣстѣ лежитъ деревня того же названія; на этомъ же пространствѣ помѣщается совершенно ветхая церковь и усадьба священника; здѣсь сохранилась часть землянаго вала—единственный остатокъ нѣкогда оборонительнаго зàмка. Мѣстные крестьяне весьма мало сохранили преданій о существовавшей нѣкогда на ихъ землѣ крѣпости; упоминаютъ только, что на этомъ мѣстѣ былъ когда-то зàмокъ, взятый приступомъ Батурою (Баторіемъ). Одинъ изъ крестьянъ доставилъ мнѣ даже старинный желѣзный бердышъ, найденный имъ въ озерѣ Сушѣ. Въ 22-хъ верстахъ отъ Суши лежитъ на берегу Двины мѣстечко Улла, нѣкогда укрѣпленный зàмокъ. Лѣтописцы XVI вѣка, какъ-то: Стрыйковскій, Бѣльскій, Кояловичъ и др., повѣствуютъ о сраженіи Русскихъ съ литовскимъ войскомъ въ 1568 г. на дорогѣ

между Сушею и Уллою; на эту-то мѣстность я и обратилъ особенное вниманіе, для опредѣленія съ точностью побоища и отысканія древностей. Сраженіе это происходило близь пересѣченія дорогъ изъ Уллы въ Сушу и большой купеческой дороги изъ Чашниковъ въ Полоцкъ. Мѣстность эта находится на пахатномъ полѣ имѣнія Сокорова, въ 5-ти верстахъ отъ Суши и 17-ти отъ Уллы. Распрашивая у окрестныхъ жителей на счетъ преданій о происшедшей въ этомъ мѣстѣ битвѣ, которыя оказались весьма неудовлетворительными, я узналъ о существованіи каменнаго креста на пахатномъ полѣ въ имѣніи Сокорова, въ 50 шагахъ отъ озера, называемаго Поло, у самой дороги, ведущей изъ Уллы къ Сушѣ. Отправившись на мѣсто, я нашелъ этотъ каменный крестъ до половины углубившимся въ землю, на небольшой округленной возвышенности, насыпанной вѣроятно человѣческою рукою. На крестѣ оказалась надпись, высѣченная старинными славянскими буквами; самый крестъ—четвероконечный, сдѣланъ изъ гранита, высотою въ 1 арш. 12 верш., при широтѣ въ 1 арш. 4 верш. Надпись, которую сначала трудно было разобрать по неправильному очертанію буквъ и множеству углубленій, образовавшихся впослѣдствіи, расположена въ слѣдующемъ порядкѣ:

ѦФѢѦ
ТУ ПЛО
ОУ ПОЛѢ
СЖВНРЖ ВО
ХРЖСТУ ПОСТ
ВИЛЖ ПОБИ
ТВПО
ЗѦРН

Она означаетъ: 1569 г. тутъ положено въ полѣ 200 воиновъ (жовнеръ) во Христѣ поставилъ послѣ битвы по... далѣе разобрать невозможно.

Итакъ это надгробный памятникъ, поставленный благочестивою рукою на могилѣ храбрыхъ собратій, на другой годъ послѣ сраженія. Быть можетъ, при тщательномъ разыскиваніи найдутся и другіе подобные памятники, но покамѣстъ, насколько намъ извѣстно, это первая находка въ этомъ родѣ въ западномъ краѣ».

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СИНОДИКЪ.

Сломка древней колокольни при церкви Богоявленія въ Дорогомиловской слободѣ, въ Москвѣ.

Въ № 153 Моск. Вѣдомостей 1874 г. въ статьѣ подъ заглавіемъ «Грустная замѣтка» сообщается, что «колокольня при церкви Богоявленія Господня, что въ Дорогомиловской слободѣ, одинъ изъ изящнѣйшихъ образцовъ стариннаго церковнаго зодчества, разобрана до основанія; если не ошибаемся, на ней были слѣды непріятельскаго нашествія 1812 года; почтенныя стѣны во многихъ мѣстахъ были избиты ядрами. Мы уже болѣе не увидимъ этой красивой колокольни, но на мѣстѣ ея будетъ возвышаться нѣчто въ родѣ Вавилонскаго столпотворенія».

Въ Дорогомиловѣ находилось нѣкогда подворье ростовскихъ архіереевъ. Одинъ изъ нихъ, архіеп. Григорій, по благословенію митроп. Фотія, построилъ здѣсь въ 1412 году церковь Благовѣщенія на Бережкахъ. Къ этому же, вѣроятно, времени относится и основаніе Богоявленской церкви на противуположной сторонѣ Москвы рѣки, въ нынѣшней Дорогомиловской ямской слободѣ. Объ этой церкви уже встрѣчается извѣстіе въ Описной книгѣ московскимъ церквамъ 1625 года. Въ такой же книгѣ 1722 года церковь Богоявленія, съ придѣломъ Николая чудотворца, показана каменная. Отъ древнихъ построекъ въ этой церкви до послѣдняго времени сохранялась только одна колокольня, о недавней сломкѣ которой сообщено выше. Сломанная колокольня была, дѣйствительно, изящной и своеобразной архитектуры, повидимому XVI вѣка. Сколько помнится, своею верхнею частію она походила нѣсколько на колокольню Димитрія Селунскаго, у Тверскихъ воротъ, еще уцѣлѣвшую. Весьма жаль, если передъ сломкою не сняли съ нея даже фотографіи.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

№ 83. 1873 года, мая 24 дня. Протоколъ экстраординарнаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова и въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, В. Н. Виноградскаго, Л. В. Даля, А. А. Мартынова, Д. В. Разумовскаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Доложено о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Журналъ», апрѣль мѣсяцъ 1873 года.

— Императорскаго Казанскаго Университета: а) Извѣстія Университета за 1872 г. и б) Извѣстія и Ученыя записки Университета, мартъ и апрѣль мѣсяцы 1873 г.

— Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: «Извѣстія Сибирскаго Отдѣла», томы III и IV, 1873 г.

— Члена корреспондента Р. Г. Игнатьева: «Памятная книжка Уфимской губерніи, съ статистическою картою губерніи», части 1, 2 и 3. 1873 г.

— Члена корреспондента А. А. Хованскаго: «Филологическія записки», выпускъ I, 1873 г.

— Дѣйствительнаго члена К. К. Герца: «О состояніи живописи въ сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи», 1873 г.

— Дѣйствительнаго члена А. И. Артемьева: «Обозрѣніе трудовъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по исторической географіи», 1873 г.

— Дѣйствительнаго члена А. А. Мартынова: «Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города», томъ II, 1873 г.

Изъ Праги—сочиненіе покойнаго Дѣйствительнаго члена К. И. Невоструева: Pogled na historiju istocne crkve u ceskoj, napisao K. Nevostrujev, 1872.

Отъ Южнославянской Академіи Наукъ: Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, кн. XXII, 1873.

Опредѣлено: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Г. предсѣдатель представилъ на разсмотрѣніе собранія смѣту прихода и расхода по Московскому Археологическому Обществу на 1873 г.

Опредѣлено: утвердить представленную смѣту къ исполненію.

4. Доложено о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Московской Духовной Консисторіи отношеніе, въ которомъ она, въ дополненіе къ прежнему своему отношенію отъ 26 марта, объясняетъ, что въ завѣщаніи покойнаго К. И. Невоструева не указано, въ какое именно археологическое общество должны быть отданы принадлежавшія ему монеты и другія древности; почему Консисторія и находитъ нужнымъ, предварительно исполненія по завѣщанію, сообщить объ этомъ на распоряженіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Опредѣлено увѣдомить Консисторію, что Общество не можетъ не удивляться сомнѣніямъ, возникшимъ въ ней по поводу ясныхъ словъ въ завѣщаніи К. И. Невоструева. Покойный ученый завѣщалъ нѣкоторыя изъ принадлежавшихъ ему вещей въ древлехранилище Археологическаго Общества. Во всей Россіи одно только Московское и называется просто «Археологическое Общество», тогда какъ С.Петербургское носитъ названіе: «Императорское Русское Археологическое Общество». Въ виду этого, Общество положило просить Консисторію сдѣлать распоряженіе о незамедлительной передачѣ въ его древлехранилище предметовъ, завѣщанныхъ К. И. Невоструевымъ.

б) Отъ крестьянина Д. И. Сягаева письмо, въ которомъ онъ проситъ Археологическое Общество оказать свое содѣйствіе къ приведенію въ надлежащее благоустройство Симоновскаго пруда, ископаннаго, по преданію, руками Преподобнаго Сергія.

Опредѣлено: увѣдомить крестьянина Сягаева, что Общество не можетъ войти въ это дѣло, какъ не относящееся къ цѣлямъ и кругу его занятій.

в) Отъ Члена корреспондента Папазоглу изъ Букареста письмо, въ которомъ объясняя, что въ настоящее время онъ поставленъ въ необходимость продать свою коллекцію древностей, предлагаетъ Обществу, не угодно ли ему будетъ пріобрѣсти изъ этой коллекціи какіе либо предметы для своего музея.

Опредѣлено: принять это сообщеніе къ свѣдѣнію.

г) Отъ г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія отношеніе, въ которомъ онъ сообщаетъ, что профессоръ и библіотекарь Страсбургской университетской библіотеки д-ръ Баракъ ходатайствуетъ о пополненіи

этой библіотеки изданіями, напечатанными въ Россіи при содѣйствіи правительства. Желая оказать содѣйствіе этому ходатайству, г. Товарищъ Министра передаетъ на усмотрѣніе Общества, не признаетъ ли оно возможнымъ выслать свои изданія въ библіотеку Страсбургскаго Университета.

Опредѣлили: выслать въ Страсбургскій Университетъ всѣ изданія Московскаго Археологическаго Общества, съ просьбою, чтобы и Университетъ благоволилъ почтить Общество высылкою своихъ изданій.

д) Отъ Московской Дворцовой Конторы отношеніе, въ которомъ объясняется, что въ настоящее время предпринято возобновленіе древней части Потѣшнаго дворца, которое и производится подъ наблюденіемъ архитектора Шохина. Признавая необходимымъ озаботиться о возможной правильности въ возобновленіи такого замѣчательнаго зданія въ Москвѣ, Контора проситъ Археологическое Общество освидѣтельствовать, чрезъ лица свѣдущія, характеръ и украшенія древнихъ построекъ и что̀ будетъ найдено—увѣдомить Контору.

Опредѣлили: просить гг. Предсѣдателя Общества, Секретаря и Члена корреспондента Л. В. Даля осмотрѣть возобновляемыя древнія постройки въ Потѣшномъ дворцѣ и затѣмъ сообщить Конторѣ нужныя для нея свѣдѣнія.

е) Отъ Члена корреспондента Р. Г. Игнатьева письмо съ препровожденіемъ Памятной книжки Уфимской губерніи, изданной тамошнимъ Статистическимъ Комитетомъ и заключающей въ себѣ, между прочимъ, «Списокъ древностей Уфимской губерніи, кромѣ церковно-славянскихъ». Списокъ послѣднихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, древностей Оренбургской губерніи Р. Г. Игнатьевъ обѣщаетъ выслать въ скоромъ времени, при чемъ проситъ Общество о высылкѣ въ Уфимскій Статистическій Комитетъ III т. «Древностей», издаваемыхъ Обществомъ.

Опредѣлили: благодарить Р. Г. Игнатьева за доставленную имъ статью и выслать въ Уфимскій Статистическій Комитетъ III т. «Древностей», по отпечатаніи 3-го выпуска означеннаго тома.

ж) Отъ Дѣйствительнаго члена С. М. Крыжановскаго три письма, при которыхъ онъ препровождаетъ въ Общество составленныя имъ двѣ статьи: «Славянскій Краковъ» и «Славянская Археологія по польскимъ источникамъ», благодаритъ за избраніе его въ дѣйствительные члены и проситъ о высылкѣ ему свидѣтельства на производство археологическихъ раскопокъ въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской.

Опредѣлено: благодарить С. М. Крыжановскаго за доставленныя имъ статьи и выслать ему просимое свидѣтельство.

5. Г. предсѣдатель заявилъ, что въ началѣ Августа нынѣшняго года долженъ открыть свои засѣданія въ Кіевѣ Предварительный Комитетъ по устройству въ будущемъ году 3-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ, и предложилъ избрать въ означенный Комитетъ депутатовъ отъ Московскаго Археологическаго Общества.

Постановили: просить Гг. Предсѣдателя графа А. С. Уварова и Дѣйствительнаго члена Д. В. Разумовскаго принять на себя обязанность депутатовъ

Общества для присутствованія въ Предварительномъ Комитетѣ по устройству 3-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ.

6. По поводу возникшаго въ засѣданіи вопроса о названіяхъ разныхъ мѣстностей и урочищъ въ Москвѣ, Дѣйствительный членъ А. А. Мартыновъ сообщилъ нѣсколько вновь открывшихся свѣдѣній о названіяхъ московскихъ церквей. Такъ, для объясненія названія извѣстной церкви Св. Троицы на Капелькахъ приводили легенду о цѣловальникѣ, торговавшемъ виномъ въ этой мѣстности, который, усердствуя построить здѣсь церковь, просилъ всѣхъ, пившихъ у него вино, отливать по капелькѣ на церковное строеніе. Изъ этихъ капелекъ впослѣдствіи составилась крупная денежная сумма, на которую будто бы и построена Троицкая церковь. Между тѣмъ названіе это объясняется проще: по документальнымъ извѣстіямъ, въ этой мѣстности протекала прежде маленькая рѣчка, имѣвшая названіе «Капельки». Для объясненія названія церкви Покрова Богородицы въ Левшинѣ дѣлали также разныя предположенія. А. А. Мартыновъ видѣлъ одно старинное прошеніе, поданное просвирнею этой церкви, въ которомъ названіе упомянутой церкви объясняется вполнѣ: просительница именуетъ себя просвирнею церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что въ старомъ Левшинѣ полку.

№ 84. 1873 года, ноября 2 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, К. К. Герца, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Калачева, И. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, А. Н. Попова, Н. А. Попова, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

2. Г. предсѣдатель сообщилъ извѣстіе о кончинѣ Дѣйствительныхъ членовъ Общества: графа Лаборда въ Парижѣ и де-Комона въ Каннѣ.

3. Доложено о поступленіи слѣдующихъ приношеній:

а) книгами:

Отъ Казанской Духовной Академіи: «Православный Собесѣдникъ», апрѣль 1873 г.

— Императорскаго Казанскаго Университета: «Извѣстія и ученыя Записки», май и іюнь 1873 г.

— Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Журналъ», май—іюль и октябрь 1873 г.

— Императорскаго Харьковскаго Университета: «Протоколы засѣданій» №№ 6—9, 1872 г. и № 1, 1873 г.

— Кіевской Духовной Академіи: «Труды», апрѣль—августъ, 1873 г.

— Императорскаго Новороссійскаго Университета: «Записки», т. X, 1873 г.

— Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Сибирскаго Отдѣла: «Извѣстія», т. IV, №№ 2—4, 1873 г.

— Виленской Археологической Коммисіи: а) «Акты», т. IV, 1872 г.; б) Алфавитный указатель къ II, III, IV тт. «Актовъ», 1872 г. и в) Алфавитный указатель къ актовой книгѣ, изданной Виленскою Археографическою Коммиссіею въ 1867 г. подъ заглавіемъ: «Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, 1873 г.»

— Кавказской Археографической Коммиссіи: «Акты», т. V, 1873 г.

— Чл. кор. А. А. Хованскаго: Журналъ: «Филологическія Записки». выпуски II и III, 1873 г.

— Чл. кор. П. С. Ефименко: брошюра: «Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи», 1873 г.

— Дѣйств. чл. В. А. Дашкова: «Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей принадлежащихъ», книга II, 1873 г.

— Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: «Отчетъ о дѣйствіяхъ Комитета» за 1873 г.

— Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: а) «Засѣданіе» 15 января и 17 сентября 1873 г. и б) «Общее собраніе» 4 мая 1872 г. и 3 мая 1873 г.

— Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: а) «Уставъ Общества» и б) «Засѣданія Общества» 30 января, 5 и 26 сентября 1873 г.

— Южнославянской Академіи: а) Rad, кн. XXIII и XXIV, 1873. б) Stari pisci hrvatski, кн. V, 1873.

— Копенг. Общ. Сѣвер. Антикваріевъ:

а) Aarboger for nordisk oldkyndighed og historie, Kiobenhavn (3 кн. 1872 г. и 1 кн. 1873 г.), b) Tillaeg til aarboger for nordisk oldkyndighed og historie (2 кн. 1871 г. и 1872 г.) c) Mémoires de la Société royale des Antiquaires du Nord, Copenhague, I, 1872.

— Д. Чл. С. М. Крыжановскаго:

а) Sprawozdanie c. k. Dyrekcyi gimnasyalnes przys S. Annie w Krakowie, 1871; б) Materyaly do monografii rodu Krzyzanowskich, 1873.

— Предсѣдателя гр. А. С. Уварова:

а) Illustrirter Führer in der Münz-und-Alterhums-Abtheilung des Ungarischen National-Museums. Pest, 1870.

б) Jahrbücher des Vereins von Allerthumsfreunden im Rheinlande, LII, Bonn, 1872.

в) Iconographie d'une collection choisie cinq mille médailles, romaines, bysantines et celtibériennes, par I. Sabatier, 1847.

г) Путешествіе Новгородскаго Архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія, съ предисл. и примѣч. Павла Савваитова, С. Петербургъ, 1872 г.

Г. Мандельгрена: Monuments scandinaves du moyen age avec les peintures et autres ornements qui les décorent, par N. M. Mandelgren, 1862, Paris.

— И. Я. Спрогиса, двѣ старопечатныя книги: а) Библія на нѣмецк. яз. Дрезденъ, 1565 г. и б) Ботаника на голланд. яз. Оба изданія in f°, печатаны прекраснымъ готическимъ шрифтомъ, сохранили заглавные листы и снабжены множествомъ рисунковъ.

б) вещами:

Отъ Т. В. Кибальчича: разныя вещи, относящіяся къ классическимъ древностямъ, найденныя и пріобрѣтенныя имъ въ Крыму.

— К. Ф. Тренина изъ Ѳеодосіи: мраморная доска, съ изображеніями крестовъ и армянскою надписью (доставлена въ Общество, вмѣстѣ съ рисункомъ ея, Т. В. Кибальчичемъ).

— Дѣйствительнаго члена А. Н. Андреева серебряныя скандинавскія привѣски.

— Священника В. М. Даманицкаго: портретъ (по преданію) Ермака, писанный масляными красками на жести.

— Дѣйствительнаго члена С. М. Крыжановскаго: двѣ мѣдныя татарскія стрѣлки, подаренныя ему уманскимъ исправникомъ Панкевичемъ.

в) рисунками и фотографическими снимками:

Отъ г. Шварца изъ Познани: фотографическій снимокъ съ двухъ каменныхъ изваяній быковъ, отрытыхъ въ землѣ въ Герцогствѣ Познанскомъ, при которыхъ найдено также 6 мѣдныхъ кельтовъ.

— Т. В. Кибальчича: рисунки, изображающіе древнія надписи, открытыя въ Инкерманѣ, мраморы, найденные въ пещерѣ близь генуэзскихъ развалинъ, и мраморное изваяніе, найденное на берегу Цукурскаго лимана и принадлежащее нынѣ Керченскому музею; фотографическій снимокъ, представляющій планы и виды кургана, находящагося въ имѣніи г. Шверина, близь Севастополя, и отрытую въ этомъ курганѣ вазу античнаго стиля, назначаемую г. Шверинымъ въ даръ Московскому Археологическому Обществу.

Опредѣлили: выразить жертвователемъ признательность Общества.

4. Доложено о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Управленія библіотеки Бреславльскаго Университета извѣщеніе о полученіи изданій Московскаго Археологическаго Общества, съ изъявленіемъ благодарности за ихъ высылку.

б) Отъ священника І. В. Антонова письмо, при которомъ онъ препровождаетъ на разсмотрѣніе Общества отысканный имъ кладъ, состоящій изъ серебряныхъ ложекъ, пряжекъ и другихъ вещей съ польскими гербами, относящихся, повидимому, къ XVII столѣтію. Этотъ кладъ, по его словамъ, выкопанъ случайно въ селѣ Палинигенцы, Кіевской губерніи Васильковскаго уѣзда, у рѣки Камянки, на землѣ, принадлежащей графу Владиславу Браницкому. Вещи эти священникъ Антоновъ проситъ, по разсмотрѣніи, отослать въ Археологическую Коммисію.

Опредѣлили: благодарить священника Антонова за его сообщеніе, а присланныя вещи препроводить, по его просьбѣ, въ Археологическую Коммисію.

в) Отъ Члена корреспондента Р. Г. Игнатьева письмо съ приложеніемъ извѣстія о находкѣ куфическихъ монетъ въ Белебейскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи. Эти монеты, въ числѣ 69, найдены въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года башкирскими мальчиками близь башкирской деревни Дюсеновой, на берегу рѣки Демы. По мнѣнію Р. Г. Игнатьева найденныя монеты принадлежатъ Татарамъ, когда-то владѣвшимъ нынѣшнею Уфимскою губерніей и оставившимъ здѣсь послѣ себя многіе памятники, какъ то: дворецъ Тура-хана, мавзолей Гумеръ-бека, остатки городищъ и земляныхъ укрѣпленій, называемыхъ и доселѣ татарскими или нагайскими, могильные камни съ куфическими надписями и проч. (Памятная книжка Уфим. губ. 1873 г. ч. II-я, стр. 167—184). Всѣ эти монеты—изъ чистаго серебра, величиною нѣсколько больше нашего двугривеннаго, продолговатой формы, съ куфическими надписями съ обѣихъ сторонъ. Въ настоящее время онѣ представлены въ Археологическую Коммисію. При другомъ письмѣ Членъ корреспондентъ Р. Г. Игнатьевъ прислалъ въ Общество 8 №№ Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостей (съ 18-го по 25-й включительно), въ которыхъ напечатана его статья подъ заглавіемъ: «Списокъ древностей Курганскаго округа Тобольской губерніи.» Въ концѣ статьи авторъ указываетъ мѣры къ сохраненію памятниковъ древности.

г) Отъ Дѣйствительнаго члена С. М. Крыжановскаго письмо, съ приложеніемъ журнала раскопокъ, произведенныхъ имъ Кіевской губерніи Уманскаго уѣзда въ полуверстѣ отъ селенія Томашовки, по направленію на востокъ, у рѣчки Одаи. Въ этой мѣстности С. М. Крыжановскій нашелъ 5 камней разной величины. При раскопкѣ, послѣ снятія камней, сначала оказался слой кирпича, далѣе—изломанные куски горшковъ и, наконецъ, рядомъ пять цѣльныхъ горшковъ изъ обожженной желтой глины, не муравленныхъ, различнаго размѣра. Всѣ эти горшки были обращены дномъ вверхъ и заключали въ себѣ перемѣшанный съ землею пепелъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, къ сѣверозападу, находятся два небольшіе кургана. Въ другомъ письмѣ своемъ С. М. Крыжановскій предлагаетъ въ члены корреспонденты Московскаго Археологическаго Общества Члена корреспондента Югозападнаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества священника В. М. Даманицкаго, который издавна ревностно собираетъ матеріалы для археологіи и исторіи югозападнаго края и владѣетъ обширными свѣдѣніями о мѣстныхъ древностяхъ.

д) Отъ Члена корреспондента Д. Я. Самоквасова письмо, съ приложеніемъ записки о раскопкахъ кургана «Черная могила», въ г. Черниговѣ. Многія изъ вещей, найденныхъ въ этомъ курганѣ, по словамъ референта, сходны съ извѣстными уже Обществу вещами, найденными въ подобномъ же курганѣ подъ Черниговомъ, въ прошедшемъ году; но вмѣстѣ съ ними отрыто и нѣсколько новыхъ экземпляровъ, какъ напримѣръ, шашка, копья, серпы, турьи рога, игральныя косточки и двѣ золотыя византійскія монеты X вѣка, на которыхъ съ одной стороны находится изображеніе двухъ им-

ператоровъ, съ надписью вокругъ: Basilios et Constant Aug., съ другой—изображеніе Спасителя, сидящаго на престолѣ, а вокругъ него надпись: Iis Xrs rex regnantium. Эти монеты, по мнѣнію Д. Я. Самоквасова, подтверждаютъ сдѣланное имъ прежде заключеніе, что насыпка кургановъ, изслѣдованныхъ подъ Черниговомъ, относится ко времени близкому къ принятію христіанства въ Кіевѣ. Всѣ эти вещи будутъ имъ представлены въ слѣдующемъ году на выставку славянскихъ древностей въ Кіевѣ при 3-мъ Археологическомъ Съѣздѣ.

е) Отъ Дѣйствительнаго члена В. Г. Тизенгаузена письмо, заключающее въ себѣ отзывъ о бывшей у него на разсмотрѣніи рукописной статьѣ г. Байерна о древностяхъ, открытыхъ въ 1872 г. на Кавказѣ близь Мцхета, и о приложенныхъ къ ней снимкахъ съ рѣзныхъ камней и надписей и слѣпкахъ съ разныхъ монетъ. Лучшую часть этихъ Мцхетскихъ древностей, пишетъ В. Г. Тизенгаузенъ, онъ имѣлъ случай видѣть въ Императорскомъ Эрмитажѣ; онѣ заключаются въ перстняхъ, кольцахъ, застежкахъ, запястьяхъ, рѣзныхъ камняхъ, стеклянныхъ сосудахъ и т. п. Всѣ эти вещи относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ христіанства и по стилю своему одинаковы съ древностями этого же періода, находимыми въ гробницахъ пантикапейскихъ и фанагорійскихъ. Малое знакомство г. Байерна съ результатами раскопокъ, производимыхъ близь Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ, и неправильное толкованіе символическаго значенія найденныхъ имъ предметовъ привели его къ разнымъ страннымъ соображеніямъ о принадлежности означенныхъ вещей народу семитическаго племени глубочайшей древности, который будто бы находился въ связи съ Египтомъ, покланялся Ваалу, приносилъ въ жертву людей и т. п. Вообще, трудъ г. Байерна представляетъ рядъ самыхъ парадоксальныхъ и произвольныхъ выводовъ. Такъ наприм. созвучіе словъ: Евреи и Иверія, Картлосъ и Карѳагенъ заставляютъ его считать Грузинъ единоплеменниками закавказскихъ Евреевъ и прямыми потомками Иверійцевъ, а Картлоса принять за лицо тожественное съ родоначальникомъ ливійскихъ Карѳагенянъ—Мелькартомъ. Въ общеизвѣстныхъ, утолщающихся къ низу стеклянныхъ сосудахъ (слезницахъ) онъ видитъ символическое изображеніе палицы, слѣдоват. поклоненіе Гераклу и Марсу. Находитъ онъ въ могилахъ обломки стекляннаго свѣтильника—и ему уже ясно, что намогильныя тризны происходили вечеромъ; встрѣчая ожерелье изъ ониксовыхъ пронизокъ и окаменѣлостей, онъ приходитъ къ заключенію, что это оставъ естествоиспытателя и т. д., почти все въ этомъ же родѣ. Что касается приложеннаго къ этой статьѣ снимка съ плиты съ еврейскою надписью, то В. Г. Тизенгаузенъ показывалъ этотъ снимокъ Д. А. Хвольсону, который, кромѣ того, получилъ списокъ съ нея отъ г. Броссе. Но ни снимокъ, ни списокъ не дали г. Хвольсону возможности разобрать надпись. По формѣ буквъ, эта надпись можетъ относиться къ V столѣтію до Р. Х. Весьма желательно, говоритъ г. Хвольсонъ, чтобы самая плита была прислана въ Петербургъ. Снимки съ греческихъ надписей, разсмотрѣнные между прочимъ и Ѳ. А. Струве, также неудовлетворительны и крайне отрывочны. Слѣпки съ монетъ г. Байерна, по едва

сохранившимся чертамъ, позволяютъ догадываться, что монеты эти сходны съ тѣми, которыя описалъ Леви въ Zeitschrift der deutschen morgenl. Gesellsch. Bd. 21, p. 421—465, и принималъ за персидскія областныя монеты, чеканенныя или при Александрѣ Великомъ, или при первыхъ Селевкидахъ. Если эта догадка справедлива, то любопытно было бы знать, откуда Байернъ получилъ свои экземпляры. Томасъ полагаетъ, что эти монеты чеканились въ Арменіи; но Леви не согласенъ съ нимъ, между прочимъ потому, что большая часть ихъ, хранящаяся въ Британскомъ музеѣ, получена изъ Шираза, Гамадана и Багдада, а экземпляры Прокешъ-Остена пріобрѣтены въ Керманѣ.

Постановлено: выразить благодарность гг. членамъ: Р. Г. Игнатьеву, С. М. Крыжановскому, Д. Я. Самоквасову и В. Г. Тизенгаузену за присланныя ими сообщенія.

5. Читаны доставленныя въ Общество статьи:

а) Профессора Московской Духовной Академіи Н. И. Субботина: «Замѣтка о Московскомъ соборѣ 1654 года, съ приложеніемъ fac-simile подписи, сдѣланной подъ дѣяніями этаго собора извѣстнымъ Павломъ, епископомъ коломенскимъ».

б) Члена корреспондента Р. Г. Игнатьева: «Кіотъ, даръ царя Грознаго селу Елабугѣ, съ рисункомъ этаго кіота».

в) Дѣйствительный членъ И. Д. Мансветовъ прочиталъ свою статью: «Объ изображеніи Распятія на лжицѣ, находящейся въ Антоніевомъ монастырѣ, въ Новгородѣ».

Опредѣлили: прочитанныя статьи передать въ Редакціонный Комитетъ, а авторовъ благодарить.

6. Предсѣдатель прочиталъ программу 3-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ.

№ 85. Того же числа происходило экстраординарное засѣданіе, въ которомъ избраны:

а) Въ Дѣйствительные члены:
Августъ Казимировичъ Жизневскій.

б) Въ Члены корреспонденты:
Дмитрій Яковлевичъ Самоквасовъ,
Турвонтъ Венедиктовичъ Кибальчичъ.

Предложены къ избранію:

а) Въ Дѣйствительные члены:
Николай Ивановичъ Субботинъ.

б) Въ Члены корреспонденты:
Владиміръ Михайловичъ Даманицкій.

№ 86. 1873 года, декабря 1 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, А. Н. Веселовскаго, К. К. Герца, Т. В. Кибальчича, Н. П. Кондакова, И. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, А. Н. Попова, Д. В. Разумовскаго, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго, А. И. Хлудова и секретаря Общества В. Е. Румянцева.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Доложено о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

Отъ Императорскаго Новороссійскаго Университета: «Записки» т. IX, 1873 г.

— Министерства Народнаго просвѣщенія: «Журналъ», ноябрь 1873 г.

— Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: «Отчетъ» за 1872 г.

— Псковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: а) Протоколъ 3-го засѣданія Археологической Коммиссіи. Объ археологической экспедиціи для изслѣдованія псковскихъ подземелій, К. Евлентьева, 1873 г. б) Памятникъ Псковской старинной письменности; в) Домашняя книга псковитина, посадскаго торговаго человѣка, Н. И. Ямскаго, К. Евлентьева, 1873 г.

— Историческаго Общества Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ: «Протоколы засѣданій», выпускъ 1-й, 1873 г.

— Дѣйствительнаго члена архимандрита Амфилохія, его брошюра: Описаніе греческой Псалтири, М. 1873 г.

Опредѣлили: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Доложено о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Дѣйствительнаго члена А. К. Жизневскаго письмо, съ изъявленіемъ благодарности за избраніе въ члены Общества и присылкою членскаго взноса на 1874 г.—10 р. При этомъ письмѣ приложены:

I. Извѣстіе о древнихъ иконахъ ржевскаго Успенскаго собора. Такихъ иконъ четыре: 1) мѣстная, Успенія Богородицы (длиною 1 арш. 4 верш.); 2) Нерукотвореннаго Спаса (длиною 1 арш. 8 вершк. шир. 1 арш.); 3) св. мученицы Параскевы (длин. 1 арш. 7 вершк.); 4) Преподобной Параскевы (длин. 14 вершк. шир. 10 вершк.). Послѣднія двѣ иконы (чудотворныя) еще въ 1531 г. принесены были по волѣ великаго князя Василія Ивановича въ Москву, поновлены и отправлены назадъ; а новыя, съ нихъ списанныя, остались въ Москвѣ, въ церкви св. Параскевы, тогда же построенной близь Покрова. Эту церковь тогда освятили 27 ноября, и уставили ежегодный ходъ въ нее со крестами (Карамз. Ист. Гос. Росс. т. VII, прим. 383).

II. Описаніе креста, находящагося въ Рождественской часовнѣ города Ржева. Этотъ крестъ—осмиконечный, изъ сосноваго дерева, вышиною 3 арш. 7 вершк., толщиною 3 вершка, въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ, съ финифтью, каменьями и жемчугомъ. На лицевой сторонѣ его написано обычнымъ образомъ Распятіе, а вверху—изображеніе Спасителя на престолѣ, окруженнаго шестокрылатыми херувимами; надъ этимъ изображеніемъ слова:

ІС ХС; по сторонамъ, справа: ГДЬ ВОЕ, слѣва: ДЕРЖИТЕ, а подъ этими словами—справа: РАСПАТИЕ, слѣва: ГДНЕ. Надъ головою Распятаго надпись І. Н. Ц. І., а надъ распростертыми руками Его—славянскія буквы въ слѣдующемъ порядкѣ: ДДДДДДДДЕЕЕЕЕЕЕЕЕПЦЦКККБББККЕЕОПППННХХОООЧЧѠ ѠЧЧѠѠѠѠОООѠѠТКЕЕБЛЦПД. Потомъ слѣдуетъ вторая строка славянскихъ буквъ, начертанныхъ ниже рукъ: КХНЦЕХНИДХНЕХНЕДОКБТЯ ГЕЕПБЯДДПППДННЛКБПЕОДЕЯКДЖЕЛКДРЛКЕЕХРТЕ. На задней сторонѣ креста, вверху—Нерукотворенный образъ, надъ которымъ сверху написаны слова: ІС ХС, а внизу: ТО АГІОЯЛДНЛІОНЪ. Подъ этими словами сдѣлана другая надпись: СТЫЙ АГГЛЪ ХРАНИТЛЬ, а подъ нею изображеніе самаго ангела, съ распростертыми крылами. Ангелъ написанъ стоящимъ на облакѣ. Подъ этимъ изображеніемъ еще двѣ надписи о поновленіяхъ креста, сдѣланныхъ: первое—1701 г. іюня 19, а второе—1739 г. мая 10.

По прочтеніи этаго сообщенія, Членъ корресп. Е. В. Барсовъ обѣщалъ представить Обществу объясненіе славянскихъ буквъ, которыя надписаны на ржевскомъ крестѣ и встрѣчаются нерѣдко на крестахъ стариннаго письма.

Въ другомъ письмѣ А. К. Жизневскій извѣщаетъ, что въ маѣ 1873 г. въ Твери, въ концѣ Рыбацкой улицы, на огородѣ дома купца Боброва, саженяхъ въ 30-ти отъ берега Волги вырытъ, на глубинѣ не болѣе 4-хъ вершковъ, цѣлый каменный гробъ, длиною безъ вершка 3 аршина, безъ крыши и безъ всякихъ надписей; положеніе его въ землѣ было къ востоку. Гробъ наполненъ былъ землею; на днѣ его оказались полуистлѣвшія кости, а подъ нимъ въ землѣ найдено еще нѣсколько череповъ и другихъ костей. По преданію, здѣсь была въ древности церковь «Вознесенія на Хлыновкѣ.» Сообщая объ этомъ, А. К. Жизневскій спрашиваетъ, не признаетъ ли Общество нужнымъ помѣстить этотъ каменный гробъ въ своемъ, или другомъ какомъ либо изъ московскихъ древлехранилищъ?

Опредѣлили: благодарить А. К. Жизневскаго за сообщенныя имъ свѣдѣнія и просить его о доставленіи рисунка найденнаго гроба, или даже о присылкѣ самаго гроба въ древлехранилище Общества, если только эта присылка не будетъ соединена съ особыми затрудненіями и издержками.

б) Отъ Дѣйствительнаго члена С. М. Крыжановскаго письмо, въ которомъ увѣдомляетъ, что онъ изслѣдовалъ и раскопалъ въ Подольской губерніи, въ с. Рыжавкѣ, мѣсто подлѣ бывшей здѣсь старой церкви, одинъ курганъ въ селѣ Колодистомъ, въ усадьбѣ П. Чернѣги, и началъ раскопку кургана на Черноводскихъ поляхъ, но наступившій морозъ пріостановилъ эту работу до весны; обо всѣхъ этихъ раскопкахъ онъ не замедлитъ представить Обществу отчетъ.

Опредѣлили: просить С. М. Крыжановскаго какъ о доставленіи въ Общество отчета, такъ и вещей, найденныхъ имъ при раскопкахъ.

3. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества, что Членъ корр. Н. М. Турбинъ, производя прошедшимъ лѣтомъ археологическія раскопки въ Могилевской губерніи, разрылъ 6 кургановъ у деревни Обидовичи, Могилевскаго уѣзда. Въ трехъ изъ нихъ оказались слѣдующія вещи: въ одномъ—каменныя бусы, круглыя маленькія, и другія большаго размѣра—про-

долговатыя граненыя, а также 5 металлическихъ проволочныхъ колецъ; въ другомъ—довольно хорошо сохранившійся черепъ и при немъ 2 металлическія привѣски овальной формы, украшенныя частыми маленькими шариками, и два кольца; въ третьемъ—также двѣ привѣски круглыя, сканной работы; въ прочихъ курганахъ попадались только совершенно истлѣвшія кости. Всѣхъ кургановъ около с. Обидовичи—74. Мѣстность эта находится на лѣвомъ берегу Днѣпра, верстахъ въ 3-хъ или 4-хъ отъ самой рѣки. По ту сторону Днѣпра, у гор. Быхова и мѣстечка Новый Быховъ, встрѣчается также большое количество кургановъ. Сверхъ того въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, при раскопкѣ кургановъ, найдены имъ: каменный молотокъ, и 7 такихъ же клиньевъ. Всѣ эти вещи Н. М. Турбинъ приноситъ въ даръ Обществу, извѣщая притомъ, что будущей весною онъ намѣревается продолжать на вышеуказанныхъ мѣстностяхъ археологическія раскопки въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, и найденныя вещи будетъ также доставлять Обществу.

Опредѣлили: выразить благодарность Чл. корр. Н М. Турбину за доставленныя имъ вещи и просить его о продолженіи, съ наступленіемъ весны, начатыхъ имъ раскопокъ.

4. Д. Чл. В. Е. Румянцовъ принесъ въ даръ Обществу двѣ серебряныя куфическія монеты съ хорошо сохранившимися надписями и представилъ на разсмотрѣніе гг. членовъ рукописный толковый Апокалипсисъ въ листъ, относящійся по письму къ XVII вѣку, съ множествомъ любопытныхъ лицевыхъ изображеній, писанныхъ красками. Рукопись эта принадлежитъ въ настоящее время книгопродавцу Большакову.

5. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества о недавно послѣдовавшей кончинѣ двухъ Дѣйствительныхъ членовъ: М. А. Максимовича и И. Д. Бѣляева.

6. Дѣйствительный членъ В. Е. Румянцовъ прочиталъ четыре краткія статьи, приготовленныя имъ для Археологичекаго Словаря, подъ заглавіемъ: «В. Ѳ. Бурцевъ Протопоповъ», «Діонисій Святогорецъ», «Купецкая Палата» и «Юфть хлѣба.»

Опредѣлили: прочитанныя статьи передать въ Редакціонный Комитетъ.

7. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ сдѣлалъ сообщеніе о своемъ археологическомъ путешествіи, прошедшимъ лѣтомъ, по славянскимъ землямъ и изложилъ на первый разъ обзоръ древностей и современнаго состоянія археологической науки въ Галиціи.

№ 87. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ экстренномъ засѣданіи избраны:

а) въ Дѣйствительные члены:

Николай Ивановичъ Субботинъ.

б) въ Члены корреспонденты:

Владиміръ Михайловичъ Даманицкій.

Предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные члены: Венедиктъ Михайловичъ Площанскій.

№ 88. 1874 года, января 15 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, В. Н. Виноградскаго, Д. И. Иловайскаго, Т. В. Кибальчича, А. А. Мартынова, Н. А. Попова, Н. П. Розанова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

2. Доложено о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній:

А) КНИГАМИ:

Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Журналъ», декабрь 1873 г.

— Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: «Извѣстія Отдѣла» т. IV, № 5, 1873 г.

— Члена корреспондента А. Н. Неустроева: «С. Петербурскія ученыя вѣдомости на 1777 годъ, Н. И. Новикова», 1873 г. С. Петербургъ.

— Дѣйствительнаго члена В. А. Дашкова: а) Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1870—1872 г. 1873 г. б) Каталогъ Отдѣленія доисторическихъ древностей Московскаго Публичнаго Музея. составл. Г. Д. Филимоновымъ, 1873 г.

— Члена корреспондента Т. В. Кибальчича: Древности Пантикапеи. Археологическія находки въ Керчи, 1873 г.

— Предсѣдателя графа А. С. Уварова:

Святый Филиппъ митрополитъ московскій. Москва, 1873 г.

Преподобный Сергій Радонежскій Чудотворецъ. Москва, 1873 г.

Галицкій Историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Галицкорусской Матицы, выпуски I, II и III. Львовъ, 1854 г.

Указатель до картины земель предъ и за Карпатами, начертанной съ взгляду на старинную народную коммуникацію. Львовъ, 1869 г.

Заволоцкая чудь, составилъ П. С. Ефименко. 4 книги. Архангельскъ. 1869 г.

Katalog der historischen Ausstellung der Stadt Wien 1873, Wien.

Bibliografia hrvatska. Dio 1. U Zagrebu, 1860.

Bibliografia della Dalmazia e del Montenegro saggio di Giuseppe Valentinelli. membro della Società slavo-meridionale etc. Zagabria, 1855

— Roczniki towarzystwa przyjaciól nauk poznańskiego, т. V, Poznan, 1869.

— Дѣйствительнаго члена А. А. Мартынова: 7 брошюръ, заключающихъ въ себѣ описанія Троицкой лавры и разныхъ московскихъ церквей.

— Редакціи Памятной книжки Уфимской губерніи на 1873 годъ: Карта Уфимской губерніи.

— Дѣйствительнаго члена А. К. Киркора, брошюра: Badania Archeologichne w okolicach Babic i Kwaczaly, przez A. H. Kirkora.

— Бельгійской Археологической Академіи: Extrait des Annales de l'Académie d'Archéologie de Belgique, t. XXIX, 2 s. t. IX.

в) ФОТОГРАФИЧЕСКИМИ СНИМКАМИ:

Отъ барона Н. К. Богушевскаго: 5 снимковъ древностей, найденныхъ въ курганахъ села Заполья, при деревняхъ Ардашевѣ и Хвоенкѣ, Псковской губерніи и уѣзда; снимки 1-й и 2-й представляютъ черепа, 3—5-й—горшки и блюда.

в) КАРТИНАМИ И ВЕЩАМИ:

а) Отъ Члена корреспондента Голышева: 10 лубочныхъ картинъ: Страшный судъ; Тихвинская Божія Матерь съ чудесами; Земной шаръ, подъ заглавіемъ: Космографія; Св. Николай Чудотворецъ съ житіемъ; Великомученикъ Георгій; О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь; Слово Іоанна Златоуста о покаяніи; Жена Вавилонская; Распятіе; Сусанна. Отъ него же: пара старинныхъ бархатныхъ съ золотымъ шитьемъ женскихъ башмаковъ, старинная рѣзная доска съ изображеніемъ пятиглавой церкви и двѣ старинныя серебряныя пуговицы, украшенныя финифтью.

б) Отъ Члена корреспондента М. Ф. Кусцинскаго: разныя вещи, найденныя въ 7-ми разрытыхъ имъ курганахъ къ Лепельскомъ уѣздѣ, а именно: желѣзное копье, 7 серебряныхъ колецъ, 4 серебряныя бусы, 2 стеклянныя золоченыя и 80 стеклянныхъ мелкихъ, остатки бусъ, повидимому жемчужныхъ, бусы стеклянныя разноцвѣтныя, бронзовый крестикъ, желѣзный ножикъ, кусокъ точильнаго бруска и черепъ женщины. Вмѣстѣ съ этими вещами М. Ф. Кусцинскій прислалъ дневникъ произведенныхъ имъ курганныхъ раскопокъ въ означенной мѣстности.

Опредѣлили: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Гофмаршала Двора Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича сообщеніе на имя Предсѣдателя о томъ, что Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, принявъ благосклонно поднесенный отъ Московскаго Археологическаго Общества III томъ издаваемыхъ имъ «Древностей», соизволилъ препоручить г. Предсѣдателю выразить Обществу за это поднесеніе благодарность отъ имени Его Императорскаго Высочества.

б) Отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія циркулярное сообщеніе, въ которомъ, вслѣдствіе заявленія пребывающаго здѣсь италіянскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, доводится до свѣдѣнія, что указъ кардинала Пакка, запрещающій, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, вывозъ изъ Рима предметовъ древности и искусства, остается во всей своей силѣ въ Италіянскомъ королевствѣ и по настоящее время.

Опредѣлено: принять вышеизложенныя сообщенія къ свѣдѣнію.

в) Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества увѣдомленіе, что, по опредѣленію общаго собранія Общества, всѣ предметы древности, завѣщанные покойнымъ К. И. Невоструевымъ, могутъ принадлежать Московскому Археологическому Обществу, о чемъ и постановлено увѣдомить Московскую Духовную Консисторію.

г) Отъ Московской Духовной Консисторіи увѣдомленіе, что о незамедлительной передачѣ Московскому Археологическому Обществу вещей, завѣщанныхъ К. И. Невоструевымъ, предписано намѣстнику Чудова монастыря архимандриту Веніамину.

Опредѣлено: сдѣлать распоряженіе о принятіи въ Общество вещей, завѣщанныхъ К. И. Невоструевымъ.

д) Отъ Предварительнаго Комитета 3-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ увѣдомленіе объ открытіи Съѣзда 2-го августа 1874 года, съ приложеніемъ программы Съѣзда и просьбою объ избраніи на этотъ Съѣздъ депутатовъ отъ Московскаго Археологическаго Общества.

Опредѣлено: приступить къ выбору депутатовъ въ будущее засѣданіе.

е) Отъ Дѣйствительныхъ членовъ: Алфреда Мори и Эрнеста Ренана изъ Парижа письма съ изъявленіемъ благодарности за высылку имъ членскихъ дипломовъ; при чемъ Э. Ренанъ извѣщаетъ о скорой высылкѣ имъ въ Общество послѣднихъ тетрадей его Mission de Phenicie.

ж) Отъ Члена сотрудника Оренбургскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества Черникова-Анучина письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ о предпринятыхъ имъ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Уфимскомъ уѣздѣ, въ деревняхъ: Нижнія Термы и Чишмы. Въ этой мѣстности находятся древнія зданія: дворецъ нагайскаго хана Тура-Хана, мечеть и мавзолей Багдадскаго имама Хусейнъ-бека. Дворецъ Тура-Хана находится въ $1^1/_2$ верстѣ отъ деревни Термы. Названіе Термы, по объясненію муллы этой деревни, означаетъ мѣсто казни, такъ какъ здѣсь во время нагайскихъ хановъ совершалась смертная казнь, которую у многихъ древнихъ народовъ обыкновенно производили за городомъ. Мѣстность эта представляетъ собою степь, покрытую природными холмами, на одномъ изъ которыхъ стоитъ самый дворецъ, а рядомъ съ нимъ къ востоку, на разстояніи $133^1/_2$ саженъ, находятся развалины какого-то квадратнаго зданія изъ дикаго камня, по преданію,—ханской мечети. Не доходя до мечети, въ 34 саженяхъ, возвышается стоячій надгробный камень съ полукруглымъ верхомъ, покрытый арабскою надписью, до половины изгладившеюся; здѣсь погребена жена хана. Два подобныхъ камня, но безъ надписей, находятся съ южной стороны дворца, въ 10 и 15 саж.; говорятъ, что это могилы ханскихъ вельможъ. Было еще 2 такихъ же камня близъ самаго дворца, но сломаны бурею и теперь хранятся внутри его. Съ восточной и сѣверной стороны дворецъ имѣетъ полукруглыя окна, а съ запада входъ; внутри онъ оштукатуренъ; кладка стѣнъ—изъ дикаго камня, котораго находится много въ 10 верстахъ отсюда при деревнѣ Чишмы, гдѣ стоитъ мавзолей Хусейнъ-бека. Въ этой мѣстности, у дворца и мечети, г. Черниковъ-Анучинъ началъ археологическія раскопки, но вскорѣ былъ вынужденъ прекратить ихъ, встрѣтивъ общій ропотъ мѣстныхъ жителей-мусульманъ, у которыхъ эти развалины и самая мѣстность въ великомъ почтеніи. Весною будущаго года онъ намѣревается приступить къ раскопкѣ кургановъ при г. Уфѣ и въ Уфимскомъ уѣздѣ, а по окончаніи ихъ, и въ прочихъ уѣздахъ губерніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Черниковъ-Анучинъ извѣщаетъ, что онъ предпринялъ

составить археологическую карту Уфимской губерніи, текстомъ для которой можетъ служить Описаніе древностей Уфимской губерніи, Р. Г. Игнатьева, помѣщенное въ Памятной книжкѣ Уфимской губ. за 1873 годъ. Часть этой карты прислана имъ въ Общество при настоящемъ письмѣ.

Опредѣлено: благодарить г. Черникова-Анучина за доставленное имъ сообщеніе.

з) Отъ Члена корреспондента М. Ф. Кусцинскаго письмо, въ которомъ извѣщаетъ, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ онъ не имѣлъ возможности исполнить нынѣшнимъ лѣтомъ возложеннаго на него Обществомъ порученія относительно изслѣдованія кургановъ Кривичей и проситъ дозволенія продолжать эти изслѣдованія будущей весною.

Опредѣлили: просить Члена корреспондента Кусцинскаго о продолженіи начатыхъ имъ раскопокъ Кривичанскихъ кургановъ съ наступленіемъ весны.

и) Отъ Дѣйствительнаго члена С. М. Крыжановскаго письмо, съ препровожденіемъ журнала раскопки кургановъ въ селѣ Колодистомъ, Кіевской губерніи Уманскаго уѣзда, близь рѣки Синицы, на правомъ ея берегу. Курганъ этотъ имѣетъ въ окружности своей, у подножія, 37 метровъ и 20 центиметровъ, а высота его, передъ раскопкою, была 1 метръ и 40 центим. При раскопкѣ, сдѣланной по срединѣ кургана, найдены въ квадратной ямѣ: 1) на глубинѣ 1 метра—битые черепки украшеній изъ обожженной глины, безъ надписей, и черепки муравленыхъ сосудовъ, которые, судя по остаткамъ ихъ, были небольшой высоты, но широкогорлые. Одинъ изъ нихъ, самый большой, имѣетъ два уха для подниманія и, перпендикулярно имъ, два другихъ уха, въ которыя вложены глиняныя же кольца, весьма отчетливой работы. 2) На той же глубинѣ,—одно такое же кольцо изъ обожженной желтой глины, бывшее вѣроятно въ ухѣ сосуда. 3) Куски окислившейся красной мѣди, составлявшіе неизвѣстный широкогорлый сосудъ. 4) Сожженныя кости и уголья. 5) Мѣдный окислившійся ножикъ со сломаннымъ немного концомъ. Наконецъ 6)—круглый кусочекъ мѣди.

Опредѣлили: благодарить С. М. Крыжановскаго за сдѣланную имъ раскопку и просить о присылкѣ найденныхъ имъ вещей.

і) Отъ Чл. корр. Р. Г. Игнатьева письмо, съ препровожденіемъ слѣдующихъ статей для Археологическаго Словаря: 1) Чудская крѣпостца Тобольской губ. въ Ишимскомъ округѣ, съ чертежемъ; 2) Чортово-городище, Вятской губ. Сарапульскаго уѣзда, съ чертежемъ и 3) Каръ-Гурезь (т. е. черная жертва), курганъ, Вятской губ. въ Елабужскомъ уѣздѣ.

к) Отъ Дѣйств. чл. Д. П. Сонцова, статья подъ заглавіемъ: Деньга съ надписью «Семена».

Опредѣлили: передать присланныя статьи въ Редакціонный Комитетъ и вмѣстѣ просить Д. П. Сонцова о доставленіи въ Общество рисунка описанной имъ монеты.

Членъ корреспондентъ Е. В. Барсовъ прочиталъ объясненіе нѣкоторыхъ монограммъ, встрѣчающихся на старинныхъ крестахъ. Сообщеніе это можетъ служить дополненіемъ къ статьѣ Дѣйств. чл. П. И. Савваитова, подъ заглавіемъ: «Крестъ», находящейся въ его описаніи старинныхъ царскихъ утварей и проч., С. П. Б. 1865 г., въ которой объясняются какъ русскія, такъ

и греческія монограммы, а также разныя изображенія на старинныхъ крестахъ.

5. Членъ корреспондентъ Т. В. Кибальчичъ сообщилъ, что пещерный храмъ, лежавшій на полпути изъ Севастополя въ Инкерманъ, замѣчательный по сохранности фресокъ на алтарной сторонѣ и по гробницамъ, находившимся въ особой комнатѣ подъ храмомъ и въ самомъ храмѣ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ Дѣвичьяго монастыря, уничтоженъ при проведеніи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги (взорванъ порохомъ). При этомъ сообщеніи Т. В. Кибальчичъ приложилъ рисунокъ внутренняго расположенія этого храма, сдѣланный имъ по памяти.

6. Дѣйств. членъ арх. Амфилохій сообщилъ о достопримѣчательныхъ предметахъ въ московской церкви Великомученика Никиты за Яузою; таковы двѣ шитыя шелками хоругви. На одной изъ нихъ вышитъ образъ Великомученика Никиты, а вокругъ его вышитъ вязью тропарь и кондакъ ему, текстъ которыхъ отличается отъ нынѣшняго; внизу слѣдующая подпись: «Лѣта ҂зрн (1642) года, м..... приложилъ сію пелену въ домъ Великомученика Никиты князь Иванъ, Андрея сынъ, Воротынской». На другой сторонѣ этой хоругви вышитъ образъ Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; кругомъ слова: «Богородице Дѣво радуйся» и проч. и кондакъ: «О Всепѣтая Мати».... На другой хоругви вышитъ Великомуч. Никита, кругомъ его—тропарь и кондакъ ему, внизу подпись: «Лѣта ҂зрсѳ (1664) года мѣсяца августа въ ѐ день приложилъ сію пелену въ домъ Великомученика Никиты князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій». Есть еще въ этой церкви замѣчательная водосвятная чаша, похожая на купель, съ ложчатымъ подносомъ; кругомъ вычеканенъ тропарь на крещеніе: «Во Іорданѣ крещающуся» и проч.; буквы похожи на вышитыя на хоругвяхъ. Замѣчательна также входная дверь съ сѣверной стороны, украшенная такими же фигурными пилястрами, какъ въ суздальскомъ Рождественскомъ соборѣ. Подъ церковью, построенною рядомъ съ древнею въ XVI и XVII в., видно въ фундаментѣ много надгробныхъ плитъ, принадлежащихъ, судя по украшеніямъ, къ XV—XVI вѣку.

7. Доложено о доставкѣ архитекторомъ Авдѣевымъ древней вазы и др. вещей, найденныхъ въ курганѣ близъ Севастополя, въ имѣніи г. Шверина, и обѣщанныхъ г. Шверинымъ въ даръ Московскому Археологическому Обществу.

Опредѣлено: благодарить гг. Шверина и Авдѣева за доставленныя вещи.

8. Секретарь изложилъ сообщеніе Дѣйств. чл. Я. Ѳ. Головацкаго объ открытіи имъ славяно-русской надписи въ зданіи виленскаго театра и о памятникахъ русской народности въ Вильнѣ.

Выслушавъ это сообщеніе, собраніе постановило благодарить Дѣйств. члена Я. Ѳ. Головацкаго за присылку его статьи, съ присовокупленіемъ, что Московское Археологическое Общество съ живѣйшимъ сочувствіемъ относится къ его трудамъ по изысканію памятниковъ русской жизни въ западномъ краѣ, дорогихъ и для науки и для народнаго чувства.

9. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ продолжалъ отчетъ о своемъ археологическомъ путешествіи по славянскимъ землямъ. На этотъ разъ референтъ сдѣлалъ обзоръ древностей и современнаго состоянія археологической

науки въ Моравіи и Венгріи. Въ Венгріи, въ пештскомъ музеѣ, ему удалось найти памятникъ, весьма любопытный и для нашей отечественной археологіи, именно картину, писанную красками на доскѣ по левкасу и изображающую пріемъ русскимъ царемъ иностранныхъ пословъ въ московской грановитой палатѣ. Графъ А. С. Уваровъ поручилъ художнику сдѣлать точную копію съ этой картины, которая й была выставлена во время засѣданія. Оставалось за тѣмъ опредѣлить: къ какому времени относится изображенная на ней сцена?—Изъ сличенія картины съ письменными извѣстіями о пріемахъ царями иноземныхъ посольствъ оказалось, что она изображаетъ именно пріемъ польскихъ пословъ лже-Дмитріемъ I, происходившій 13 Мая 1606 года въ грановитой палатѣ. Въ доказательство референтъ прочиталъ описанія этаго самаго пріема, заключающіяся въ запискахъ Паерле и де-Ту и въ дневникахъ польскихъ пословъ и Марины Мнишекъ. Описанія эти буквально, до мельчайшихъ подробностей, воспроизведены на картинѣ. Самое изображеніе лже-Дмитрія (безъ бороды съ широкимъ лицемъ) поражаетъ своимъ сходствомъ съ дошедшимъ до насъ портретомъ этаго загадочнаго лица.

По выслушаніи этого реферата, собраніе признало, что для исторіи и археологіи царскаго періода представленная картина, писанная съ натуры, составляетъ очень важное пріобрѣтеніе: отъ этого періода хотя и дошло до насъ нѣсколько изображеній, относящихся къ тогдашнему русскому быту, но изъ числа этихъ изображеній однѣ рисованы по памяти, какъ у Олеарія, другія, русскагомастерства, представляютъ намъ, вмѣсто живыхъ образовъ, лица и предметы, писанные по иконному, какъ напр. извѣстныя сцены изъ свадьбы Михаила Ѳеодоровича и изъ его избранія на царство. Поэтому было бывесьма полезно для изслѣдователей нашей старины, если бы найдено было возможнымъ издать эту картину въ точной хромолитографической копіи.

10. Въ заключеніе засѣданія предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные члены: Францъ Беда Дудикъ въ Брюнѣ и А. А. Авдѣевъ.

По случаю недостаточнаго числа присутствующихъ членовъ, баллотировка В. М. Площанскаго отложена до слѣдующаго засѣданія.

№ 89. 1874 года, января 31 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, В. Н. Виноградскаго, К. К. Герца, Д. И. Иловайскаго, Т. В. Кибальчича, Н. А. Попова, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Доложено о поступленіи слѣдующихъ приношеній:

а) книгами,

Отъ Императорскаго Казанскаго Университета: «Извѣстія и ученыя записки», ноябрь—декабрь 1873 г.

— Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: «Отчетъ за 34 годъ своего существованія», 1874 г.

— Предсѣдателя графа А. С. Уварова «Отчетъ о пятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова», 1874 г.

в) старопечатными книгами и листами,

Отъ Чл. кор. И. А. Голышева: 63 указа Петра I—Екатерины II, 2 формы церковному возношенію и Ариѳметика Магницкаго 1703 г.

г) вещами,

Отъ Дѣйст. чл. С. М. Крыжановскаго разнаго рода древнія вещи, найденныя имъ въ курганахъ, находящихся при селахъ Рыжавкѣ и Колодистомъ.

Опредѣлено: изъявить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Доложено о доставленіи въ Общество разныхъ вещей, завѣщанныхъ покойнымъ Д. Чл. К. И. Невоструевымъ, а именно:

а) Древности изъ Ананьинскаго могильника: пластинки къ поясу, плашки, стрѣлы бронзовыя, долото и оселки, жгутъ, символы и обломки вещей неизвѣстнаго назначенія, цѣпочки и бусы, пуговки, стрѣлы, два кинжала, наконечникъ копья, молотки и другіе обломки, камни, двѣ каменныя стрѣлки и металлическія украшенія; б) Монеты греческія, римскія, восточныя, русскія (древнія и позднѣйшаго времени) и разныя медали, всего 571 экземпл.; в) Четыре ассигнаціи прежнихъ лѣтъ; г) Китайская рукопись, два кусочка мозаики, семь печатей изъ разныхъ грамотъ, печать хрустальная, каменный кружокъ съ крестомъ, металлическій кругъ (зеркальце); д) Старинная серебряная ложка; е) Рогъ и пять зубовъ мамонта; ж) Кирпичъ съ рельефнымъ двухглавымъ орломъ; з) Четыре мѣдныхъ креста, образокъ и обломокъ креста.

4. Доложено о присылкѣ въ Общество слѣдующихъ статей:

Отъ Чл. корр. Д. Я. Самоквасова: «Результаты изслѣдованій Черниговскихъ кургановъ съ кострищами».

— Дѣйств. чл. Н. Я. Аристова: объясненія ста шести словъ для Археологическаго Словаря.

— Чл. корр. А. И. Свирелина: объясненія четырехъ словъ для Археологическаго Словаря.

— Дѣйств. Чл. А. К. Жизневскаго, слѣдующія статьи: 1) «Списокъ историческихъ книгъ и брошюръ, касающихся Тверской губерніи», А. Ж.; 2) «Путевая записка о Краснохолмскомъ монастырѣ», А. Ж.; 3) «Записка объ иконѣ Спасителя, хранящейся въ Новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ», А. Ж.; 4) «Описаніе Спасо-Ренской пустыни, находящейся Тверской губерніи, Весьегонскаго уѣзда, въ 15-ти-верстовомъ разстояніи отъ города Весьегонска», П. П. Воскресенскаго; 5) «О погостѣ Рожкѣ и его приходѣ», священника В. П. Успенскаго.

— Дѣйств. чл. Д. П. Сонцова: объясненія двадцати пяти словъ для Археологическаго Словаря.

Опредѣлено: за присланныя статьи изъявить авторамъ благодарность Общества, а самыя статьи передать къ Редакціонный Комитетъ.

5. Доложено о поступленіи въ Общество слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Дѣйств. чл. С. М. Крыжановскаго письмо, при которомъ онъ препровождаетъ свои соображенія относительно предпринятыхъ имъ археологическихъ изслѣдованій. Изъ этихъ соображеній видно, что г. Крыжановскій предполагаетъ въ 1874 г. раскопать курганы вдоль рѣки Ятрани и ея притоковъ, т. е. почти цѣлую югозападную часть Уманскаго уѣзда Кіевской губерніи и сѣверную часть Балтскаго уѣзда Подольской губерніи; окончивъ эти раскопки, г. Крыжановскій предполагаетъ изслѣдовать еще мѣстность села Кальника.

Обсудивъ эти соображенія, собраніе постановило: просить С. М. Крыжановскаго, чтобы въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ ограничился одною мѣстностію и озаботился сколь возможно точнымъ и подробнымъ описаніемъ какъ найденныхъ предметовъ, такъ и расположенія ихъ въ могилахъ.

б) Отъ Предсѣдателя Владимірскаго Статистическаго Комитета письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что ему доставленъ портретъ царицы Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной, изображенной въ монашескомъ одѣяніи, съ бѣлымъ пѣтухомъ въ рукахъ; Объясненіе этого изображенія сдѣлано М. Н. Семевскимъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1860 г. № 24. Владѣтельница этого портрета извѣстила, что она готова его продать.

Опредѣлено: просить о высылкѣ портрета для осмотра его въ Обществѣ.

6. Дѣйств. чл. Н. А. Поповъ сообщилъ замѣтку по поводу разысканія на развалинахъ Трои, извлеченную имъ изъ газеты «The Levant Herald.» Къ числу любопытныхъ для всего образованнаго міра извѣстій, обнародованныхъ въ послѣднее время константинопольскими газетами, принадлежатъ свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ на предполагаемыхъ развалинахъ Трои. Изветъ-эфенди, имѣвшій оффиціальное порученіе отъ бывшаго генералъ-губернатора Архипелага Нассифъ-паши произвести разысканіе о тайныхъ раскопкахъ въ Гиссарлыкѣ, гдѣ предполагаютъ теперь остатки Трои, возвратился 5 января въ Дарданеллы и представилъ новому губернатору Омеръ-Февзи-пашѣ донесеніе о своихъ изысканіяхъ. Теперь мѣстный совѣтъ обсуждаетъ это дѣло и, по всей вѣроятности, вскорѣ обнародуетъ любопытныя подробности о немъ. Но уже и теперь извѣстно, что Изветъ-эфенди привезъ съ собою нѣсколько древнихъ вещей, найденныхъ тѣми греческими рабочими, трудами коихъ пользовался докторъ Шлиманъ, именно: Стеліаномъ Пакайоти изъ селенія Калафатли и Лезебомъ Костанди изъ Генишепра. Они нашли на глубинѣ 30 англійскихъ футовъ, въ 6 метрахъ на югъ отъ древней стѣны, гдѣ еще не были производимы разысканія, простую глиняную вазу, отверстіе которой прикрыто было слоемъ желтоватой глины. Ваза сама по себѣ была не велика—въ 6 дюймовъ вышины и 3 дюйма въ діаметрѣ: Такъ какъ она вѣсила гораздо болѣе, чѣмъ можно было ожидать по ея объему, то рабочіе, сдѣлавъ это открытіе около вечера, легко могли укрыть ее отъ наблюдательности повѣренныхъ Шлимана. По окончаніи дневной работы они захватили съ со-

бою вазу и удалились въ уединенное мѣсто, чтобы раздѣлить между собою находившееся въ ней. Вотъ предметы, которые, какъ потомъ удостовѣрились, заключались въ этой вазѣ: одинъ плоскій кругъ изъ массивнаго золота въ два квадратныхъ дюйма, толщиной въ одинъ дюймъ; два кольца, украшенныя двумя золотыми шнурами на верхней сторонѣ и подобнымъ же шнуромъ на нижней; двѣ пары серегъ простыхъ, круглыхъ, съуженныхъ вверху и болѣе широкихъ снизу; двѣ брошки, имѣющія на передней поверхности видъ римской цифры V и прикрѣпленныя къ небольшой горизонтальной палочкѣ, отъ которой висятъ 8 небольшихъ цѣпочекъ, изъ коихъ каждая оканчивается шарикомъ изъ золота; два золотыхъ браслета, простые и массивные; одинъ обручъ изъ золота для украшенія волосъ (Belle Hélène), простой и тонкій, такъ что онъ былъ свернутъ въ вазѣ; четверо простыхъ четокъ, зерна которыхъ равнялись величиной мелкому орѣху, и множество четокъ съ зернами величиною въ горошину. Кромѣ этихъ предметовъ, толстый слитокъ изъ невыдѣланнаго золота, покрытый землей и обуглившимся деревомъ, очевидно остатокъ украшеній, разрушенныхъ огнемъ, найденъ потомъ Лезебомъ Костанди и удержанъ имъ; какъ этотъ слитокъ, такъ и часть находки, доставшейся на долю Лезеба Костанди совершенно случайно попались въ руки властей. Доля, присвоенная Стеліаномъ Панайоти, была отдана имъ на сохраненіе одному изъ наиболѣе достаточныхъ жителей селенія Калафатли, Хаджи-Александру, съ внучкою которого Панайоти былъ помолвленъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ окончательнаго отъѣзда доктора Шлимана, Хаджи принесъ тайно большую часть вещей, которыя у него хранились, къ одному золотыхъ дѣлъ мастеру въ Ренкіой, съ цѣлію изготовить изъ нихъ украшенія для его внучки. Еслибъ ювелиръ не спряталъ этихъ вещей и не подмѣнилъ другими, то всѣ эти любопытные остатки древности погибли бы безвозвратно для науки. Однакожъ усиліями Изветъ-эффенди удалось разыскать слѣдующія вещи: двѣ пары серегъ, два браслета, двѣ брошки, двое большихъ четокъ и достаточное количество мелкихъ, вышеупомянутый сплавъ золота и нѣкоторое количество золотыхъ цѣпочекъ и брусковъ, найденныхъ въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, въ домѣ Хаджи-Александра и въ магазинѣ золотыхъ дѣлъ мастера взяты всѣ вещи новаго издѣлія, которыя считаютъ передѣланными изъ древняго золота. Очень можетъ быть, что всѣ эти предметы вскорѣ будутъ помѣщены въ императорскомъ константинопольскомъ музеѣ. Эти новыя находки подтверждаютъ мысль, что мѣстность Гиссарлыка еще можетъ представить нѣкоторую жатву для археологическихъ разысканій. Поиски доктора Шлимана далеко не разработали всей этой мѣстности; остается не мало холмовъ, которые до сихъ поръ еще не раскопаны. Тоже самое можно сказать и объ окрестностяхъ Бунаръ-баши, которыя изслѣдовалъ фонъ-Ганъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что обѣ эти мѣстности заключаютъ въ себѣ остатки и отъ жизни, относящейся къ глубокой древности; но насколько вѣрна догадка, что тутъ скрываются остатки Трои—отвѣчать положительно нельзя. И Ганъ и Шлиманъ приступили къ раскопкамъ уже съ предвзятою мыслію: вещи, найденныя ими, свидѣтельствуютъ

о бытѣ, переходившемъ отъ вѣка каменнаго къ бронзовому; между тѣмъ у Гомера есть неоднократныя указанія на употребленіе желѣза во время Троянской войны. А такія находки попадаются только въ холмахъ, извѣстныхъ теперь подъ именемъ Ганайи-Тепе (Hanai-Tepe), о которыхъ и въ окрестномъ населеніи сохранилось преданіе, какъ о могилѣ троянцевъ и ихъ союзниковъ, павшихъ въ борьбѣ съ греками. Константинопольскія газеты высказываютъ желаніе, чтобы раскопки всѣхъ этихъ мѣстностей были также поощряемы, какъ раскопки, производимыя англичанами въ Палестинѣ. Но хотя въ Турціи и существуетъ законъ, по которому нашедшій предметы древняго искусства долженъ представлять ихъ въ императорскій музей, при чемъ ему выдается половинная цѣнность находки; однакожъ мѣстныя власти подвергаютъ нерѣдко тюремному заключенію людей, принесшихъ археологическій предметъ, и вымучиваютъ отъ нихъ признанія, не была ли часть находки сокрыта ими, въ слѣдствіе чего теперь не много охотниковъ является къ властямъ для представленія найденныхъ ими древнихъ вещей. Такія дѣйствія мѣстныхъ властей наносятъ ущербъ и наукѣ и самому правительству.

7. Товарищъ Предсѣдателя К. К. Герцъ обратилъ вниманіе членовъ на статью г. Караулова «О Крымскихъ пещерахъ», напечатанную въ VIII томѣ «Записокъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей», и указалъ на несостоятельность нѣкоторыхъ выводовъ автора.

8. Предсѣдатель сообщилъ выписки изъ рукописей синодальной библіотеки XVI в., пополняющія извѣстія объ Ольгиномъ блюдѣ, находящіяся въ путешествіи Антонія (изд. П. И. Савваитова).

9. Чл. кор. Е. В. Барсовъ сообщилъ извѣстіе объ уцѣлѣвшей деревянной церкви XIV в., построенной св. Лазаремъ Муромскимъ и находящейся въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, на островѣ Мучь.

10. Чл. кор. Т. В. Кибальчичъ представилъ на разсмотрѣніе Общества нѣсколько принадлежащихъ ему древнихъ греческихъ монетъ, въ томъ числѣ одну любопытную босфорскую монету, представляющую на лицевой сторонѣ голову царя, обращенную вправо, съ надписью: ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΙΝΝΕΟΥ, и на оборотѣ—женщину (Астарта) въ головномъ высокомъ уборѣ, сидящую въ креслѣ, обращенную въ лѣво и въ правой рукѣ держащую вѣнокъ; передъ нею въ полѣ звѣзда (обратная сторона подобна описанной у Спасскаго, Босф. Кимм. таб. V, рис. 16),—и рѣзной камень вглубь, на которомъ изображено тріумфальное шествіе какого-то царя, держащаго въ рукѣ лукъ; шествіе открываютъ два воина. Рѣзьба грубая, по стилю подходящая къ вещамъ, приписываемымъ Скиѳамъ.

11. Кромѣ депутатовъ Предварительнаго Комитета 3-го Археологическаго Съѣзда, избраны депутатами на означенный Съѣздъ: В. Е. Румянцовъ, Д. И. Иловайскій и Е. В. Барсовъ.

12. Выборъ лицъ вновь предложенныхъ въ Дѣйствительные члены: Венедикта Михайловича Площанскаго, Францъ-Беда-Дудика и А. А. Авдѣева, за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ, отложенъ до слѣдующаго засѣданія.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

Абызъ, обысъ—мусульманское духовное лице; въ русскихъ памятникахъ иногда употребляется вмѣсто муллы. Въ 7001 г. римлянинъ Людовикъ съ вожемъ былъ въ г. Мединѣ, «и призвали они къ себѣ болшаго абыза, рекше—попа, именемъ Сидона», хотѣли смотрѣть гробъ Магомета, но онъ имъ отказалъ (Хроногр. Изборникъ А. Попова, 179). Въ 1682 г. производилось дѣло о волшебствѣ Хораирка мурзы да алатырскаго татарскаго абыза Кадарамейка Баргузина (Рукоп. дѣло Шакловитаго, свит. № 5, столб. 298). Леонтій раскольникъ писалъ въ 1703 г. о духовныхъ православныхъ на востокѣ, что они «нѣкако странно съ низу голову кругомъ подголяютъ до полголовы, какъ обысы махаметанскіе подбриваютъ» (Очерки поповщ. П. Мельникова I, 53—4). Въ 1705 г. государь велѣлъ до указу отставить въ Иркутскѣ «съ татарскихъ мечетей и съ свадебъ и съ абызовъ вѣнечные, медовые и иные такіежъ зборы» (Лѣт. занят. Археогр. ком. II, 70).

Аксамитъ—дорогая ткань, приготовляемая въ 6 нитокъ, отъ чего и получила свое названіе: ἑξάμιτον, examitum, нѣмецк. sammet, нижнелужицк. samot—бархатъ. Это была золотная или серебряная матерія, плотная, ворсистая, похожая на бархатъ, съ травами, разводами и узорами разныхъ цвѣтовъ, какъ парча, шитая золотыми и серебряными петлями. Аксамитъ добывали русскіе преимущественно изъ Византіи, мѣняя на свои товары и челядь, а иногда получали оттуда въ подарки; въ Греціи аксамитъ извѣстенъ былъ съ давнихъ поръ (Дюканжа Glossar. med. et infim. graecitatis). Въ 1164 г. византійскій царь прислалъ «дары многы, оксамиты и паволокы и вся узарочья разноличная» (Ипат. 92. Воскр.

128). Случалось также доставать его русскимъ при удачныхъ столкновеніяхъ съ другими народами; пѣвецъ Слова о Полку изображаетъ такую удачу: «Помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато и паволокы и дорогыя аксамиты» (Рус. Дост. 48, 50). Половцы въ XI в. часто служили Византіи своимъ оружіемъ; немудрено, что эти ткани они приносили оттуда или какъ подарки, или въ видѣ платы за помощь. Аксамиты отличались отъ бархата и шли на церковные покровы и на одежды князей и значительныхъ лицъ въ Россіи: до 1276 г. Владиміръ Галицкій въ нѣкоторыхъ церквахъ устроилъ завѣсы аксамитны и платца аксамитны; когда померъ этотъ князь, тѣло его «увиша аксамитомъ со круживомъ, якоже достоитъ царемъ» (Ипат. 220, 223). У приближенныхъ Андрея Боголюбскаго встрѣчаемъ аксамитныя одежды: «Помнишь ли, жидовине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяшеть? Ты нынѣ въ аксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежить» (Ипат. 114). Русскіе путешественники обращали вниманіе на эти ткани, когда бывали въ чужихъ краяхъ: Симеонъ Суздальскій пишетъ 1438 г., что во Флоренціи «дѣлали камки и аксамиты со златомъ», что папа служилъ мшу въ ризахъ черлена оксамита и сидѣлъ на такой же подушкѣ (П. С. Л. VI, 340). Никитинъ говоритъ, что «братъ салтановъ (въ Индіи) сидитъ на кровати на золотой, да надъ нимъ теремъ оксамиченъ» (П. С. Л. VI, 340).

По своей высокой цѣнности, аксамитъ въ Россіи не былъ въ большомъ употребленіи, по крайней мѣрѣ до половины XVII стол. почти не находимъ святительскихъ облаченій изъ этой дорогой ткани; только извѣстенъ саккосъ аксамита петельчатаго двойнаго на червчатой землѣ, который устроенъ для митроп. Діонисія Иваномъ Васильевичемъ IV-мъ. Въ патріаршей ризницѣ хранятся саккосы XVII в. и греческіе и русскіе изъ аксамита; въ описяхъ упоминается саккосъ патріарха Кирилла Лукариса изъ петельчатаго аксамита; цареградскій саккосъ до 1651 г. патріарха Парѳенія аксамита петельчатаго золотнаго на червчатой землѣ; патріарха Никона—одинъ аксамитный простой, а другіе два саккоса аксамита золотнаго петельчатаго (Указат. для обозр. патріарш. ризницы, еп. Саввы, стр. 42—45, 47, 49). Саккосъ патр. Адріана аксамитный золотной по бархатной красной землѣ съ петельчатыми золотыми—серебряными орлами; другой его же изъ золотнаго бархата на аксамитное дѣло, съ кругами по зеленой землѣ (Тамъ же, 52). До 1672 г. преосвященный новгородскій Питиримъ построилъ много архіерейскаго облаченія жемчужнаго, аксамитнаго и т. под. (П. С. Л. III, 193). Въ числѣ патріаршей мебели находится кресло съ аксамитною золотною подушкой; у царя Ивана Алексѣевича былъ халатъ аксамитный до 1696 г. Въ памятникахъ встрѣчается слово аксамиченый или на аксамитное дѣло въ значеніи устройства ткани наподобіе аксамитнаго: «Бархатъ венецейской золотной, травы шолкъ алъ, въ травахъ аксамичено золотомъ и серебромъ». На платьяхъ бывали аксамичены образцы или фигуры, орлы, травы, короны и репьи, а также дѣлались вошвы изъ золотнаго аксамита (Опис. старин. одеждъ, П. Савваитова, Спб. 1865 г. 148—9.

Домашній бытъ рус. царицъ, И. Забѣлина, въ прилож. 36, 37). Аксамитъ употреблялся на разныя украшенія богатыми людьми XVIII стол.; такъ въ рядной Прозоровскаго означено «одѣяло горностайное, покрытое бархатомъ золотнымъ, загривъ оксамитной золотной» (Савваитова, 334).

Алачюга, лачюга, татарск. слово и значитъ шалашъ, полуземлянка для жилья солдатъ въ походахъ; когда въ 1379 г. Бѣгичъ двинулся съ войскомъ изъ Россіи, в. кн. Димитрій Ивановичъ «обрѣтѣ въ полѣ повержены дворы ихъ, и вежи и шатры и алачюги и телѣги» (1 Софійск. 237); Ляпуновъ при осадѣ Москвы «повелѣ воинству шатры ставити и лачюги» (Хроногр. Изборн. 308).

Алгуй, алъгуи—алое, ἀλόη, aloe (Церковнослав. Слов. Востокова I, 6). По свидѣтельству арабскихъ писателей до 912 г., Евреи доставали съ дальняго востока мускусъ, камфору и алое и привозили въ славянскія страны (Зап. Арх. Общ. VI, 46. Вѣстн. Геогр. Общ. 1854 г. I, 52). Арсеній Сухановъ замѣтилъ, что на Востокѣ алое дешево (Сказ. рус. нар. II, VIII, 203). Алое часто употреблялось въ старинной медицинѣ; въ лѣчебникѣ XVII стол. предписывается отъ косноязычія держать во рту алое, да вино стопленое съ медомъ прѣснымъ (Ркп. Синод. Библ. № 480, л. 5).

Апракосъ, опракосъ, пракосъ—ἀπρακός или ἄπρακτος, отъ сл. πράσσω, дѣлаю,—значитъ недѣльный. Этимъ названіемъ опредѣляли евангеліе и апостолъ, расположенные по порядку дневныхъ церковныхъ чтеній при богослуженіи, начиная съ недѣли пасхи. Книги эти по обыкновенному расположенію евангелистовъ и посланій апостоловъ, по порядку главъ, назывались тетръ, хотя это наименованіе относится только къ четвероевангелію (Опис. Рум. Муз. стр. 12). До 1276 г. Владиміръ Васильевичъ Галицкій пожертвовалъ въ Каменецкую церковь Благовѣщенія Еуангеліе Опракосъ, оковано сребромъ, Апостолъ опракосъ; тоже и во Владимірскій монастырь свой (Ипат. 222—3). Въ описи книгъ степенныхъ монастырей 1642 г. значатся: Кирило-Бѣлозерскаго мон., «Евангеліе Пракосъ, письмо чудотворцова ученика, старца Христофора на харатьи»; два евангелія и два апостола Опраксы (Чт. Общ. 1848 г. № 6, стр. 18. 22, также № № 2 и 11-й). Въ лѣто 1684 г. писецъ Захарія, «уже при старости ему бывшу, списа на Волоцѣ Еоуангеліе апракосъ боголюбивому Антонію игумену къ Покрову св. Богородицы» (Опис. Синод. Библ. I, л. 184).

Арист.

Аристотель Фіораванте.— Новѣйшія изслѣдованія Гуаланди не разрѣшили вопроса: принадлежалъ ли нашъ Аристотель къ семейству degli Alberti (Leandro Alberti. Descrittione di tutta Jtalia, Venezia, 1561), или нѣтъ? Въ лѣтописяхъ же нашихъ есть намёкъ, что имя Аристотеля дано ему

ради его познаній: «и хитрости ради его Аристотелемъ звахуъ его» (П. С. Л. VI, 199). Гуаланди сообщаетъ слѣдующую генеалогію семейства Фіораванте:

Fioravante
|
Bartolomeo
|
Rodolfo (1420—1423).
|
Fioravante 1390—1447. | Bartolomeo 1390—1462.
|
Aristotele 1415 (годъ смерти неизвѣстенъ). | Lodovico. | Francesco | Giovanni-Maria 1459.
|
Андрей (П. С. Л. VI. 199) 1474. | Laura 1465. | Elena 1472.

Аристотель родился въ 1415 году въ Болоньѣ.

Въ 1436 г. Гаспаръ Нади и Аристотель de Feravanti отливаютъ вдвоемъ колоколъ въ Болоньѣ.

Въ 1447 г. золотыхъ дѣлъ мастеръ Жерардо Гализано обвиняетъ Аристотеля въ томъ, что послѣдній прозвалъ его дѣлателемъ фальшивой монеты. Въ обвинительномъ актѣ Болонскаго архива Аристотель названъ aurifex et civis Bononiae и предается суду.

Въ 1453 и 1454 годахъ упоминаются еще два незначительные процесса, въ которыхъ замѣшанъ Аристотель.

Въ 1455 г. Аристотель передвинулъ, при содѣйствіи того же Нади, башню Torre della Magione въ Болоньѣ, которая потомъ существовала до XIX в. и снесена была, по ветхости, только въ 1825 году.

Съ 1456 по 1472 годъ онъ дважды исполнялъ должность Massaro dell'arte dei Muratori и принадлежалъ къ обществу каменьщиковъ N. D. della Vita, извѣстному также подъ именемъ dei Battuti.

Въ 1457 г. Аристотелю приказывается, вѣроятно словесно, очистить вокругъ Болоньи извѣстное пространство отъ всѣхъ деревьевъ и построекъ, которыя могли бы служить для прикрытія наступленія непріятельскаго. Это распоряженіе затянуло Аристотеля въ разные процессы, продолжавшіеся въ теченіи 1457, 58 и 59 годовъ. Въ 1458, 1 февраля, Аристотель пишетъ изъ Болоньи Іоанну Козьмѣ Медичійскому во Флоренцію, что приглашенный ваятелемъ Pagno перенести, во Флоренціи, колокольню за тысячу флориновъ золота, онъ, прежде чѣмъ согласиться на это дѣло, считаетъ необходимымъ познакомиться съ качествомъ грунта и съ состояніемъ фундамента этого зданія.

Въ 1459 г. Аристотель пишетъ герцогу миланскому о башнѣ, которую герцогъ приказалъ выпрямить. Подъ тѣмъ же годомъ упоминается въ Мантуѣ объ инженерѣ изъ Болоньи, который хотѣлъ выпрямить одну изъ башенъ города,—и вѣроятно рѣчь идетъ объ Аристотелѣ.

Видно, что во все это время Аристотель проживалъ въ Миланѣ, такъ какъ въ 1461 г. i dodici Riformatori города Болоньи просятъ герцога миланскаго отпустить къ нимъ Аристотеля дней на 10 или 12.

Въ 1464 г. Аристотель Фіораванти нанятъ городомъ Болоньей на одинъ годъ въ должность инженера для крѣпостей, по 15 лиръ въ мѣсяцъ.

Въ 1465 г. упоминаются его работы какъ во дворцѣ подесты у городскихъ воротъ, такъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ. Гуаланди сообщаетъ счетъ денегъ, полученныхъ Аристотелемъ отъ 1453 до 1473 года. Въ немъ упоминается о постройкѣ городскихъ стѣнъ въ Болоньѣ близь воротъ Св. Феликса, постройкѣ башни у дворца и новыхъ укрѣпленій въ Болоньѣ, поправкѣ воротъ и пр.

Въ 1468 г. отъ 23 марта разрѣшено начальникомъ города Болоньи (Iohannes de Venturellis de Amelia Bononie.... Locumtenens) Аристотелю отправиться въ Венгрію (Cum Serenissimus Dominus Rex Ungarie suis litteris per proprium nuntium Regimina Bonon. rogaverit: ut Magistrum Aristotelem Fierauantis Architectum et Jngignerium comunis Bononiae ad se mittere uellent: cum ejus opera plurimum indigeret, et uti uellet in rebus quibusdam: quas contra perfidum Turcum construj facere proposuerat....), съ сохраненіемъ получаемаго имъ жалованья по 15 лиръ въ мѣсяцъ. Въ Энциклоп. Словарѣ, (С.-Петербургъ, III, Ала-Аля, стр. 429) сказано, безъ указанія источниковъ, что «вызванный въ Венгрію, онъ построилъ тамъ замѣчательный мостъ и исполнилъ другія архитектурныя работы, которыми венгерскій король былъ такъ доволенъ, что пожаловалъ его въ рыцари и дозволилъ ему выбить медаль, на которой Аристотель изобразилъ себя съ своею подписью».

Въ 1470 г. Аристотель находится уже на родинѣ и исполняетъ гидравлическія работы въ Ченто и въ Сан-Жіовани въ Персичето.

Въ 1471 году Болонья отпускаетъ Аристотеля въ Римъ на три недѣли, съ сохраненіемъ ему жалованья.

Въ 1473 году онъ опять приглашается въ Римъ, гдѣ пользуется протекціею папы; но по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, вслѣдствіе интриги, Аристотель обвиняется въ заготовленіи фальшивой монеты; при чемъ болонское правительство, по однимъ слухамъ о такомъ обвиненіи, лишаетъ его должности и жалованья («Cum ad eorum (sedecim &) notitiam peruenerit Magistrum Aristotilem Jngenierium captum esse Romae propter monetas falsas, quod cedit in dedecus huius Civitatis, cum maxime per Regimina missus fuerit ad seruiendum et parendum mandatis Ss.mi D. N., Ideo per omnes fabas albas priuauerunt prefatum Magistrum Aristotelem Officio et Provisione, quam habet a Camera Bononiae, et privatum esse decreuerunt a die ejus capturae, et perpetuo in futurum, constito verum esse cum ejus ut supra deliquisse»).

Освободившись отъ заточенія, по всѣмъ вѣроятіямъ чрезъ посредство герцога миланскаго, Аристотель чрезъ годъ, въ 1474, встрѣчается въ Венеціи.

В. кн. Іоаннъ III, 25 Іюля 1474 года, отправилъ посла Семена Толбузина въ Венецію къ дожу Троно—«къ тамошному ихъ князю». Толбузинъ взялъ съ собою Антона Фрязина, въ качествѣ переводчика. Кромѣ дѣла о венеціанскомъ послѣ Тревизанѣ, Толбузину препоручено было «мастера пытати церковнаго». Въ Софійской лѣтописи подъ 6983 (1475) г. сообщаются любопытныя подробности объ этомъ посольствѣ: Толбузинъ же «тамо бывъ и честь прія велику и сребро взя», встрѣтилъ большія затрудненія въ избраніи архитектора, потому что всѣхъ, кромѣ Аристотеля, пугало дальнее путешествіе въ Россію: «Многи, рече, у нихъ мастери, но ни единъ избрася на Русь; той же (Аристотель) восхотѣ и рядися съ нимъ по десяти рублевъ на мѣсяць давати ему. И хитрости ради его Аристотелемъ зваху его, рече Семіонъ». Затѣмъ Толбузинъ передаетъ лестные слухи, ходившіе въ Венеціи объ Аристотелѣ. Передавая эти слухи, нашъ посолъ вполнѣ выказываетъ свое невѣжество, приписывая Аристотелю даже постройку храма св. Марка; при этомъ онъ обратилъ особое вниманіе только на «хитрость» показанную Аристотелемъ: «да сказываютъ еще и Турьской деи царь взялъ его (Аристотеля), что во Царѣ-градѣ сидитъ, того ради; а тамъ сказывалъ (ужели самъ Аристотель?) въ Венеціи святаго Марка велми чюдну и хорошу, да и ворота Венеційскіи дѣланы, сказываетъ, его же дѣла, велми хитры и хороши. Да и еще деи хитрость ему казалъ свою такову: понялъ деи его къ себѣ на домъ, домъ деи добръ, у него и полаты есть, да велѣлъ де блюдо взяти, блюдо же деи мѣдяно, да на четырехъ яблокахъ мѣдяныхъ, да судно на немъ яко умывальница, якоже оловяничнымъ дѣломъ, да нача лити изъ него изъ однаго воду, и вино, и медъ, его же хотяше то будетъ». Потомъ, чтобы еще болѣе доказать великому князю достоинство избраннаго имъ архитектора, Толбузинъ добавляетъ, что дожъ, «князь ихъ», узнавши о намѣреніи его увезти Аристотеля, «не хотяше пустити его на Русь». Такое противодѣйствіе Толбузинъ объясняетъ тѣмъ, что дожъ, «кой посла отпускалъ, тотъ деи умеръ при немъ» (дожъ Николо Троно умеръ въ 1473 году, а на его мѣсто избранъ Николо Марчелло, который черезъ годъ, въ 1474 году, также умеръ и замѣщенъ дожомъ Петромъ Мочениго); слѣдовательно Толбузинъ прибылъ въ Венецію по смерти уже Троно, при дожѣ Марчелло, и присутствовалъ при избраніи Мочениго, при чемъ онъ подробно описываетъ способъ избранія дожа (П. С. Л. VI, 199).

Аристотель взялъ съ собою въ Россію сына Андрея (итальянскіе документы не знаютъ имени этаго сына), «да парубка Петрушею зовутъ», и прибылъ въ Москву, вмѣстѣ съ Толбузинымъ, 26 апрѣля «на Великъ день» въ 1475 году (П. С. Л. VI, 199, 16, 32; IV, 152; VII, 227; VIII, 181, 3.—По ошибкѣ написано 26 марта, а вмѣсто Венеціи вездѣ стоитъ «изъ Рима.»). Въ лѣтописяхъ Аристотель называется «мастеръ муроль, кой ставитъ церкви и палаты, такоже и пушечникъ наре(о)чить»; въ иныхъ—моруль и муляръ (Карамзинъ VI, пр. 103).

Въ самый годъ пріѣзда своего Аристотель (въ 1475) приступаетъ къ постройкѣ Успенскаго собора. Онъ «храма похвали гладость», но нашелъ, что «известь не клеевита да камень не твердъ», т. е. что кирпичь былъ плохаго качества, какъ видно еще яснѣе изъ слѣдующихъ словъ: «того ради плитою всѣ своды дѣла, якоже тверже камене рече.» Онъ не захотѣлъ «придѣлывати сѣверной стѣны и полати, но изнова зача дѣлати.» Сперва онъ разбилъ оставшіяся развалины церкви посредствомъ барана: «три дерева поставя и концы ихъ верхніе совокупивъ въ едино и брусъ дубовъ обѣсивъ на ужищи посреди ихъ поперекъ и конецъ его обручемъ желѣзнымъ скова и разкачиваючи разби» (Л. VI, 199). Устройство барана показалось русскимъ «чудко видѣти». По рисункамъ этаго времени мы знаемъ, какимъ образомъ устроивались бараны на западѣ *). Обыкновенно баранъ привѣшивался между цѣлымъ рядомъ бревенъ, но Аристотель укрѣпилъ его между тремя только бревнами, связанными вмѣстѣ у верхнихъ концовъ, которыя такимъ образомъ составили треножникъ, и привѣшенный баранъ безъ перестановки былъ направляемъ на всѣ стороны. Къ вершинѣ треножника на цѣпи, «на ужищи», привѣшено было бревно или баранъ. Конецъ барана окованъ былъ желѣзнымъ обручемъ и, сверхъ того, самая оконечность его была также окована еще особою желѣзною шапкою. Раскачивая привѣшенное бревно взадъ и впередъ, ударяли имъ въ стѣны, и легко разбивали и разрушали ихъ. Остальныя стѣны онъ «съисподи подобра», подперъ брусьями, которые потомъ поджогъ, и такимъ образомъ быстро повалилъ: «еже три года дѣлали, во едину недѣлю и менше развали». Потомъ приступилъ къ прорытію новыхъ, болѣе глубокихъ, фундаментовъ: «рвы же изнова повелѣ копати и коліе дубовые бити». (Въ Ростовскомъ лѣтописцѣ: «мѣсяца іюня венеційскій муляръ Аристотель нача рвы копати, глубина 2 сажени и глубже». Карамз. VI, пр. 103). Примѣръ недавно развалившагося собора испугалъ Аристотеля, и онъ принялъ всѣ мѣры предосторожности для укрѣпленія фундамента: не только онъ велѣлъ копать канавы въ 2 сажени и болѣе глубины, но, помня прочность венеціанскихъ построекъ, вбивалъ въ эти канавы дубовыя сваи. Хотя лѣтописецъ подробно описываетъ устройство фундаментовъ собора, но нигдѣ не упоминаетъ объ измѣненіи первоначальнаго плана и первоначальныхъ размѣровъ; по этой причинѣ предположеніе Снегирева (Успенскій соборъ, М. 1856 г. въ л., стр. 2), что Аристотель взялъ для образца планъ Владимірскаго собора, совершенно неосновательно. Вопервыхъ, при сравненіи плановъ обѣихъ церквей ясно видна существенная между ними разница, хотя въ общихъ очертаніяхъ замѣтно въ нихъ одинаковое расположеніе (Труды перваго Арх. Съѣзда. Таб. XIV, XXIII). Во вторыхъ, Аристотель съѣздилъ во Владиміръ только послѣ прорытія фундаментовъ, слѣдовательно его планъ былъ уже напередъ составленъ, и вообще отличительную черту его плана составляютъ четыре круглые и два четыреугольные столба, которые не встрѣчаются во Владимірскомъ

*) Viollet le Duc. Dict. d'Architect. V, p. 260—263.

Успенскомъ соборѣ. Затѣмъ, прежде чѣмъ приступить къ самой постройкѣ стѣнъ, Аристотель съѣздилъ во Владиміръ (на Клязьму) осмотрѣть, вѣроятно, камень, изъ котораго выстроены владимірскія церкви. При этомъ лѣтопись внесла любопытное мнѣніе, высказанное имъ при видѣ этихъ церквей: «похвали дѣло, рече: нѣкіихъ нашихъ мастеровъ дѣло». Аристотель также устроилъ кирпичный заводъ за Андроньевымъ монастыремъ: «и кирпичную печь доспѣ за Ондроньевымъ монастыремъ, въ Калитниковѣ, въ чемъ ожигати и какъ дѣлати, нашего рускаго кирпича уже да продолговатѣе и тверже; егда его ломать, тогда въ воду размачиваютъ». Указавъ новый способъ приготовленія кирпича, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ научилъ, какъ употреблять известку: «известь же густо мотыками повелѣ мѣшати, и яко наутріе же засохнетъ, то ножемъ не мочи росколупити».

Послѣ всѣхъ этихъ подготовительныхъ работъ Аристотель въ томъ же 1475 году исполнилъ слѣдующее:

«На первое лѣто изведе ея изъ земли Аристотель. Известь же какъ тѣсто густое растворяше, а мазаша лопатками желѣзными; а камень ровной внутри класти повелѣ (внутрь стѣнъ, куда прежде валили щебень и булыжникъ, велѣлъ класть ровный камень. Снегиревъ, Москва, II, стр. 81, изд. А. Мартынова); столпы же едины 4 обложи круглы: се, рече, крѣпко стоятъ; а въ олтарѣ два столпа кирпичны, тѣ на четыре углы; а все въ кружало да въ правило» (П. С. Л. VI, 200).

Въ слѣдующемъ 1476 году «Аристотель Пречистые храма по к и в о т ы («кружальный колончатый поясъ» по И. Е. Забѣлину. Памятники др. русск. зодчества, V), еже около ея, сътвори; внутри же стѣнъ всуцѣпы (засовы) желѣзные положи, яко правила на вретенехъ (стержняхъ), и межю столповъ; идѣже брусіе дубовое въ нашихъ церквахъ, то все желѣзно сковавъ положи» (П. С. Л. VI, 205).

Къ тому же 1476 году относится письмо, написанное Аристотелемъ къ герцогу миланскому, отъ 22 февраля (Gualandi, p. 64), въ которомъ говоритъ, что находится въ великой странѣ съ городомъ (zitta, città) благороднѣйшимъ, богатѣйшимъ и торговымъ; что проѣхалъ еще далѣе 1500 милей до города называемаго Xalanoccho (Олонецъ?), лежащаго въ 5000 миляхъ отъ Италіи, чтобы отыскать для герцога бѣлыхъ соколовъ; но, по случаю поздняго пріѣзда своего, онъ не могъ ничего достать, при чемъ обѣщаетъ прислать герцогу, съ сыномъ своимъ, двухъ хорошихъ соколовъ и предлагаетъ ему соболей, горностаевъ или медвѣдей (od orsi?), живыхъ или мертвыхъ, зайцевъ бѣлыхъ какъ горностай; за тѣмъ разсказываетъ баснословныя сказки объ этихъ зайцахъ и сообщаетъ, что въ этой странѣ солнце не заходитъ въ серединѣ лѣта въ продолженіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ и стоитъ высоко, какъ въ Италіи въ 23 часа (т. е. за часъ до захода). Писано на Москвѣ и подписано: per lo tuo servitore et schiavo Aristotele architeto di Bologna. Не смотря на неясность слога этаго письма и на испорченность названія города Xalanoccho, видно, что Аристотель въ этомъ году посѣтилъ сѣверныя части Россіи (Олонецъ или, можетъ быть, Соловецъ), что̀ совпадаетъ съ преданіемъ, будто онъ построилъ много зданій въ Воло-

гдѣ, Новѣгородѣ и другихъ городахъ (Энц. Лекс. 1861, III, стр. 429). Сверхъ того, это путешествіе совпадаетъ также съ его поѣздкою во Владиміръ, такъ какъ эта поѣздка была совершена лѣтомъ или осенью предыдущаго 1475 года. Не нашедши во Владимірѣ нужныхъ ему каменныхъ матеріаловъ, онъ могъ съѣздить на сѣверъ до Олонца или до Соловецка. Подробности о короткихъ ночахъ, въ его письмѣ, вполнѣ соотвѣтствуютъ этимъ мѣстностямъ.

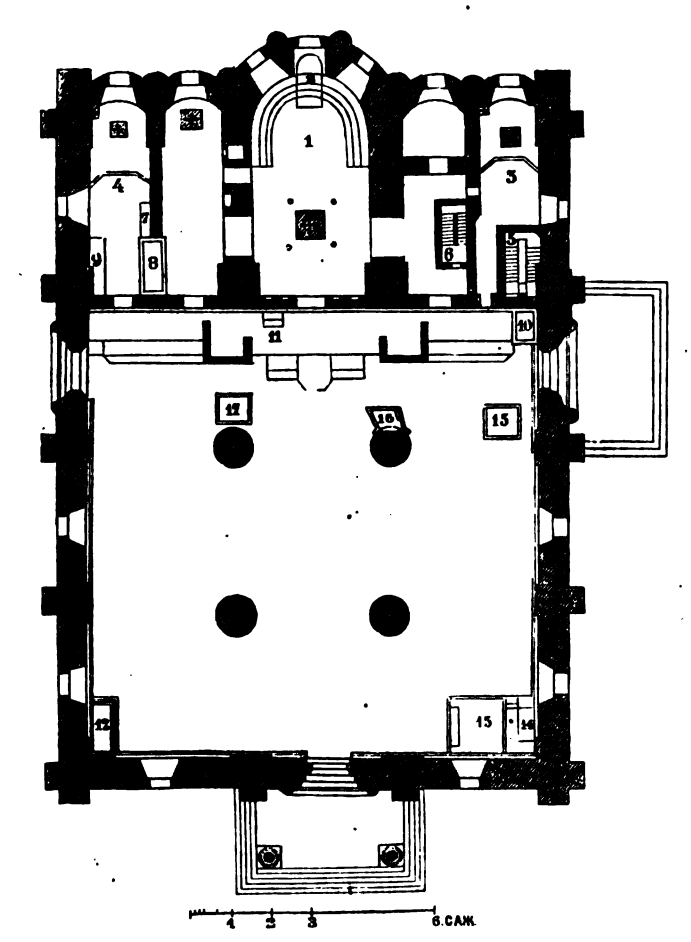
Возвращаясь къ главной его работѣ, мы видимъ, что въ 1477 году Аристотель такъ высоко уже вывелъ постройку собора, что принужденъ былъ подымать кирпичи посредствомъ особо придуманной машины («колесо сътвори и вверхъ каменіе не ношаше, но ужищемъ цѣпляше и възвлекаше, и верху цѣпляше малые колесца,—еже плотники вѣкшею зовутъ, еже ими на избу землю волочатъ—и чюдно видѣти: на столпы же по 4 камени велики положи, и съвокупивъ кружало и истеса на нихъ по 4 концы на четырехъ странахъ, едино противъ другаго—и мнѣти кому, яко на каменыхъ деревьяхъ насквозь каменье то сбито» (П. С. Л. VI, 206, 207). Эта машина, устроенная Аристотелемъ для облегченія работы каменьщикамъ, состояла изъ большаго колеса, изъ цѣпи (ужище) для поднятія камней и изъ малыхъ колесъ, способствовавшихъ для поднятія тяжести. Эта несложная машина напоминала то, что плотники «вѣкшею зовутъ», и слѣдовательно не возбудила такого удивленія, какъ баранъ. Она вѣроятно состояла изъ блоковъ и изъ большаго колеса, приводящаго ихъ въ движеніе. Віоле-ле-дюкъ *) сообщаетъ рисунокъ такой подъемной машины самаго древняго и простаго устройства. Описаніе капителей на четырехъ столбахъ сдѣлано весьма подробно. (по 4 плиты на каждый столбъ), и видно, что лѣтописецъ дивился какъ формѣ, такъ и обтескѣ ихъ на мѣстѣ. «Истеса на нихъ по 4 концы на четырехъ странахъ» —очень наглядно изображаетъ отсѣченную форму романскихъ капителей, въ которыхъ просвѣчиваетъ византійское вліяніе, какъ въ капителяхъ св. Виталія въ Равеннѣ и св. Марка въ Венеціи. Вѣроятно, воспоминаніе о св. Маркѣ свѣжо сохранилось въ памяти Аристотеля.

Одновременно съ постройкою Успенскаго собора, въ 1478 году, при второмъ походѣ на Новгородъ, Аристотель получилъ приказаніе выстроить (6 декабря) на Волховѣ, подъ Городищемъ, мостъ на лодкахъ. Прочность этаго моста восхваляется лѣтописцемъ: «декабря 6 велѣлъ князь велики мостъ чинити на рѣцѣ Волховѣ своему мастеру Аристотелю фрязину, подъ Городищемъ; и той мастеръ учинилъ таковъ мостъ подъ Городищемъ на судѣхъ на той рѣцѣ, и донелѣже князь велики одолѣвъ возвратися къ Москвѣ, а мостъ стоитъ» (П. С. Л. VI, 214; VIII, 192).

Наконецъ въ 1479 году Аристотель окончилъ постройку Успенскаго собора, и по этому случаю лѣтописецъ, восхваляя величество новаго храма, «якова же прежде того не бывала въ Руси», всетаки не забы-

*) ibidem V, p. 212.

ваетъ добавить: «опроче Владимірскія церкви» (П. С. Л. VI, 19, 36). «Сътвори же у ней Аристотель верхи четыре, около шеи большіе казну (т. е. помѣщеніе для ризницы) сотвори; полати же подлѣ олтарь отъ стороннихъ дверей учини, и на верхъ церкви въсходити лѣствицу учини; своды же въ одинъ кирпичь сътвори и сведе, того ради, егда дождь идетъ, ино каплетъ (непонятное замѣчаніе, или—такъ было до покрытія сводовъ желѣзомъ?). На пятое лѣто свершися. Помостъ же мелкимъ камнемъ измости; въ олтарѣ же, надъ митрополичемъ мѣстомъ, крыжъ лятскій истеса на камени, за престоломъ,—его же митрополитъ послѣди стесати повелѣ,—передъ предними дверми помостъ накры каменемъ и въ одинъ кирпичь сведе и середку на гирѣ повѣси на желѣзной». Храмъ былъ освященъ 12 августа того же года, въ четвертокъ, митрополитомъ Геронтіемъ, а мощи митрополита Петра перенесены того же мѣсяца въ 25 день (П. С. Л. VI, 221, 34; VIII, 201—202). Если прослѣдить по лѣтописямъ сообщенныя свѣдѣнія о постройкѣ Успенскаго собора, то окажется, что планъ Аристотеля



ОБЪЯСНЕНІЕ ПЛАНА.

1. Главный алтарь съ двумя предъалтаріями, сѣвернымъ и южнымъ.
2. Горнее мѣсто съ сопрестоліями.
3. Придѣлъ св. Димитрія Селунскаго.
4. Придѣлъ св. Апостолъ Петра и Павла.
5. Лѣстница, ведущая въ придѣлъ Похвалы Богородицы.
6. Лѣстница въ ризницу.
7. Мощи св. Ѳеогноста } Митрополитовъ.
8. Мощи св. Петра } Митрополитовъ.
9. Ковчеги со святыми мощами и другими святынями.
10. Мощи св. Филиппа Митрополита.
11. Кіота образа Владимірской Божіей Матери.
12. Мощи св. Іоны Митрополита.
13. Шатеръ надъ Ризою Господней.
14. Мощи св. Фотія и Кипріана.
15. Древнее царское мѣсто.
16. Мѣсто патріаршее.
17. Мѣсто царицыно.

въ послѣдствіи не подвергся никакимъ существеннымъ измѣненіямъ (И. Е. Забѣлинъ, V тетр. Памятниковъ древ. русск. зодчества, Ѳ. Рихтера); только въ

южномъ отдѣленіи алтаря нѣкоторыя части (см. чертежъ 45) обозначены свѣтлою тушью; лѣстница принадлежитъ къ новымъ постройкамъ, впрочемъ она и первоначально была устроена на томъ же мѣстѣ—«у сторонныхъ дверей», какъ замѣтилъ лѣтописецъ. Теперь неизвѣстно, гдѣ находится казна, устроенная Аристотелемъ около большой щеи. И. Е. Забѣлинъ полагаетъ также, что иконостасъ 1482 г., безъ сомнѣнія, былъ не такъ обширенъ и высокъ, какъ теперь. О наружности И. Е. Забѣлинъ замѣчаетъ, что: 1) окна четырехъ меньшихъ главъ имѣли такіе же наличники, какъ и средняя глава; 2) окна расширены и увеличены въ концѣ XVII в.; 3) неизвѣстно, была ли первоначально наружная живопись? 4) у западнаго входа, повидимому, капители измѣнены; 5) нижняя часть цоколя находится подъ землею, слѣд. уровень площади, окружающей зданіе, противъ прежняго возвысился.—На чертежѣ 48 (продольный разрѣзъ Успенскаго собора) у Ѳ. Ѳ. Рихтера показано, что вся маковка средней главы сложена изъ сплошнаго камня; желательно бы провѣрить это показаніе.

Любопытно также измѣрить и взвѣсить кирпичь изъ Успенскаго собора, чтобы разъяснить, по какому иностранному образцу онъ сдѣланъ былъ Аристотелемъ.

Странно, что съ окончаніемъ Успенскаго собора кончаются всякія положительныя указанія о другихъ постройкахъ произведенныхъ Аристотелемъ,

хотя мы въ правѣ предположить, что архитектурная его дѣятельность не прекратилась съ отстройкою собора. Вопервыхъ, до самаго 1487 года не было въ Москвѣ другаго зодчаго для церковныхъ зданій кромѣ Аристотеля, а во вторыхъ мы знаемъ, что великій князь, немедленно по окончаніи Успенскаго собора, приступилъ къ постройкѣ новыхъ каменныхъ церквей. Въ третьихъ наконецъ, мы имѣемъ документъ отъ 26 октября 1479 года, изъ котораго можно заключить, что великій князь умѣлъ цѣнить искусство и заслуги Аристотеля. Правители Болоньи, узнавъ, вѣроятно, объ окончаніи Успенскаго собора, постановили ходатайствовать передъ королемъ польскимъ или передъ в. княземъ всей Россіи (maximo totius Russiae duci) о дозволеніи Аристотелю возвратиться въ отечество, «потому что оно чувствуетъ большую нужду въ его присутствіи». Но это ходатайство не было уважено, и по лѣтописямъ видно, что Аристотель остался въ Россіи до 1485 года. На основаніи всего сказаннаго, надо предполагать, что всѣ постройки до 1485 г. дѣлались или самимъ Аристотелемъ или подъ непосредственнымъ его надзоромъ.

Въ 1479 году «заложи церковь князь великій камену Іоана Златоуста на посадѣ» (П. С. Л. VI, 221). Въ 1482 г. эта церковь была готова къ освященію; она сгорѣла въ 1488 г. (Ibid. 238). Въ томъ же 1479 году пришлось Аристотелю приступить и къ другимъ еще работамъ: «того же лѣта разобраша старую церковь на Троицкомъ дворѣ, бѣ бо трухла велми, и заложиша новую на томъ же мѣстѣ» (П. С. Л. VI, 223). Троицкое подворье находилось напротивъ Потѣшнаго дворца, направо отъ прежней Оружейной палаты, гдѣ теперь выстроенъ домъ Кавалерскаго корпуса, примыкающій къ новому дворцу (Москва и ист. путевод. II, 155).

1479 г. «на Москвѣ у Рожества Пречистые, иже у Лазоря святаго, верхъ впадеся, нѣкако напрасно и страшно въ нощи, иконы поби и множество въ казнѣ великаго князя судовъ изби» (П. С. Л. VI, 223). Этотъ храмъ былъ построенъ в. княгинею Евдокіею, супругою Димитрія Іоанновича Донскаго, въ 1393 году; украшенъ живописью въ 1395. Теперь онъ находится въ самомъ зданіи дворца и совершенно перестроенъ (Москва и ист. путевод. II, 144).

1482 г. «Того же лѣта заложи церковь камену князь велики, Срѣтеніе святыя Богородицы на полѣ» (П. С. Л. VI, 233). Она расписывается въ 1485 г. (Ibid. 237). Срѣтенскій монастырь выстроенъ былъ на Кучковомъ полѣ (Москва, I, 29; III, 163—166), а всѣ теперешнія зданія принадлежатъ къ XVII и даже XVIII вѣку.

1482 г. «Того же лѣта заложиша церковь Богоявленіе камену и кирпичемъ дѣлаша, въ городѣ, на Троицкомъ подворіѣ, а старую камену же разрушиша» (П. С. Л. VI, 233). Церковь Богоявленія Господня, что на Троицкомъ подворьѣ, была выстроена первоначально въ 1460 году, а послѣ перестройки Аристотеля была вновь обновлена и освящена въ 1754 году, а съ конца прошлаго столѣтія (послѣ 1792 года) уже не существуетъ (Москва и ист. путевод. II, 154).

1482 г. «Того же лѣта почаша рушити церковь на площади Благовѣщеніе, верхъ сняша и голубьемъ накрыша» (П. С. Л. VI, 234). Это замѣчаніе относится до перестройки Благовѣщенскаго собора.

1483 г. «Заложи церковь кирпичну Спасъ святы за Яузою игуменъ Чигасъ» (П. С. Л. VI, 234). При этой церкви былъ также мужской монастырь, но оба зданія сгорѣли въ 1547 году (Степен. кн. II, стр. 245): «подлѣ же Яузу и до устья по Москвѣ рѣкѣ выгорѣ монастырь Спаса въ Чигасахъ и въ церкви все выгорѣ и чюдная подпись, и верхъ церковный отъ огня падеся». Послѣ этого пожара отъ постройки Аристотелевой сохранился только фундаментъ и обгорѣлая стѣна. Церковь была съ однимъ куполомъ, который упалъ отъ огня, а внутренняя живопись совершенно пострадала. Сверхъ того, мы видимъ, что съ 1625 г. Спасъ-Чигасская церковь является уже приходскою; въ 1639 году церковь возобновлена, въ 1641 году къ ней пристроили придѣлъ св. Екатерины, а потомъ, въ 1647 году, пристроили колокольню. Наконецъ въ томъ же столѣтіи пристроили еще второй придѣлъ—Св. Николая. Въ 1722 году вмѣсто этого придѣла построили другой, въ честь Св. Кирика и Улиты. Внутреннее устройство храма еще болѣе измѣнено частыми поправками и передѣлками (Описаніе Спасо-Чигасской ц. М. 1858). Изъ сказаннаго видно, что отъ первоначальной постройки Аристотеля остался, можетъ быть, одинъ фундаментъ церкви (въ длину 12° 2', въ шир. 5° 2'), если и самый планъ ея не измѣненъ при перестройкѣ послѣ пожара 1547 года.

1483 г. «Того же лѣта заложи Чюдовскій архимандритъ трапезу камену, а старую разруши» (П. С. Л. VI, 235). Что осталось отъ этой постройки?

1483 г. «Того же лѣта разруши князь велики Благовѣщенье на своемъ дворѣ, подписаную толко по казну и по подклѣтъ, и заложи казну около того подклѣта и полату кирпичну съ казнами» (П. С. Л. VI, 235). Это извѣстіе, навѣрно, находится въ связи съ придыдущимъ извѣстіемъ о Благовѣщенскомъ соборѣ 1482 года. Если въ 1482 году Аристотелю препоручены были исправленія въ соборѣ, то непонятно, какъ объяснить послѣ того полную перестройку, предпринятую въ слѣдующемъ же 1484 году?

1484 г. «Тое же весны князь велики Иванъ Васильевичь заложилъ церковь камену Благовѣщеніе святыя Богородицы на своемъ дворѣ, разрушивъ первое основаніе, еже бѣ создалъ дѣдъ его, князь великій Василій Дмитріевичь; а заложилъ за церковью полату» (П. С. Л. VI, 235). Освящена въ 1490 г. (Ibid. 239). Снегиревъ толкуетъ (Памятники Моск. Древн. М. 1842—1845, стр. 82) о какихъ то псковскихъ мастерахъ.

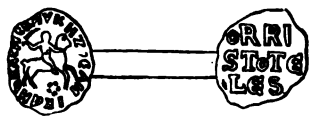
1485 г. «Того же лѣта свершена бысть церковь Ризъположенье на митрополичьѣ дворѣ митрополитомъ Геронтіемъ» (П. С. Л. VI, 236). Это теперешняя церковь Печерской Божіей Матери, стоящая рядомъ съ Грановитою палатою, противъ западныхъ дверей Успенскаго собора. Какіе сохранились въ ней слѣды Аристотелевой постройки?

1475—1483 гг. Между монетами временъ Іоанна III находятся такія, которыя свидѣтельствуютъ, что Аристотелю предоставлено было право чеканить монету съ своимъ именемъ.

Серебряныя деньги: на лицевой сторонѣ в. князь верхомъ вправо, съ поднятымъ мечемъ, вокругъ надпись: кнзь вели іванъ василевичь, подъ конемъ роза; на оборотѣ: oRRI

STоTE

LES



У Рейхеля (Die Reichelsche Münzsammlung, №№ 300—305) имя начинается маленькимъ: о, а у Черткова описанные экземпляры (Описаніе русск. монетъ, М. 1834, № 94, стр. 47)—большимъ: О; у Шодуара (Aperçu sur les monnaies russes, II, № 203) упоминаются экземпляры съ другимъ распредѣленіемъ буквъ:

O ARI
STOTE
LES.

Изъ этого видно, что было нѣсколько различныхъ штемпелей той же самой монеты; слѣдовательно, Аристотель нѣсколько лѣтъ сряду пользовался правомъ чеканки монетъ и пользовался этимъ правомъ широко, потому-что его монеты и теперь очень обыкновенны. Но странно, что занимаясь чеканкою монетъ, Аристотель не ввелъ усовершенствованныхъ способовъ чеканки, употребляемыхъ на западѣ, а довольствовался тѣми первобытными пріемами, которые были въ употребленіи въ Россіи: онъ чеканилъ также изъ серебряной проволоки, не придавая монетамъ даже правильной формы. По всѣмъ вѣроятіямъ Аристотель былъ лишенъ этаго права въ 1483 году, когда подвергся гнѣву великаго князя и когда отобрано отъ него все имущество.

Помимо всѣхъ упомянутыхъ занятій, Аристотель обучалъ также литейному дѣлу и сверхъ того завѣдывалъ артиллеріею. Онъ первый научилъ русскихъ литью орудій и, по мнѣнію Висковатова (стр. 183), древнѣйшая пушка, хранящаяся въ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ, можетъ принадлежать къ числу отлитыхъ подъ надзоромъ Аристотеля. Это 2-хъ фунтовая пищаль—длинною отъ торели до конца дула 4 фута $6^1/_4$ дюймовъ, безъ цапфъ, дельфиновъ и винограда, съ поясами или фризами только у торели и у дула. На поверхности ея, совершенно гладкой, безъ всякаго, принятаго въ послѣдствіи, раздѣленія на части: казенную, вертлюжную и дульную, сдѣлана надпись: «По велѣнію Благовѣрнаго и Христолюбиваго Великаго Князя Ивана Васильевича, Государя всея Руси, сдѣлана бысть сія «пищаль въ лѣто 6993 (1485) мѣсяца Сентября 30, въ лѣто Господарства «его 23, лилъ Яковъ». Въ 1485 году Аристотель завѣдывалъ еще артиллеріею, и Яковъ могъ быть однимъ изъ его учениковъ. По этому роду занятій мы видимъ, что Аристотель въ 1482 году, когда замышляли походъ

[illegible] въ Казанск. Духовн. Акад. № 925. л. 33 об. и 34. Тоже въ Азбуковн. 146). Въ Польскихъ гербаріяхъ или лѣчебникахъ есть статья о животныхъ морскихъ; тамъ встрѣчается буквальное сходство и съ Азбуковниками и съ русскими лѣчебниками, такъ какъ послѣдніе часто составляютъ ихъ переводъ. Эта статья о цетѣ и бленѣ, т. е. о китахъ, находится въ «Огородѣ здравія» Хвалимира, изд. въ Краковѣ 1534 г. на польскомъ языкѣ.

[illegible] басенный, басманный—слово татарское и значитъ оттискъ, [illegible] а сл. басмак—бить, чеканить; басенными издѣліями назывались [illegible] тогда на нихъ были оттискуты изображенія, слова или фигуры. [illegible] у насъ сохранились пеленцы и поясъ монашескій съ [illegible] изображеніями праздниковъ и подписями, объяснявшими [illegible] въ гробѣ въ древнѣйшей московской церкви Спаса на [illegible] стѣнъ, и сохраняются тамъ въ алтарѣ доскѣ (Древн. [illegible] I. № 107. стр. 162—166; Пам. Моск. древн. Снѣ[illegible] 128—9). Басменные бывали не рѣдко оклады книгъ, по преимуществу [illegible] служебныхъ: въ описи 1642 г. означены Троицкой Сергіевой [illegible] евангелія- апракосъ на харатьѣ, евангелисты серебряные басменные [illegible] евангеліе тетръ писменое, евангелисты «выбиваны басменные [illegible] деятырь «оболочена кожею красною, басмы золотные» [illegible] 1848 г. 6. Смѣсь №№ 4, 7. 344. 474). Басменными называются [illegible] металлическіе оклады иконъ и крестовъ съ оттисками: кіотъ [illegible] Казанской въ XVII в. былъ «обложенъ серебромъ, окладъ [illegible] Зап. для обозр. древн. 42, прим. 76). У старинныхъ [illegible] были въ окладахъ басенныхъ съ вѣнцами чеканными. [illegible] до 1689 г. Дѣло Шаховитаго № 3. свит. [illegible] Арзамасскаго въ 1712 г. Опис. одеждъ. Саввантова, [illegible] Монастырскія книги на архіерейскихъ облаченіяхъ выбивали басменные [illegible] и [illegible] и [illegible] митроп. Петра 1364 г. серебряныя и [illegible] басменныя; такія же на саккосахъ м-та [illegible] г.; и Макарія 1549 и 1559 г. (Указат. Саввы. изд. 3-е стр. [illegible]). Кожаное кружево имѣло басмы: въ 1628 г. апр. 10 [illegible] Торгановъ ковановa кружева 27 [illegible] (Домаш. бытъ рус. царицъ, [illegible] 72).

[illegible] (Слов. Востокова I. 14). По [illegible] наслѣдство людей церковныхъ [illegible] или митрополиту: «А что дѣется въ [illegible] и въ монастырехъ ... безадмина [illegible] (Н. С. А. VI, 86; Ист. Церк. Макарія II, 218, 221, прим. [illegible] Пион. I, № 4).

[illegible], [illegible]—lapis Bezoar, orientale Bezoar—[illegible] на [illegible] или [illegible] минераловъ, а его находятъ въ моче-

вонъ пузырѣ дикихъ козъ на Востокѣ. Въ средніе вѣка онъ игралъ большую роль въ медицинѣ и потому продавался весьма дорого: по свидѣтельству Рихтера, безуй во всей Европѣ считался тогда драгоцѣннымъ средствомъ отъ прилипчивыхъ болѣзней и сыпей; въ Россіи продавали въ XVII в. золотникъ его по 12 р., а дешевле 6-ти р. онъ не былъ (Ист. медиц. въ Рос. М. 1820 г. II, 202). Въ 1587 г. австрійскій эрцгерцогъ Максимиліанъ прислалъ въ даръ царю Ѳедору Ив. камень безуй, «взявъ изъ казны отца своего, а имѣетъ силу и лѣчбу великую отъ порчи» (Пам. дипл. снош. I, стр. 972, 980). Когда думали, что царская невѣста Марья Ив. Хлопова заболѣла отъ порчи, то давали ей пить св. воду съ мощей, да камень Безуй (Собр. грам. III, 63—5. 98). Въ 1616 г. «марта 21 въ Верхъ къ Государю въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ 3 камени безуръ, вѣсу въ нихъ 24 зол. безъ деньги, цѣна 215 руб.» (Дом. бытъ царицъ, прил. 54). Въ походной аптекѣ московскаго царя всегда находился безуй въ разныхъ видахъ; принимали его съ инороговою костью (См. сл. Инорогъ) по наряду, т. е. въ извѣстной пропорціи; тогда онъ, по объясненію доктора Грамана, данному въ Москвѣ 1655 г., помогаетъ отъ лихорадки, горячки, мороваго повѣтрія, черной немочи и укушенія ядовитой змѣи (Тамъ же 136; Доп. къ А. Ист. IV, 31; VI, 324). Въ русскихъ лѣчебникахъ XVII стол. встрѣчается статья о Безоарѣ, переведенная изъ польскаго Гербарія Хвалимира 1534 г.

Божій дворянинъ—рыцарь монашескаго ордена: въ 1229 г. дали Данину свободну Смольняномъ «пискупъ ризскии, мастьръ божихъ дворянъ, и вси земледѣржци» (Собр. Грам. II, № 1). Въ 1268 г. Новгородцы водили ко кресту «пискуповъ и божіихъ дворянъ» (1 Новг. 59; см. Ипат. лѣтоп. 187).

Бохмитъ—магометъ, Бохмиты—магометане: въ 986 г. придоша Болгаре вѣры Бохмичи къ св. Владиміру и сказали: «Дасть Бохмитъ комуждо по 70 женъ красныхъ исбереть едину красну, и всѣхъ красоту въложить на едину, та будеть ему жена» (Лавр. 36; 1 Соф. 114). Болгаръ лѣтописецъ называетъ Бохмитами: погнаіи 1184 г. Болгаръ, «Бохмиты поганыя сѣкуще» (Лавр. 165).

Врачина—шелковая ткань, порфира (Слов. Востокова I, 29): въ словѣ о богачѣ и его роскоши до 1200 г. изображается, какъ «раби его предитекуще мнози въ брачинѣ и въ гривьнахъ златахъ» (Изв. Акад. X, 548—9).

Брынецъ—персидск. бириндж, бюрюндж,—сарачинское пшено (П. С. Л. VI, 355). Аѳанасій Никитинъ не разъ говоритъ о брынцѣ въ своемъ хожденіи: восточные народы «ядятъ брынецъ да кичири съ масломъ»; въ землѣ Еѳіопской «много раздаша брынцу да перцу» (Тамъ же, 334, 336). Въ росписаніи кушаньевъ на великій постъ брынецъ встрѣчается нерѣдко: «коровай съ винными ягоды сладкой, каша сладкая съ брынцомъ да

съ винными ягоды» (Домостр. изд. въ Казани, 172. См. Дополн. къ А. I, 225).

Бумажникъ—бумажный пуховикъ или перина, набитая вмѣсто пуху хлопчатой бумагой; исподняя наволочка дѣлалась изъ тверскаго полотна, а верхняя—изъ бархату, атласу, камки, дорогъ, байбереку и т. под. Въ казнѣ подъ 119 г. значится «Бумажникъ и зголовейцо—бархатъ червчатъ, застѣнки кругомъ камка золотная на лазори» (Дом. бытъ царицъ 49, 77). О вѣсѣ и величинѣ бумажника можно заключать изъ слѣдующихъ данныхъ: на настилку его шло бумаги хлопчатой отъ 10 до 14 ф., а иногда цѣлый пудъ; полотна тверскаго на нижнюю наволоку отъ 12 до 15 арш., камки мелкотравной 10—12 аршинъ (Тамъ же, 73, 83, 93, 103). Въ 1690 г. авг. 13 и сент. 23 царица Наталья Кириловна велѣла отпустить изъ вещей опальныхъ В. В. Голицына бумажникъ да взголовье, наволоки атласныя рудожелтыя, да два бумажника—наволоки холщевыя. Въ тоже время у придворнаго дьякона упоминается бумажный пуховикъ, оболоченный байберекомъ краснымъ (Ркп. Дѣло Шакловитаго № 3, свит. 425—29; № 6, св. 115).

Вамбакъ—сл. греческ.—грецкая губка: въ 1682 г. при коронаціи царей московскихъ Ивана и Петра, «святѣйшій патріархъ, прія вамбакъ чистъ, еже есть губа, потеръ мѵро на государяхъ и сѣгъ вамбакъ въ алтарѣ» (П. С. Зак. II, 435).

Веретея, веретія—возвышенное мѣсто на лугу, не затопляемое водою (Обл. Слов. 23); веретея также означаетъ участокъ наносной сѣнокосной земли на берегу рѣки, образовавшійся отъ весенняго разлива водъ (Матер. для Слов. и Грам. VIII, 122). Въ двинскихъ купчихъ XIV в. веретія называется различно: веретія тонкая, узкая, плоская, долгая и т. под. (А. Юрид. № 71, XIX, XXIV, XXVIII, XXXV; Доп. къ А. II, 93). «Се купилъ Родивонъ Тимоѳеевиць, у своего брата у Сидора, лоскутъ земли на Юрмоли орамой, узкую веретею» (А. Юр. № 71, XIV).

Вершь, вьрьшь—хлѣбъ на корню (Слов. Восток. I, 75); въ 1127 г. въ Новгородской области «на осень изби морозъ вьрьшь, и бысть голодъ, и черезъ зиму рьжи осминка по полугривнѣ» (1 Новг. 5; IV Новг. 3). Здѣсь подъ вершью, очевидно, разумѣется озимая рожь, озимицы, зеленя. Въ 1215 г. «зая князь (Ярославъ) вьрьшь на Торжку—не пусти въ городъ ни воза» (1 Новг. 33). Здѣсь называется вершью всякаго рода зерновой хлѣбъ, какъ и въ слѣдующемъ мѣстѣ Псковской судной грамоты до 1468 г.: «Государю на изорники... волно и въ закличь сочить серебра и всякой верши». Но въ лѣтописи подъ 1468 г. опять разумѣются озимицы: въ сентябрѣ и октябрѣ рѣки и ручьи наполнились водою, «а у христіянъ много по полю вершей погнили» (1 Псков. 231).

Викія, виникія—βοκίον, означаетъ вообще сосудецъ; по объясненію Азбуковниковъ, викія—сосудъ сплинъ безъ рукояти (у Сахарова 149);

тоже сказано объ алавастрѣ: «сосудъ склянъ безъ рукояти, еже виникія наричется» (I b. 142). Слѣдов. алавастръ и викія—одно и тоже и означаетъ круглый графинъ съ длиннымъ узкимъ горломъ; дѣйствительно, это должно быть вѣрно; Гоаръ приводитъ такое объясненіе алавастра: τὸ δὲ ἀλάβαστρον ἀγγεῖον ὑέλινόν ἐστιν ἄνευ λαβῆς ποιημένον τινός, ὃ δὴ βοκίον οὕτωσι λέγεται (Euchologion, стр. 633). На востокѣ въ викіи хранили драгоцѣнные ароматы и масти, а у насъ—церковное вино: въ XI стол. однажды пришелъ сельскій попъ въ Кіевопечерскій монастырь и просилъ вина для богослуженія; преп. Ѳеодосій велѣлъ вылить ему все монастырское вино,—«и влія ему въ викію вина» (Патер. ркп. Рум. Муз. № 305, л. 71).

Вирій, вырій, ирій—чудесный рай языческаго времени; самое слово, кажется, одного корня съ словомъ рай (радж) и имѣетъ одинаковое значеніе. По понятіямъ языческимъ, тамъ обитаютъ усопшіе предки и оттуда посылаются души новорожденныхъ людей; оттуда прилетаютъ вѣщія птицы и предсказываютъ о судьбахъ рожденія, брака и смерти. Въ эту теплую блаженную страну, за моремъ океаномъ, улетаютъ на зиму птицы, тамъ находится и теремъ солнца; поученіе Мономаха говоритъ: «Сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идуть... да наполнятся лѣси и поля» (Лавр. 101). Ирій представляли Славяне чудеснымъ садомъ во владѣніяхъ божества свѣта, какъ средоточіе всякой жизненной силы, которая залетала оттуда на землю для царства растительнаго и животнаго (См. Поэтич. воззр. А. Афанасьева II, 137—141, 405).

Влагалище, лагалище—мѣшечекъ, чехолъ или футляръ; оно замѣняетъ сл. пиры Священнаго писанія, гдѣ употреблено въ смыслѣ дорожнаго мѣшка для храненія денегъ: до 1395 г. въ посланіи о стригольникахъ приведенъ текстъ: «не имайте влагалища (въ поздн. «ни пиры въ путь»), ни мѣди при поясѣхъ вашихъ» (А. Ист. I, № 6). Влагалище или ковчегъ посоха митр. Петра, оклеенное внутри зеленымъ бархатомъ, снаружи обтянутое краснымъ сафьяномъ, хранится въ патріаршей ризницѣ въ Москвѣ. Въ описи книгъ Троицкой Сергіевой лавры половины XVII в. отмѣчено: «Книга въ десть писменая.—Житіе чудотворца Сергія въ лицахъ... по обрѣзу золочено, влагалище—сукно червчатое, подложено дорогами лазоревыми... Книга Никонское правило въ десть на бумагѣ, дачи царя и в. кн. Ивана Вас. всея Русіи, во влагалищи деревянномъ за замкомъ» (Чт. Общ. 1848 г. № 6. Смѣсь 2, 5). Въ 1635 г. «дано печатново двора книжнымъ переплетчикамъ тремъ человѣкомъ поденново корму на недѣлю по алтыну человѣку: дѣлали г-нѣ царицѣ къ шапкамъ два влагалища, набивали сусальнымъ золотомъ и серебромъ по сафьяну червчатому». Въ 1645 г. въ придворной мастерской кроили два влагалища «въ суннѣ червчатомъ багрецѣ», одно на шкатулку, другое—на подушку бархатную хоромную. Влагалища дѣлали изъ сафьяну, бархату, атласу, сукна для лучшаго сохраненія дорогихъ вещей, наприм. иконъ, панагій, серегъ, платья и т. под. (Домаш. бытъ царицъ. Въ прилож. 82, 112, также 97, 98, 103, 106). Въ переписной книгѣ домовой казны

[illegible]итр. Никона 1659 г. говорится объ аналоѣ греческой работы: «Раковина, на ней голова человѣческая, на головѣ два аллава, лагалище подложено бархатомъ зеленымъ» (Времен. кн. XV. 116). До 1662 г. у иконныхъ складней упоминается влагалище вишневаго бархата: а у архіеп. Вологодскаго Симона на влагалищѣ для панагіи былъ вынизанъ крестъ [illegible]ужный (Лѣт. зан. Археогр. Ком. III. прилож. 38. отд. 2, 14).

Вравіе—вѣтвь винограда съ плодомъ (Азбуковн. 150). Въ этомъ [illegible] употреблено это слово въ посланіи о раѣ, около 1347 г.: «Егда же [illegible] преставленіе Богородица, ангелъ вравіе принесе вѣтвь изъ [illegible] (П. С. Л. VI. 88).

Вругуть спудъ—modius, modius, [illegible] хлѣбная мѣра (Слов. Восточ. [illegible] I. 184; II. 183).—коретъ, коробка, четверти (Азбуковн. 97).—[illegible] четверо, мѣра сыпучихъ тѣлъ (Словарь Даля, т. IV. 274). [illegible] въ Владиміра читаемъ: «Городскые торговые всякая мѣрила, [illegible] и съвѣсы, ставила, отъ Бога исхони уставлено—блюсти епископу [illegible] (П. С. Л. VI. 83, 84). Въ поученіи 1383 г. сказано: «О [illegible] (въ темницѣ) отъ земныхъ владыкъ за единый спудъ, [illegible] [illegible], т. е. за мѣру хлѣба, данную судьѣ (Ж. М. Н. Пр. [illegible] 12). Въ судахъ Соломона разсказывается, какъ отецъ завѣ[illegible] [illegible]ину спудъ золота, другому спудъ костей, а третьему— [illegible] (Обзоръ Хроногр. А. Попова, II. 135 и I. 33).

[illegible]—съ польск. борзая собака: княгиня Улита говорит [illegible] дѣтямъ: «есть у мужа моего песъ зыжлеть, который [illegible] князя Даніла Александровича» (Песни Рыбник. IV. [illegible] 1855, кн. XL).

[illegible]—[illegible]ина, рытвина: по уставу назначено мосты мостить «Нѣ[illegible] [illegible]ола. Гтомъ до Гедардова выкола до залнего, отъ [illegible] [illegible]огнищаномъ до Будетина выкола. Ильинцемъ до [illegible] (П. С. Л. VI. 69). До 1505 г. въ Ликурской волости [illegible]ла изъ лѣса на поле Игнатово, да полемъ... выколъ [illegible] [illegible]ла налѣво изгородомъ» (А. Юрид. 16).

[illegible]—[illegible]lle Gallone—боченокъ (Обл. Слов. 35): въ наказѣ [illegible] [illegible]ложено: «съ галенка вина горячего емлютъ въ та[illegible] [illegible]ленги» (Доп. къ А. III. № 116. стр. 417). Въ [illegible] [illegible] предлагается рецептъ для составленія Попилевой [illegible]ается совѣтъ—«влить вина ренскаго $^1/_4$ галенка [illegible] (Библ. № 480, л. 130).

[illegible]—[illegible] татарск. персидск. Хам-ян—кошелекъ для денегъ, [illegible] въ видѣ пояса; онъ дѣлается изъ кожи или крѣп-

кой матеріи. Въ Еренскѣ хамьяномъ называется кошачья цѣльная шкура выдѣланная, которая служитъ вмѣсто мѣшка для денегъ; въ жалобѣ 1627 г. прописано: «На дорогѣ снялъ съ мени съ сонова хамьянъ, а въ хамьянѣ было денегъ 15 алтынъ» (Матер. для Слов. и Грам. XVII, 270; XXIX, 337).

Гобино—урожай, изобиліе плодовъ земныхъ—εὐθηνία, περισσότης, abundantia (Слов. Востокова I, 85). Въ 1071 г. волхвы говорили о старыхъ женщинахъ, «яко ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино» (Лавр. 75). Книжный заговоръ выражается такъ: «Аще червь ниву біетъ, глаголи: не бейте черви, не ѣшьте нивы сея гобины, обини» (Великорус. Заклин., изд. Географич. общ., 80; взято изъ лѣчебн. XVII в. Синод. библіот. № 481, л. 214).

Громная стрѣлка называется иногда молніиной; о Батыѣ говоритъ лѣтописецъ, что этотъ безбожный былъ молніина стрѣла. Вѣра въ небесное происхожденіе и таинственныя свойства громовой стрѣлы, безъ сомнѣнія, ведетъ свое начало изъ языческой старины, когда думали, что громовникъ вооруженъ стрѣлами, камнями, молотомъ или топоромъ (Поэтич. воззр. Афанасьева, II, 367). Эта вѣра сохранялась долго въ Россіи, не смотря на вліяніе христіанское, и высказывалась такъ или иначе: въ 1450 г. въ Москвѣ «прострѣли громъ верхъ у церкви у каменыя св. Михаила Архангела на площади, и поиде стрѣла въ церкви; и бысть чюдо страшно, яко не мощно сказати, како ходила по церкви» (П. С. Л. V, 270). Въ 1470 г. во время грозы мая 21, церковь св. Пантелеймона «во многихъ мѣстѣхъ исходила стрѣлка, тако же и на лбу много порощепалось» (1 Пск. 235). Въ 1537 г. «въ Петровъ постъ, божіимъ попущеніемъ бысть во Твери: пріиде стрѣлка изъ грому и зажже градную стѣну отъ р. Тмаки» (П. С. Л. VI, 303). Слѣдоват. лѣтописцы русскіе въ разныхъ областяхъ вполнѣ вѣрили въ громовыя стрѣлы вмѣстѣ съ народомъ. Въ старинныхъ рукописяхъ часто встрѣчается статья «Афанасія мниха о наузѣхъ и стрѣлцѣ громнѣй», направленная противъ суевѣрій; въ статьѣ выражено такое замѣчаніе: «Стрѣльныи топори громніи—нечестивая и богомерзская вещь: аще недуги и подсыванія, и огненная болѣсти лечитъ, аще и бѣсы изгонитъ и знаменія творитъ—проклята есть и тіи исцѣляеміи. Не всякъ бо прорицаяй—преподобенъ, не всякъ изгоняяй бѣсы—святъ» .... (Ркп. Соловецк. въ Казанс. Дух. Акад. № 813, л. 556; Рум. Муз. № 231; Ркп. Сборн. Спб. Акад. № 1468, л. 165). Не смотря на преслѣдованіе лѣченія громовой стрѣлой, какъ богопротивнаго дѣла, самый фактъ возможности исцѣленія и чудесныя ея свойства не отвергаются. Немудрено, что этимъ стрѣламъ до послѣдняго времени приписывали цѣлебныя свойства; въ 1638 г., на слѣдствіи, ворожейки показали, что онѣ отъ грыжи наговариваютъ на громную стрѣлу и медвѣжій ноготь, и съ той стрѣлки и ногтя заставляютъ больныхъ пить воду (Альман. «Комета», 477 и дал.). Заговоръ отъ изурочья и

хотя мы въ правѣ предположить, что архитектурная его дѣятельность не прекратилась съ отстройкою собора. Вопервыхъ, до самаго 1487 года не было въ Москвѣ другаго зодчаго для церковныхъ зданій кромѣ Аристотеля, а во вторыхъ мы знаемъ, что великій князь, немедленно по окончаніи Успенскаго собора, приступилъ къ постройкѣ новыхъ каменныхъ церквей. Въ третьихъ наконецъ, мы имѣемъ документъ отъ 26 октября 1479 года, изъ котораго можно заключить, что великій князь умѣлъ цѣнить искуство и заслуги Аристотеля. Правители Болоньи, узнавъ, вѣроятно, объ окончаніи Успенскаго собора, постановили ходатайствовать передъ королемъ польскимъ или передъ в. княземъ всей Россіи (maximo totius Russiae duci) о дозволеніи Аристотелю возвратиться въ отечество, «потому что оно чувствуетъ большую нужду въ его присутствіи». Но это ходатайство не было уважено, и по лѣтописямъ видно, что Аристотель остался въ Россіи до 1485 года. На основаніи всего сказаннаго, надо предполагать, что всѣ постройки до 1485 г. дѣлались или самимъ Аристотелемъ или подъ непосредственнымъ его надзоромъ.

Въ 1479 году «заложи церковь князь великій камену Іоана Златоуста на посадѣ» (П. С. Л. VI, 221). Въ 1482 г. эта церковь была готова къ освященію; она сгорѣла въ 1488 г. (Ibid. 238). Въ томъ же 1479 году пришлось Аристотелю приступить и къ другимъ еще работамъ: «того же лѣта разобраша старую церковь на Троицкомъ дворѣ, бѣ бо трухла велми, и заложиша новую на томъ же мѣстѣ» (П. С. Л. VI, 223). Троицкое подворье находилось напротивъ Потѣшнаго дворца, направо отъ прежней Оружейной палаты, гдѣ теперь выстроенъ домъ Кавалерскаго корпуса, примыкающій къ новому дворцу (Москва и ист. путевод. II, 155).

1479 г. «на Москвѣ у Рожества Пречистые, иже у Лазоря святаго, верхъ впадеся, нѣкако напрасно и страшно въ нощи, иконы поби и множество въ казнѣ великаго князя судовъ изби» (П. С. Л. VI, 223). Этотъ храмъ былъ построенъ в. княгинею Евдокіею, супругою Димитрія Іоанновича Донскаго, въ 1393 году; украшенъ живописью въ 1395. Теперь онъ находится въ самомъ зданіи дворца и совершенно перестроенъ (Москва и ист. путевод. II, 144).

1482 г. «Того же лѣта заложи церковь камену князь велики, Срѣтеніе святыя Богородицы на полѣ» (П. С. Л. VI, 233). Она расписывается въ 1485 г. (Ibid. 237). Срѣтенскій монастырь выстроенъ былъ на Кучковомъ полѣ (Москва, I, 29; III, 163—166), а всѣ теперешнія зданія принадлежатъ къ XVII и даже XVIII вѣку.

1482 г. «Того же лѣта заложиша церковь Богоявленіе камену и кирпичемъ дѣлаша, въ городѣ, на Троицкомъ подворіѣ, а старую камену же разрушиша» (П. С. Л. VI, 233). Церковь Богоявленія Господня, что на Троицкомъ подворьѣ, была выстроена первоначально въ 1460 году, а послѣ перестройки Аристотеля была вновь обновлена и освящена въ 1754 году, а съ конца прошлаго столѣтія (послѣ 1792 года) уже не существуетъ (Москва и ист. путевод. II, 154).

1482 г. «Того же лѣта почаша рушити церковь на площади Благовѣщеніе, верхъ сняша и голубьемъ накрыша» (П. С. Л. VI, 234). Это замѣчаніе относится до перестройки Благовѣщенскаго собора.

1483 г. «Заложи церковь кирпичну Спасъ святы за Яузою игуменъ Чигасъ» (П. С. Л. VI, 234). При этой церкви былъ также мужской монастырь, но оба зданія сгорѣли въ 1547 году (Степен. кн. II, стр. 245): «подлѣ же Яузу и до устья по Москвѣ рѣкѣ выгорѣ монастырь Спаса въ Чигасахъ и въ церкви все выгорѣ и чюдная подпись, и верхъ церковный отъ огня падеся». Послѣ этого пожара отъ постройки Аристотелевой сохранился только фундаментъ и обгорѣлая стѣна. Церковь была съ однимъ куполомъ, который упалъ отъ огня, а внутренняя живопись совершенно пострадала. Сверхъ того, мы видимъ, что съ 1625 г. Спасъ-Чигасская церковь является уже приходскою; въ 1639 году церковь возобновлена, въ 1641 году къ ней пристроили придѣлъ св. Екатерины, а потомъ, въ 1647 году, пристроили колокольню. Наконецъ въ томъ же столѣтіи пристроили еще второй придѣлъ—Св. Николая. Въ 1722 году вмѣсто этого придѣла построили другой, въ честь Св. Кирика и Улиты. Внутреннее устройство храма еще болѣе измѣнено частыми поправками и передѣлками (Описаніе Спасо-Чигасской ц. М. 1858). Изъ сказаннаго видно, что отъ первоначальной постройки Аристотеля остался, можетъ быть, одинъ фундаментъ церкви (въ длину 12° 2', въ шир. 5° 2'), если и самый планъ ея не измѣненъ при перестройкѣ послѣ пожара 1547 года.

1483 г. «Того же лѣта заложи Чюдовскій архимандритъ трапезу камену, а старую разруши» (П. С. Л. VI, 235). Что осталось отъ этой постройки?

1483 г. «Того же лѣта разруши князь велики Благовѣщенье на своемъ дворѣ, подписаную толко по казну и по подклѣтъ, и заложи казну около того подклѣта и полату кирпичну съ казнами» (П. С. Л. VI, 235). Это извѣстіе, навѣрно, находится въ связи съ придыдущимъ извѣстіемъ о Благовѣщенскомъ соборѣ 1482 года. Если въ 1482 году Аристотелю препоручены были исправленія въ соборѣ, то непонятно, какъ объяснить послѣ того полную перестройку, предпринятую въ слѣдующемъ же 1484 году?

1484 г. «Тое же весны князь велики Иванъ Васильевичь заложилъ церковь камену Благовѣщеніе святыя Богородицы на своемъ дворѣ, разрушивъ первое основаніе, еже бѣ создалъ дѣдъ его, князь великій Василій Дмитріевичь; а заложилъ за церковью полату» (П. С. Л. VI, 235). Освящена въ 1490 г. (Ibid. 239). Снегиревъ толкуетъ (Памятники Моск. Древн. М. 1842—1845, стр. 82) о какихъ то псковскихъ мастерахъ.

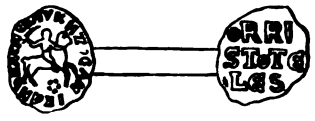
1485 г. «Того же лѣта свершена бысть церковь Ризъположенье на митрополичьѣ дворѣ митрополитомъ Геронтіемъ» (П. С. Л. VI, 236). Это теперешняя церковь Печерской Божіей Матери, стоящая рядомъ съ Грановитою палатою, противъ западныхъ дверей Успенскаго собора. Какіе сохранились въ ней слѣды Аристотелевой постройки?

1475—1483 гг. Между монетами временъ Іоанна III находятся такія, которыя свидѣтельствуютъ, что Аристотелю предоставлено было право чеканить монету съ своимъ именемъ.

Серебряныя деньги: на лицевой сторонѣ в. князь верхомъ вправо, съ поднятымъ мечемъ, вокругъ надпись: кнзь вели іванъ василиичь, подъ конемъ роза; на оборотѣ: oRRI

STоTE

LES



У Рейхеля (Die Reichelsche Münzsammlung, №№ 300—305) имя начинается маленькимъ: о, а у Черткова описанные экземпляры (Описаніе русск. монетъ, М. 1834, № 94, стр. 47)—большимъ: О; у Шодуара (Aperçu sur les monnaies russes, II, № 203) упоминаются экземпляры съ другимъ распредѣленіемъ буквъ:

O ARI
STOTE
LES.

Изъ этого видно, что было нѣсколько различныхъ штемпелей той же самой монеты; слѣдовательно, Аристотель нѣсколько лѣтъ сряду пользовался правомъ чеканки монетъ и пользовался этимъ правомъ широко, потому-что его монеты и теперь очень обыкновенны. Но странно, что занимаясь чеканкою монетъ, Аристотель не ввелъ усовершенствованныхъ способовъ чеканки, употребляемыхъ на западѣ, а довольствовался тѣми первобытными пріемами, которые были въ употребленіи въ Россіи: онъ чеканилъ также изъ серебряной проволоки, не придавая монетамъ даже правильной формы. По всѣмъ вѣроятіямъ Аристотель былъ лишенъ этаго права въ 1483 году, когда подвергся гнѣву великаго князя и когда отобрано отъ него все имущество.

Помимо всѣхъ упомянутыхъ занятій, Аристотель обучалъ также литейному дѣлу и сверхъ того завѣдывалъ артиллеріею. Онъ первый научилъ русскихъ литью орудій и, по мнѣнію Висковатова (стр. 183), древнѣйшая пушка, хранящаяся въ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ, можетъ принадлежать къ числу отлитыхъ подъ надзоромъ Аристотеля. Это 2-хъ фунтовая пищаль—длинною отъ торели до конца дула 4 фута $6^1/_4$ дюймовъ, безъ цапфъ, дельфиновъ и винограда, съ поясами или фризами только у торели и у дула. На поверхности ея, совершенно гладкой, безъ всякаго, принятаго въ послѣдствіи, раздѣленія на части: казенную, вертлюжную и дульную, сдѣлана надпись: «По велѣнію Благовѣрнаго и Христолюбиваго Великаго Князя Ивана Васильевича, Государя всея Руси, сдѣлана бысть сія «пищаль въ лѣто 6993 (1485) мѣсяца Сентября 30, въ лѣто Господарства «его 23, лилъ Яковъ». Въ 1485 году Аристотель завѣдывалъ еще артиллеріею, и Яковъ могъ быть однимъ изъ его учениковъ. По этому роду занятій мы видимъ, что Аристотель въ 1482 году, когда замышляли походъ

на Казань, посылается напередъ съ воеводами и доходитъ «съ пушками» до Нижняго-Новгорода. Большой переворотъ произошелъ въ судьбѣ Аристотеля въ 1483.

Послѣ казни врача Антона, выданнаго великимъ княземъ головою роднымъ умершаго татарскаго князя и зарѣзаннаго ножемъ подъ Москворѣцкимъ мостомъ (зарѣзаша его ножемъ, какъ овцу), Аристотель сталъ просить великаго князя о дозволеніи воротиться на родину; но великій князь, разгнѣванный такою просьбою, велѣлъ схватить его, лишить всего имѣнія и посадить «на Антоновѣ дворѣ за Лазоремъ святымъ».

Неизвѣстно, сколько времени продолжалась опала Аристотеля; но въ 1485 году мы снова видимъ его сопровождающимъ Іоанна въ походѣ на Тверь: «съ пушками, и съ тюфяки и съ пищалми, августа 21 день» (П. С. Л. VI, 235, 237).

Этимъ 1485 годомъ прекращаются въ лѣтописяхъ и въ другихъ документахъ всякія свѣдѣнія объ Аристотелѣ. Онъ вѣроятно, скончался въ этомъ же году, хотя нигдѣ не упоминается о его смерти. Гдѣ погребено его тѣло?

Карамзинъ, Исторія Госуд. Росс.—Энциклопедическій словарь, сост. русск. учеными и литераторами. Спб. 1861.—Висковатовъ, Историческое описаніе одежды и вооруженія Росс. войскъ. I, Спб. 1841, стр. 183—185.—Michel-Angelo Gualandi, Aristotele Fioravanti meccanico ed ingegnere del secolo XV, въ Atti e memorie della Regia deputazione di storia patria per le provincie di Romagna. Anno nono, Bologna, 1870, 4°, pag. 57—77, и другія статьи Гуаланди.

Гр. У.

Арцуки—герцоги: въ Космографіи означено, что въ Германіи «имутъ многи арцуки, сирѣчь князи мѣстныя, въ нихъ же нарицаются и курфисты духовныя и мірскіе». Въ Пруссіи «власти нарицаются маистры и арцуки и княжати поморскіе» (Хроногр. Изборн. 524. 525).

Баволна, съ польск. языка—бумага, мягкота (Азбуковн. у Сахарова 20). По уставной грамотѣ Львовскимъ купцамъ 1407 г. велѣно давать пошлину въ Баковѣ, когда кто «привезетъ изъ Бесарабъ или перецъ, или баволну, или будь што: отъ 12 контари полърубелъ» (А. Зап. Р. I, № 21).

Валена—китъ или самка кита, Balaena mysticetus (Матер. для Слов. и Грам. V, 342). Это слово зашло въ русскій книжный языкъ отъ Поляковъ; въ рукописи Соловецкой XVII в. читаемъ: «Въ мори есть двѣ рыбы,—єдина Цета (Coeta—китъ), а другая Балена; длиною она 60 саженъ, а въ ширину 30. Егда же они учнутъ играти, тогда кричатъ гласомъ, аки лютый звѣрь; а на носу у нихъ аки двѣ трубы великія дымныя,—и егда прыснетъ изъ нихъ водою, и отъ того корабли потопаютъ» (Рки. Со-

ловецк. въ Казанск. Духовн. Акад. № 925, л. 33 об. и 34. Тоже въ Азбуковн. 146). Въ Польскихъ гербаріяхъ или лѣчебникахъ есть статья о животныхъ морскихъ; тамъ встрѣчается буквальное сходство и съ азбуковниками и съ русскими лѣчебниками, такъ какъ послѣдніе часто составляютъ ихъ переводъ. Эта статья о цетѣ и баленѣ, т. е. о китахъ, находится въ «Огородкѣ здравія» Хвалимира, изд. въ Краковѣ 1534 г. на польскомъ языкѣ.

Басма, басемный, басманный—слово татарское и значитъ оттискъ, отпечатокъ, а сл. басмак—бить, чеканить; басемными издѣліями назывались кожаныя, когда на нихъ были оттиснуты изображенія, слова или фигуры. Отъ XIV стол. у насъ сохранились парамандъ и поясъ монашескій съ вычеканенными изображеніями праздниковъ и подписями, объясняющими ихъ; они найдены въ гробѣ въ древнѣйшей московской церкви Спаса на Бору, при передѣлкѣ стѣнъ, и сохраняются тамъ въ алтарѣ доселѣ (Древн. Росс. Госуд. I, № 107, стр. 162—166; Пам. Моск. древн. Снѣгирева 128—9). Басменные бывали не рѣдко оклады книгъ, по преимуществу богослужебныхъ; въ описи 1642 г. означены Троицкой Сергіевой лавры евангелія—апракосъ на харатьѣ, евангелисты серебряные басменые золочены; евангеліе тетръ писменое, евангелисты «выбиваны басмою», книга псалтырь «оболочена кожею красною, басмы золотные» (Чт. Общ. 1848 г. 6. Смѣсь №№ 4, 7, 344, 474). Басменными назывались тонкіе металлическіе оклады иконъ и крестовъ съ оттисками: кіотъ у иконы Владимірской въ XVII в. былъ «обложенъ серебромъ, окладъ басменой» (Зап. для обозр. древн. 42, прим. 76). У старинныхъ бояръ иконы были въ окладахъ басемныхъ съ вѣнцами чеканными. (У В. В. Голицына до 1689 г. Дѣло Шакловитаго № 3, свит. 294; у Прозоровскаго въ 1712 г. Опис. одеждъ. Савваитова, 331). Металлическія бляшки на архіерейскихъ облаченіяхъ выбивали басмою; такъ на епитрахили и саккосѣ митроп. Петра 1364 г. серебряныя и позолоченыя дробницы сдѣланы басменныя; такія же на саккосахъ м-та Іоасафа (1540 г.) и Макарія 1549 и 1558 г. (Указат. Саввы, изд. 3-е стр. 37, 40, 41, 60). Кованое круживо имѣло басмы: въ 1628 г. апр. 10 «отъ царицы изъ хоромъ принесъ діякъ Торокановъ кованова кружива 27 басемъ, серебряны позолочены» (Домашн. бытъ рус. царицъ, И. Забѣлина, въ прил. 73).

Безадщина—выморочное наслѣдство (Слов. Востокова I, 14). По уставамъ св. Владиміра и Ярослава такое наслѣдство людей церковныхъ должно было переходить къ епископу или митрополиту: «А что дѣется въ домовныхъ людехъ и въ церковныхъ и въ самихъ монастырехъ ... безадщина ихъ епископу идеть» (П. С. Л. VI, 86; Ист. Церк: Макарія II, 215, 221, прим. 455; А. Эксп. I, № 4).

Безваръ, Безоаръ, Безуй, Безуръ—lapis Bezoar, orientale Bezoar—собственно не камень изъ царства минераловъ, а его находятъ въ моче-

патр. Никона 1658 г. говорится объ антикѣ греческой работы: «Раковина, на ней голова человѣческая, на головѣ два алмаза, лагалище подложено бархатомъ зеленымъ» (Времен. кн. XV, 116). До 1662 г. у иконныхъ складней упоминается влагалище вишневаго бархата; а у архіеп. Вологодскаго Симона на влагалищѣ для панагіи былъ вынизанъ крестъ жемчужный (Лѣт. зан. Археогр. Ком. III, прилож. 38, отд. 2, 14).

Вравіе—вѣтвь финиковъ съ приплодомъ (Азбуковн. 150). Въ этомъ смыслѣ употреблено это слово въ посланіи о раѣ, около 1347 г.: «Егда же приближися преставленіе Богородица, ангелъ вравіе принесе вѣтвь изъ рая» (П. С. Л. VI, 88).

Вспудъ, спудъ—μόδιος, modius, крина, хлѣбная мѣра (Слов. Восток. I, 184; II, 183),—корецъ, коробка, чвертня (Азбуковн. 97),—кадочка, ведерко, мѣра сыпучихъ тѣлъ (Словарь Даля, т. IV, 274). Въ Уставѣ св. Владиміра читаемъ: «Городскые торговые всякая мѣрила, съпуды и съвѣсы, ставила, отъ Бога искони уставлено—блюсти епископу безъ пакости» (П. С. Л. VI, 83, 84). Въ поученіи 1383 г. сказано: «О колико стражють (въ темници) отъ земныхъ владыкъ за единый спудъ, а друзіи оболгани», т. е. за мѣру хлѣба, даннаго судьѣ (Ж. М. Н. Пр. 1854 г. кн. 12). Въ судахъ Соломона разсказывается, какъ отецъ завѣщалъ одному сыну спудъ золота, другому спудъ костей, а третьему—спудъ земли (Обзоръ Хроногр. А. Попова, II, 135 и I, 33).

Выжелъ, выжлецъ—съ польск. борзая собака; княгиня Улита говорила Кучковымъ дѣтямъ: «есть у мужа моего песъ выжлецъ», который найдетъ по слѣду князя Данила Александровича» (Пѣсни Рыбник. IV, LIX; Времен. 1855, кн. XL).

Вымолъ—вымоина, рытвина: по уставу назначено мосты мостить «Нѣмцемъ до Иваня вымола, Гтомъ до Гелардова вымола до заднего, отъ Гелардова вымола огнищаномъ до Будетина вымола, Ильинцемъ до Матѣева вымола» (П. С. Л. VI, 69). До 1505 г. въ Ликуржской волости Костромской межа шла «изъ лѣса на поле Игнатово, да полемъ... вымолъ къ березѣ, а отъ вымла налѣво изгородою» (А. Юрид. 16).

Галенокъ—нѣм. die Gallone—боченокъ (Обл. Слов. 35); въ наказѣ на Двину 1654 г. положено: «съ галенка вина горячего емлютъ въ таможню пошлинъ по 2 денги» (Доп. къ А. III, № 116, стр. 417). Въ лѣчебникѣ XVII стол. предлагается рецептъ для составленія Попилевой мази; на разныя специи дается совѣтъ—«влить вина ренскаго $^1/_4$ галенка и варить» (Рки. Синод. Библ. № 480, л. 130).

Гаманъ, хамьянъ—татарск. персидск. Хам-ян—кошелекъ для денегъ, очень длинный, иногда въ видѣ пояса; онъ дѣлается изъ кожи или крѣп-

кой матеріи. Въ Еренскѣ хамьяномъ называется кошачья цѣльная шкура выдѣланная, которая служитъ вмѣсто мѣшка для денегъ; въ жалобѣ 1627 г. прописано: «На дорогѣ снялъ съ меня съ сонова хамьянъ, а въ хамьянѣ было денегъ 15 алтынъ» (Матер. для Слов. и Грам. XVII, 270; XXIX, 337).

Гобино—урожай, изобиліе плодовъ земныхъ—εὐθηνία, περισσότης, abundantia (Слов. Востокова I, 85). Въ 1071 г. волхвы говорили о старыхъ женщинахъ, «яко ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино» (Лавр. 75). Книжный заговоръ выражается такъ: «Аще червь ниву біетъ, глаголи: не бейте черви, не ѣшьте нивы сея гобины, обини» (Великорус. Заклин., изд. Географич. общ., 80; взято изъ лѣчебн. XVII в. Синод. библіот. № 481, л. 214).

Громная стрѣлка называется иногда молніиной; о Батыѣ говоритъ лѣтописецъ, что этотъ безбожный былъ молніина стрѣла. Вѣра въ небесное происхожденіе и таинственныя свойства громовой стрѣлы, безъ сомнѣнія, ведетъ свое начало изъ языческой старины, когда думали, что громовникъ вооруженъ стрѣлами, камнями, молотомъ или топоромъ (Поэтич. воззр. Афанасьева, II, 367). Эта вѣра сохранялась долго въ Россіи, не смотря на вліяніе христіанское, и высказывалась такъ или иначе: въ 1450 г. въ Москвѣ «прострѣли громъ верхъ у церкви у каменыя св. Михаила Архангела на площади, и поиде стрѣла въ церкви; и бысть чюдо страшно, яко не мощно сказати, како ходила по церкви» (П. С. Л. V, 270). Въ 1470 г. во время грозы мая 21, церковь св. Пантелеймона «во многихъ мѣстѣхъ исходила стрѣлка, тако же и на лбу много порощепалось» (1 Пск. 235). Въ 1537 г. «въ Петровъ постъ, божіимъ попущеніемъ бысть во Твери: пріиде стрѣлка изъ грому и зажже градную стѣну отъ р. Тмаки» (П. С. Л. VI, 303). Слѣдоват. лѣтописцы русскіе въ разныхъ областяхъ вполнѣ вѣрили въ громовыя стрѣлы вмѣстѣ съ народомъ. Въ старинныхъ рукописяхъ часто встрѣчается статья «Афанасія мниха о наузѣхъ и стрѣлцѣ громнѣй», направленная противъ суевѣрій; въ статьѣ выражено такое замѣчаніе: «Стрѣльныи топори громніи—нечестивая и богомерзская вещь: аще недуги и подсыванія, и огненная болѣсти лечитъ, аще и бѣсы изгонитъ и знаменія творитъ—проклята есть и тіи исцѣляеміи. Не всякъ бо прорицаяй—преподобенъ, не всякъ изгоняяй бѣсы—святъ» .... (Ркп. Соловецк. въ Казанс. Дух. Акад. № 813, л. 556; Рум. Муз. № 231; Ркп. Сборн. Спб. Акад. № 1468, л. 165). Не смотря на преслѣдованіе лѣченія громовой стрѣлой, какъ богопротивнаго дѣла, самый фактъ возможности исцѣленія и чудесныя ея свойства не отвергаются. Немудрено, что этимъ стрѣламъ до послѣдняго времени приписывали цѣлебныя свойства; въ 1638 г., на слѣдствіи, ворожейки показали, что онѣ отъ грыжи наговариваютъ на громную стрѣлу и медвѣжій ноготь, и съ той стрѣлки и ногтя заставляютъ больныхъ пить воду (Альман. «Комета», 477 и дал.). Заговоръ отъ изурочья и

отъ порчи гласитъ: «Можетъ ли злой-лихой человѣкъ заговорить громъ и громову стрѣлу, огненную молнію,—можетъ ли испортить, изурочить мертваго?—Не можетъ заговорить громъ, громову стрѣлу» и проч. Для удачнаго разведенія пчелъ совѣтуютъ высѣчь огня изъ громовой стрѣлы, зажечь имъ свѣчу и поставить Зосимѣ и Савватію (Великорус. Заклин. 91, 139; см. также стр. 11, 118, 163).

Вѣрованіе въ силу громовыхъ стрѣлъ держится въ народѣ находками: кремневые наконечники стрѣлъ, которые попадаются въ землѣ и въ курганахъ, крестьяне считаютъ именно этими громными стрѣлками, имѣющими лѣчебныя свойства (Древности, т. III, 2, стр. 187). Говорятъ, дѣйствительно, на мѣстѣ громовыхъ ударовъ иногда находятъ каменные цилиндрики на подобіе стрѣлъ,—вѣроятно, образуемые дѣйствіемъ электричества, которое спаиваетъ минеральныя частицы въ своемъ стремленіи. Какъ бы то ни было, въ Тамбовск. губ. Липецк. уѣзда, въ селѣ Стеншинѣ, мнѣ удалось видѣть двѣ разнородныя стрѣлы громовыя: одна напоминала старый кремневый наконечникъ стрѣлы или копья, съ боковъ выпуклая, длиною въ полвершка, цвѣтомъ походила на малиновый леденецъ, съ попорченой одной стороной; ею лѣчили дѣтей, прикалывая на животикѣ спазмы или колики. Другая стрѣла желтобуроватаго цвѣта, формою похожа на палецъ, круглая и гладкая, длиною вершка въ полтора. Съ нея производила лѣкарка умыванья и давала питье отъ разныхъ болѣзней. Такія стрѣлы иногда слывутъ въ народѣ подъ названіемъ чортова пальца.

Гряда, гряды—жерди или брусья въ избѣ, идущія отъ печи къ передней стѣнѣ къ двери; туда кладутъ лучину, дрова, или изъ платья и обуви что-нибудь, для просушки; въ жалобѣ 1669 г. объяснено, что отвѣтчикъ истца «зашибъ полѣномъ въ голову, снявъ съ грядъ» (Матер. для Слов. и Грам. VIII, 127; см. Обл. Словарь, 43). Въ разбойничьей пѣсни поется:

Берите, ребята, съ грядъ по полѣну,
Щепляйте, ребята, вы лучину,
Щепляйте лучину помельчѣе,
Кладите подъ дядю пожарчѣе.

Гуменце—постриженіе волосъ на лбу, въ видѣ воротцевъ, и на макушкѣ—въ видѣ небольшаго кружка; надо думать, что этотъ обычай получилъ происхожденіе въ глубокой древности; наблюдается и доселѣ у русскихъ раскольниковъ. Вѣроятно, старинныя постриги имѣютъ съ нимъ связь: проповѣдникъ, укоряя христіанъ въ почитаніи рожаницъ, говоритъ: «Съ робятъ первыя волосы стригутъ и бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ» (Архивъ Калачова II, 1, 104). Въ христіанское время, принятый древній языческій обычай постригъ началъ объясняться изъ событій Библейской исторіи; въ сочиненіи Кирилла Туровскаго и нѣкоторыхъ

рукописяхъ встрѣчаемъ рѣшеніе вопроса: отъ чего попла просвира и гуменцо? «Егда Господь проведе Моисея и люди своя сквозѣ Черное море, тогда печаше опрѣснокъ на главѣ отъ солнца Господеви на службу, и на главахъ стали плѣши» (Ркп. Сборн. Соловец. № 925). Въ 1703 г. раскольникъ Леонтій, вернувшись съ Востока, писалъ, что тамъ православные архіереи и попы «усы себѣ подбриваютъ, и гуменцовъ не постригаютъ» (Очерки Поповщ. 1, 52; см. выше сл. «Абызъ»).

Деисусъ—δέησις, моленіе—икона, на которой изображенъ въ срединѣ Спаситель, а около него съ одной стороны Богоматерь, а съ другой—Іоаннъ Предтеча въ молитвенномъ положеніи; Деисусы дѣлались на евангеліяхъ, а иногда и на ризахъ святительскихъ. До 1288 г. Владиміръ князь Галицкій написалъ Евангеліе, «и Деисусъ на немъ скованъ отъ злата» (Ипат. 223 и 112). Новгородцы, во время плаванія по восточному морю, «видѣша на горѣ написанъ Деисусъ лазоремъ чюднымъ и велми издивленъ паче мѣры» (Посл. о раѣ ок. 1350 г. П. С. Л. VI, 88). На епитрахили митроп. Фотія, привезенной имъ изъ Царяграда 1408 г., шиты золотомъ, серебромъ и шелками Деисусъ, херувимы и другія изображенія, всѣхъ около 80 (Указат. Саввы, 61). На клобукѣ патр. Никона также вышитъ пряденымъ золотомъ и обнизанъ жемчугомъ Деисусъ (Указат. Саввы, 1858 г., 61, 68. Изображеніе епитрахили и клобука см. въ его же издан. 1863 г. № 35, № 46). У Маркелла архіеп. Вологодскаго до 1662 г. былъ «Деисусъ на трехъ цкахъ: образъ Спасовъ Вседержителя, да Пресв. Богородицы, да Иванна Предтечи, да образъ ангела Господня хранителя», писанъ на красномъ золотѣ (Лѣт. зан. Археогр. Ком. III, въ прилож. 37).

Деисусомъ назывались ряды изображеній въ иконостасѣ, надъ царскими дверьми храма и надъ мѣстными иконами, другими словами—верхніе иконостасные поясы. Въ 1482 г. «владыка ростовскій Васьянъ далъ сто руб. мастеромъ иконникомъ... писати Деисусъ въ новую церковь св. Богородицу, иже и написаша чудно велми и съ праздники и съ пророки» (П. С. Л. VI, 233). Въ 1537 г. «архіеп. Макарій у св. Софѣи болшіи Деисусы—13 иконъ обложи сребромъ и украси златомъ» (Тамъ же, 301). Въ 1625 г. въ церкви Никона Троицкой Сергіевой лавры «Деисусъ и праздники и пророки и праотцы обложены сребромъ, и иконы мѣстные». (Лѣт. зан. Археогр. Ком. III, 25; 2 Новг. 158). До 1689 г. въ церкви с. Рышкова Кромскаго уѣзда были «Дѣсусы съ праздники и съ пророки и съ праотцы 4 пояса; сверхъ Дѣсусовъ крестъ распятаго Господа... да въ придѣлѣ въ Дѣсусахъ 13 иконъ» (Рип. Дѣло Шакловит. № 8, свит. 29—30).

Делва, дельвь—χάδος, πίθος, dolium—бочка, а въ Азбуковникѣ называется и кадь и дѣжка (Слов. Восток. I, 99; Азбук. 32). До 1157 г. Антоній Римлянинъ «отъ имѣнія своего положи въ сосудъ древянъ въ дельву, рекше—въ бочку, и заковавъ и всякою крѣпостію утвердивъ, скры и

вверже въ море». Эта дельва «окована была всюду обручьми желѣзными». (Прав. Собес. Казань, 1858 г., кн. 5).

Домовище—тоже, что теперь зовутъ въ Тамбовск. губ. домовина—гробъ (Областн. Слов. 49). Въ хронографѣ означено: Отрепьевъ сотворилъ «знаменіе предвѣчнаго своего домовища: адъ превеликъ зѣло, имѣющъ у себе 3 главы, и содѣла обоюду челюстей отъ мѣди брящало веліе» (Изборн. А. Попова, 272).

Доски, дощьки, дьскы—древнія записи и акты: Новгородцы въ 1209 г. разграбили пожитки посадника Дмитра, «а что ся на дьскахъ остало въ письмѣ, а то все князю... И даша князю дьскы Дмитровы, а бяше на нихъ богатества безъ числа» (Троиц. 210; 1 Новг. 30; Воскрес. 115—116). «А кто положитъ доску на мрътваго о блюденъѣ... волно искати по записи» (Пск. Судн. Грам.).

Едваба, едвабъ—польск. и чешск. jedwab—шелкъ и шелковая ткань: синяя паволока называется синій едвабъ, багряница—багровый едвабъ (Азбуковн. у Сахарова, 93, 121). Въ XV стол. заплачено въ югозападной Россіи за 3 грана едвабы—3 скойца или 6 грошей, за $^1/_4$ фунта едвабицы—$1^1/_2$ гривны или 72 гроша и за 1 фунтъ едвабу чернаго—6 гривенъ или 288 грошей, а на наши деньги—18 рублей серебр. (Промышл. древ. Руси, 304).

Жерело, жерло, жрѣло—Λάριγξ, guttur—горло, устье рѣки, гирло; верхнелужиц. zórdlo—источникъ (Слов. Восток. I, 127). «А Днѣпръ втечеть въ Понетьское море жереломъ... Потече Волга на вѣстокъ, и втечеть семьюдесятъ жерелъ въ море Хвалисьское» (Лавр. 3). Около 1240 г., при нашествіи Татаръ на Смоленскъ, православнымъ было «стонаніе веліе, сѣтованіе и вопль; тогда наша мати земля жерломъ возстояше» (Очерки Буслаева, II, 182).

Жуки, жучки—родъ небольшихъ ножекъ на оборотной сторонѣ книги, размѣщенныхъ по угламъ и бокамъ; случалось, что жучки дѣлались и на верхней доскѣ книги. Жуки бывали разной формы и величины, устроивались изъ мѣди, серебра и другихъ твердыхъ веществъ; количество ихъ на разныхъ книгахъ было не одинаково: на одной 4 жука, на другихъ по 6, 7, 9 и т. под. Между книгами кашинскаго Троицкаго мон. 1630 г. значатся: Евангеліе толковое, «на исподней доскѣ 3 жуки... Уставъ въ десть писмяной, на верхней доскѣ жуки съ травами». Въ Хутынскомъ мон. 1636 г. «Уставъ писменой въ кожѣ въ красной, жучки троеугольные мѣдные... Никонскія правила въ кожѣ красной», «жучки треугольные рѣзные» (Чт. общ. Ист. 1848 г., № 6, Смѣсь, 25, 32, 33). Троицкой Сергіевой лавры Служебникъ «въ полдесть на бумагѣ, оболоченъ бархатомъ червчатымъ, застежки и спни, на исподней цкѣ жуки серебряные». Книга Златоструй Казанскаго Преображенск. мон. въ

красной кожѣ, 6 жуковъ; Исакъ Сиринъ—10 жуковъ, застежки мѣдныя литыя (Тамъ же, стр. 2, 22, 36).

Загонныя книги находились на станціяхъ, гдѣ цѣловальникъ велъ ихъ и записывалъ взятые прогоны; о такихъ книгахъ упоминается въ платежной записи 1586 г. дек. 26 (А. Юрид. № 214). Книги загонныя представлялись на ревизію въ Москву, наприм. 1614 г. іюля 20 (А. Эксп. III, № 40).

Задушье—поминокъ по душѣ, задушный человѣкъ—отпущенный на свободу ради спасенія души; въ церковныхъ уставахъ св. Владиміра и Всеволода къ церковнымъ людямъ причисляются между прочимъ: «пономарь, вдовица, калика, сторонникъ, задушный человѣкъ» (Ист. рус. Ц. II, прим. 445, 467). Въ древнемъ поученіи изображается, какъ жена при смерти мужа даетъ обѣщанье постричься въ монастырь, а мужъ мыслитъ: «се ми задушья готово, пострижется по мнѣ жена; она же лукавая замужъ идетъ» (Измарагдъ, Соловец. Библ. № 270).

Закупъ—заложникъ, полу-свободный работникъ, который состоялъ во временной зависимости отъ господина, не теряя впрочемъ личной свободы; его дѣятельность закуплена по условію за извѣстную плату, на опредѣленное время, до заслуги этой платы трудомъ. Такіе закупы легко могли обращаться въ обѣльныхъ холоповъ, когда не въ состояніи были исполнить заключенныхъ условій (Рус. Пр. ст. XXI). «Аще ли закупъ бѣжить отъ господи, то обѣль... Продасть ли господинъ закупа обьль», то онъ свободенъ отъ долгу (I b. XVII, XX), т. е. когда цѣна за него не оплатитъ забранной ссуды. По окончаніи срока условій, закупъ имѣлъ право свободнаго перехода на другія земли, если возвратилъ ввѣренныя ему орудія: «Аже у господина ролейный закупъ, а погубить войскій конь, то не платить ему; но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу емметъ, то то погубивши платити» (Рус. Пр. изд. Калачова II, 53). Слѣдов. закупъ отвѣчалъ только за орудія, которыя были въ его непосредственномъ надзорѣ, а за недосмотръ другихъ не отвѣчаетъ: «Аже ли господинъ отслетъ на свое орудье, а погибнетъ безъ него, то того ему не платити». Закупъ, или несостоятельный должникъ, для расплаты съ господиномъ своимъ трудомъ, получалъ годовой платы полгривны (Тамъ же II, 39).

Звѣкотаніе—рѣзкіе непріятные звуки, производимые людьми или животными: въ Тамбовск. губ., когда кричитъ сильно ребенокъ или ягненокъ, обыкновенно говорятъ: «Ахъ ты, звекота поганая!» Въ монашескихъ правилахъ обыденнаго поведенія XVI в. встрѣчается нравоученіе: когда пьешь, «да не творитъ горло твое звѣкотанія» (Ркп. Сборн. Спб. Дух. Акад. № 1454, л. 556).

Зголовье, изголовье, въ простонар. возголовье, означаетъ большую нижнюю подушку, на которую кладутся сверху двѣ малыя подушки;

впрочемъ, этимъ словомъ называется иногда обыкновенная подушка или подушка на креслѣ. Зголовье мѣстное—подушка для сидѣнья, какъ теперешняя диванная подушка. Послѣ 1438 г. отмѣчены обычаи католической церкви и сдѣлано такое замѣчаніе о папѣ: «Егда вшедъ въ костель, приклякнетъ мало и потомъ шедъ сядеть на мѣстѣ своемъ высоко на зголовьи черлена оксамита» (П. С. Л. VI, 159). Въ Россіи у богатыхъ людей сголовья шили изъ бархатовъ серебряныхъ и простыхъ, изъ камки, киндяка, адамашки, дорогъ, цвѣтнаго сукна и т. под. Мѣстное зголовье строилось изъ двухъ разныхъ матерій. Нижняя наволочка сголовья состояла преимущественно изъ полотна; въ нее насыпали пуху фунтовъ 5, 10 и 17, смотря потому, двуспальная была постель или односпальная. Въ дворцовыхъ записяхъ и кроильныхъ книгахъ встрѣчаемъ слѣд. извѣстія объ изголовьѣ: 1611 г. сдѣлано «зголовейцо мѣстное, бархатъ червчатъ съ золотомъ, на другой сторонѣ—камка желта»; въ 1628 г. на зголовейцо пошло камки 3 арш. 10 верш. да пуху лебяжія бѣлого 17 ф.; въ 1645 г. сдѣлано сголовье, «верхніе наволочки въ дорогахъ черныхъ, а исподніе въ полотнѣ тверскомъ»; пуху сѣраго насыпано 5 ф.; въ 1649 г. «въ изголовье пуху гусинаго всыпано 10 ф., наволочка верхняя нашита—камка жолтая куфтерь», исподняя наволочка въ полотнѣ тверскомъ и киндякъ зеленой; въ 1651 г. окт. 29 «Коробейнаго ряду торговому человѣку за два зголовья—наволоки крашенина лазорева—15 алт. 4 денги царица пожаловала новымъ карлицамъ» (Дом. бытъ рус. Царицъ, М. 1872 г. И. Забѣлина. Въ прилож. 49, 57, 59, 62, 73, 83, 91, 93, 103, 119). Въ 1690 г. у Московскаго придворнаго дьякона Якова Семенова было «зголовье пуховое, оболочено камкою желтою нѣмецкою, наволочка полотняная съ круживомъ» (Ркп. Дѣло Шаклов. № 6, св. 115).

Въ народной пѣснѣ воспѣвается:

Растесовая кроватушка всю ночь простояла,
Соболиное одѣялице въ ногахъ пролежало,
Пуховое возголовьице въ слезахъ потонуло.

Зенные часы—карманные: образцы такихъ часовъ XVII стол. сохранились въ Московской Синодальной ризницѣ—одни патріарха Филарета, серебряные съ позолотой, другіе патр. Никона, такіе же; у обоихъ часовъ вмѣсто стекла придѣлана прорѣзная металлическая рѣшетка. Римскія цифры обнаруживаютъ ихъ не-русское происхожденіе. Снимки съ этихъ часовъ можно видѣть въ Указателѣ для обозр: московс. патріарш. ризницы, Еп. Саввы Можайскаго, М. 1863 г. л. XV, №№ 92, 93.

Зепъ, зепь—татарск. джебъ, пазуха, карманъ; словинск. серб. венгерск., zseb—карманъ; по объясненію Азбуковниковъ, зепъ—чпагъ, торба, калита, мѣшокъ, карманъ (У Сахарова 115, 191). Въ 1680 г. Иванъ Матвѣевъ, подозрѣваемый въ волшебствѣ, подалъ царю челобитную, въ которой объяснилъ, что на Бѣлоозерѣ съ кружечнаго двора пошелъ онъ пьяный и легъ спать въ полѣ; а тогда по недружбѣ невѣдомо кто положилъ ему въ зепъ

нетертаго табаку сырцу небольшое мѣсто—пяди съ полторы (А. Юрид. 80; Лѣт. зан. Археограф. К. I, 17). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сл. зепь употребляется, какъ татарское слово, въ томъ же значеніи—пазухи и кармана (Областн. Слов. 70).

Зміевидные посохи—архіерейскіе жезлы, у которыхъ верхняя часть или рукоятка имѣетъ змѣиныя головы въ видѣ украшенія. Такіе пастырскіе посохи употреблялись въ Византіи въ XIII в., что видно изъ замѣчаній Гоара и изображенія патріарха того времени, у котораго нарисованъ жезлъ въ рукѣ съ змѣиными головами. На однихъ посохахъ головы змѣй загнуты другъ къ другу, у другихъ закинуты назадъ (Гоара Εὐχολόγιον, sive Rituale Graecorum, Парижъ 1647 г. стр. 314 и 115, 116). Въ Синодальной ризницѣ сохранился посохъ патр. Никона серебряный, съ тремя яблоками сканной высокой работы, съ финифтью и сердоликами; серебряное возглавіе также сканое съ загнутыми кверху зміевидными главами. Изображеніе этого жезла находится въ Указателѣ Еп. Саввы, 1863 г. л. X, № 50. Не смотря на древность происхожденія такой формы, посохъ Никона подвергся порицаніямъ раскольниковъ, какъ неправославный. Въ челобитной они пишутъ: «Никонъ, бывшій патріархъ, доспѣлъ святительскіе жезлы съ проклятыми зміями своимъ злоумышленіемъ.» Но подобное обвиненіе не вѣрно: не въ одной Греціи, но и въ Россіи до Никона употреблялись такіе же посохи, и патр. Іоакимъ совершенно вѣрно замѣтилъ: «Прежде Никона здѣ были жезлы, имуще подобіе зміевидныхъ главъ, и нынѣ есть въ патріаршей ризницѣ: единъ патріарха Филарета Никитича жезлъ костяный, весь рѣзный; другій присланный изъ Царяграда отъ вселенскаго патріарха Парфенія Іосифу патр. московскому, сдѣланный въ лѣто 1650» (Увѣтъ духовн. М. 1682 г. л. 222, 225, 226). Эти посохи не сохранились цѣльные, но змѣйчатыя оглавія ихъ остались: одно деревянное рѣзное съ позолотой, другое костяное, съ изображеніемъ осмиконечнаго креста и съ надписью: τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ καὶ τοῦ ἁγίου γολγοθᾶ. Впрочемъ еще греческій жезлъ раковинный сохранился вполнѣ,—оглавіе зеленое змѣйчатое.

Израда—измѣна: въ 1498 г. дѣти боярскіе думали «надъ княземъ надъ Димитріемъ израда учинити» (П. С. Л. VI, 279). Во время московской смуты начала XVII в., Михаилъ Салтыковъ и Федка Андроновъ были явные изради своего отечества (Хроногр. Изборн. А. Попова, 307).

Ирха—монгольск. иргул, опушка, въ Вятской губ.—оторочка шубы, а въ Нижегородск.—ветхая кожа съ шерстью (Обл. Слов. 75). Въ 1615 г. сшиты шапки придворному дураку Мосягѣ и дурочкѣ, «да на прибавку пошло 2 кошки, цѣна 4 алт. 2 д., да двѣ ирхи—6 алт. 2 ден.» (Дом. бытъ царицѣ, въ прил. 53). Ирха употреблялась часто на покрышки книгъ; въ описи половины XVII в. означены слѣдующія книги съ такой оболочкой: Троиц. Сергіева мон. «Соборникъ скорописный, поволоченъ ирхою»; К. Бѣлозерскаго мон. «Книги на еретики, въ четвертъ, въ ирхѣ

келейной»; Вологодск. Корнильева мон. «Книга въ полдесть писменая— Житіе чудотворца Корнилія подъ ирхою»; Казанск. Преображенск. мон. «Минея четья м. ноябрь, въ десть, поволочена ирхою» (Чт. Общ. 1848 г. № 6. Смѣсь, 9, 21, 25, 36).

Іовишъ—Зевесъ, Iupiter, Jovis. Подложная грамота Александра Македонскаго Славянамъ начинается такъ: «Мы Александръ Бога навышщаго Іовиша сынъ въ небѣ»... Тоже въ Хроникѣ Бѣльскаго: «boga najwyzsszego Iowiza syn w niebie» (Хроногр. Изборн. 440). Очевидно, такимъ образомъ, что въ Россію перешло это слово изъ книжной польской литературы. Матвѣевъ пишетъ о стрѣлецкомъ возстаніи 1682 г.: «Изъ бунтоваго мортира зѣло ужасная бомба на кровы царскаго дома обрушилась и своимъ ужкомъ громогласнѣе древняго Іовишова грому возгремѣло эхо» (Зап. Матвѣева, изд. Сахарова).

Канслиръ, кенселиръ, по объясненію Азбуковника, значитъ дьякъ (У Сахар. 163). «168 г. отъ Р. Хр. кенселиръ Рвовскій читалъ оную книгу отъ края до края, якобы пришелъ до рая», т. е. Книгу многоразличнаго собранія (Ркп. Спб. Публичн. библ. въ $^1/_4$ долю № 248).

Капланъ—capellanus; послѣ 1438 г. въ повѣсти объ Исидорѣ разъясняется, что у Латынъ и папа клечитъ, «и капланове ихъ клечатъ» (П. С. Л. VIII, 105; VI, 155; 1 Новг. 113). Въ 1500 г. «пріиде посолъ на Москву отъ дацкаго короля, капланъ именемъ Иванъ» (П. С. Лѣт. VI, 44).

Каптырь, кафтырь—полукруглая шапочка, надѣваемая монахами вмѣсто клобука; онъ византійскаго происхожденія и весьма уважается русскими сектантами. Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ находится замѣчательный клобукъ, присланный владыкѣ Василію 1352 г. цареградскимъ патріархомъ Филоѳеемъ, вязаный изъ бѣлаго крученаго шелку; онъ состоитъ изъ каптыря или полукруглой шапочки, съ длинными отвѣсами, украшенъ жемчугомъ и яхонтами (Записка для обозр. древностей, Спб. 1851 г. 55). У русскихъ раскольниковъ называется каптыремъ главнымъ образомъ перелинка, спускающаяся отъ шапочки на спину, а иногда то и другое вмѣстѣ (Очерки Поповщ. П. Мельникова, I, 159). Изображенія раскольничьяго чернеца въ каптырѣ и безъ каптыря можно видѣть въ сочин. Іоаннова: Извѣст. о раскол. изд. 4-е, ч. IV, стр. 20 и 128.

Капъ—березовый выплавокъ, коренекъ, изъ котораго дѣлаютъ разныя вещи, наприм. ковши, братины и другую посуду. Въ патріаршей ризницѣ сохранились два ковша каповыхъ, по мѣстамъ обложены серебромъ, до 1639 г. (Указат. Еп. Саввы, 100). Въ описи имущества В. В. Голицына 1689 г. упоминаются чаша да братина каповые въ с. Брат-

цовѣ; а въ с. Булатниковѣ въ поставцѣ не отыскали «дву ковшей да достокана каповыхъ, чашки Олонецкаго дѣла» и т. п. (Ркп. Дѣло Шакловит. № 4, св. 133, 479 и дал.).

Кацея, кація, кацья—судина до кажденія (Азбук. 112), жаровня (Слов. Восток. I, 169). Кацьи въ старину строились съ ручками, гиняныя, каменныя, желѣзныя, мѣдныя и серебряныя (Записка для обозр. древн., 48). Въ 1146 г. Изяславъ съ войскомъ взяли дворъ Святослава и церковь Вознесенія всю облупиша, «и кадѣлничѣ двѣ и кацьи и евангеліе» (Ипат. 27).

Кебенякъ, кепенякъ, кобенякъ—зимняя шапка въ родѣ треуха, которая дѣлалась мѣхомъ кверху изъ разныхъ шкуръ, особенно въ ходу были мерлушки; она въ видѣ мѣшка закрывала всю голову и шею, только лицо оставалось открытымъ,—и въ добавокъ длинные наушни для теплоты обматывались около шеи и завязывались въ узелъ. Кобенякъ—въ Малорос., Курск. Орловск. и Тульск. губ.—мѣшокъ, и такой мѣшокъ, который въ родѣ капюшона пришивается къ воротнику верхней одежды, чтобъ покрывать голову во время ненастья (Обл. Слов. 85). «А въ клѣтѣхъ устроити по государеву наказу платье ветчаное, и полсти и епанчи, и кепеняки и шляпы и рукавицы» (Домострой, изд. Яковлева, 136. Въ друг. спискахъ: кебенки, кибенки, тебенки). Въ 1633 г. ходилъ государь къ Спасу на Новое, и въ запасъ было отпущено изъ его гардероба: шуба санная, кебенякъ, шапка бархатная и проч. (Опис. стар. одеждъ, П. Савваитова, 304).

Килимъ—перс. татарск.—коверъ, польск. kilim, kilimek и русское областное сл., значитъ гладкій полосатый коверъ, а иногда настольное покрывало (Област. Слов. 82). Какъ образчики, сохранились въ патріаршей ризницѣ два килима (Указат. Еп. Саввы 1858 г., 126). Въ 1690 г. при обыскѣ у стрѣльца Секета найдены «кокошникъ жемчужной, килимъ черкаской и два кафтана красныхъ суконныхъ; а у Безобразова воеводы одинъ килимишка ветчаной, да еще два килима хорошихъ» (Ркп. Дѣло Шакловит. № 5, св. 324; № 10, св. 706—710).

Клевецъ—молотокъ особаго устройства для ковки жернововъ, у котораго оба конца сдѣланы въ видѣ топориковъ: 1690 г. на мельницѣ Надѣина между прочимъ найденъ молотъ боевой да 4 клевца желѣзныхъ (Ркп. Дѣло Шакловит. № 7, св. 459—460). Клевцомъ называется также молотокъ остроконечный съ одной стороны—знакъ военноначалія, какъ чеканъ (Опис. утварей, Савваитова, 197).

Клепца, клепецъ—сѣть, западня (Слов. Восток. I, 171); на сѣверѣ Россіи клепецъ, клепи, кляпцы значитъ капканъ, которымъ ловятъ зайцовъ и лисицъ (Обл. Слов. 83, 84); кляпцы—клѣтка. У Даніила Заточника сказано: «Избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенету, яко птицу отъ кляпцы» (Пам. XII в. 229 и дал. Изв. Акад.

X, 266). На тріоди 1557 г. надписано: «Радъ бысть заецъ издрѣшись отъ тенета, а птица—отъ кляпцы, а рыба отъ сѣти; такъ и радъ бысть писець кончавъ книгу, написавъ послѣднюю строку» (Ркп. Спб. Публич. Библ., отд. I, въ л., № 137).

Клѣтсцы, клѣцкы—окладъ зданія четырехъ-угольный, на подобіе клѣтки: «Отъ Распятія Господня яко 150 саженъ вдале на западъ лицемъ... есть монастырь во имя св. Богородицы: церковь создана клѣтскы, добра велми и высока зѣло» (Путеш. игум. Дан. 30). Окладъ клецкимъ противопоставляется шатровому: въ 1635 г. «церковь въ Онежьѣ одна теплая шатровая, а другая клецкимъ» (Матер. для Слов. и Грам. IX, 139).

Кортель—женская одежда мѣховая, покроемъ похожая на лѣтникъ; онъ дѣлался на бѣлкѣ, горностаѣ, соболѣ, куницѣ; имѣлъ вошвы и опушался иногда мѣхомъ; покрышка его состояла изъ разныхъ матерій—тафты, атласа различнаго и т. под. По завѣщанію кн. Мих. Андр. Верейскаго, дочерямъ его отдаются кортель бѣлинъ, вошва аксамитъ синь, кортели—соболій, куней, горностаенъ (Собр. Грам. I, 302). Въ описи платья царей Ѳедора Ив. и Бориса Годунова упомянуты: «кортель соболей, вошвы щиты золотомъ, серебромъ волоченымъ, оксамичены... кортель белей хрептовой, вошвы камка бурская, по синей землѣ реки и листье... двѣ цки кортельные горностайны». На кортель шло атласу болѣе 12 арш. и они бывали нагольные; въ 1630 г. «іюня 19, царицы къ горностайному нагольному кортелю скроенъ пухъ къ вороту въ 2 вершка безъ чети, а около вошевъ и подольника въ 3 вершка безъ чети, на пухъ пошло 6 бобровъ» (Домаш. бытъ царицъ, въ прил. 28, 43, 79, 154, 155. Опис. одеждъ Саввоит. 203).

Кошленокъ—lutra vulgaris, кошлокъ—enhydros lutris—выдра и дѣтенышъ выдры (Матер. для Слов. и Грам. V, 343; Обл. Слов. 94). Впрочемъ подъ кошлокомъ разумѣютъ нѣкоторые недошлаго молодаго бобра, хотя едва ли это вѣрно: въ Еренскомъ актѣ 1596 г. упоминается лоскутишко кошлоковый, да лоскутишко соболье (Тамъ же IX, 140). Въ 1610 г. Кузнецкіе люди дали государевъ ясакъ не сполна: 3 сорока 25 недособолей, 3 подчеревеси бобровые, да 8 кошлоковъ (Истор. Сибирск. Миллера, 338; Дополн. къ А. II, 176).

Крабни, крабица—коробья, ковчегъ, кивотъ (Слов. Восток. I, 181); коробка, ларчикъ (Слов. Ц.-Слав. яз. II, 245); корзина, въ которой нашла младенца Моисея дочь Фараона (Воскр. лѣт. 300; Лавр. 40). Въ 1114 г. царь греческій Константинъ прислалъ Владиміру Мономаху вѣнецъ, бармы, крабицу сердоликову и проч. (Ркп. Спб. Дух. Акад. № 1516, л. 53; Воскр. 23). Вѣроятно, эта сердоличная крабица и передавалась по завѣщаніямъ московскихъ князей, какъ драгоцѣнность.

Крада, скврада, сирада—χάμινος, βωμός, φλός, τήγανον ανα, flamma, sartago—костеръ, печь, жаровня, сковорода, жертвенникъ: «Иже бо злато въ краду вложи, то вѣсть доколѣ è жешти подобаеть... Аште бо ты пламене не взгнѣтиши, то не горить крада» (Сборн. Святосл.; Слов. Восток. 1, 181; II, 174; также 172 и 175). Въ спискахъ первоначальной русской лѣтописи Радзивиловскомъ и Троицкомъ сохранилось вмѣсто клада древнее сл. крада: «Аще кто умираше... творяху краду велику и взложахуть и на краду мертвеца, сожьжаху» (Лавр. 6 и прим.). «Лѣта 2102 краду огнену пусти Богъ съ небеси на гиганты, живущія в Келтикистѣи земли и пожже я и во Іорданьскую рѣку шедши угасе крада» (Еллинск. Лѣтоп. Обзоръ Хроногр. А. Попова I, 8; II, 77; Лѣт. Переясл. Суздал. 1851, XIX). Совія бога литовскаго спрашивали въ аду, доволенъ ли онъ, что спалъ въ землѣ?—онъ отвѣчалъ: «тяжко спахъ». Тогда «сътворивъ краду огнену велику и връже и въ огнь»; послѣ этого Совій отвѣчалъ, что спалъ какъ дитя въ колыбели (Лѣтоп. Суздал. XIX—XXII).

Крижма—хрисма, миро: «Миро изливающи яко крижма сходящи на главу и на браду Ааронѣ» (Ркп. Соловецк. № 913). Въ Галліи «въ Ременской церкви есть суденко, въ которомъ хрисмо неисчерпаемое для помазанія королевскаго при вѣнчаніи изъ неба сосланное» (Хроногр. Изборн. 484).

Крыжъ—польск. krzyz отъ латинск. crux—крестъ католической церкви, крестъ лятскій и латинскій; оттуда крижевникъ значитъ рыцарь св. Креста (Ипат. 175). Нашимъ предкамъ латинское распятіе казалось несообразнымъ, потому что на изображеніи его ноги Спасителя прибиты однимъ гвоздемъ (П. С. Л. VI, 165). Въ 1437 г. митроп. Исидоръ пошелъ на Флорентинскій соборъ и въ Дерптѣ «Латыни и Нѣмцы крыжь ляцкый изнесоша противу ему... Онъ же любезно цѣлова и знаменася крыжемъ ляцкимъ... и провожаше и чтяше крыжъ латинскій» (П. С. Л. VIII, 101; VI, 152). Въ 1478 г. знаменитый архитекторъ Аристотель, при строеніи Успенскаго собора, «въ олтарѣ надъ митрополичимъ мѣстомъ крыжь лятскій истеса на камени за престоломъ, его же митрополитъ послѣди стесати повелѣ» (П. С. Л. VI, 221). Русскіе раскольники съ особенной ненавистью преслѣдуютъ крыжъ латинскій; въ соловецкой челобитной читаемъ: «самый истинный и животворящій крестъ Христовъ отъ трехъ древъ—отъ певга и кедра и капариса, отставили и возненавидѣли его, и непотребна сотворили. И возлюбили крыжъ латынскій и во всемъ почитаютъ его паче истиннаго Христова Креста. . . . . О крыжѣ двоечастномъ никтоже отъ святыхъ не воспомяну ни во единомъ словѣ... Въ ѧѕцпа Антонія легатоса отъ папы, который несъ предъ собою крыжъ, Филиппъ м-тъ и вси московскіи народи въ Москву не пустили». Современники Никона говорили, что онъ отвергъ крестъ истинный православный, а принялъ крыжъ латинскій. Въ Исправѣ XVIII стол. встрѣчается такое выраженіе: «Проклинаю вся враги, Крестъ Христовъ нарицающихъ брын-

скимъ, а кланяющихся латинскому крыжу» (Очерки Поповщины 10, 125).

Крыжъ—крестообразная рукоятка меча и сабли; онъ состоялъ изъ яблока или набалдашника, черенка и огнива, т. е поперечнаго желѣзца (Историч. Опис. одеждъ и вооруж. I, 59, 61. Опис. утварей, Савваитова, 208).

Кубышка—узкогорлый глиняный кувшинъ безъ ручки, въ которомъ богатые люди хранили деньги и драгоцѣнности, а во время опасностей зарывали въ землю; кубышка эта находится въ кладахъ и называется иногда денежнымъ кувшиномъ (Запис. для обозр. древн. 15). Въ 1671 г. Фролка Разинъ показалъ, что братъ его Стенька «всѣ свои письма собралъ и поклалъ въ кувшинъ въ денежной и засмоля закопалъ въ землю на острову рѣки Дону, на урочищѣ на Прорвѣ, подъ вербою» (Матер. для ист. возмущ. С. Разина, А. Попова, 200). О продѣлкахъ скомороховъ говоритъ пѣсня, что когда они забавляли и гадали, то ловкій изъ нихъ пронюхалъ деньжонки:

Онъ и ручку протянулъ
Да кубышечку стянулъ.
(Древн. рос. стихотв.)

Кутухтъ—главное духовное лицо у Монголовъ: въ путешествіи Елычева въ Китай отмѣчено, что въ Монгольской землѣ есть «кутухтъ, по нашему патріархъ» (Хроногр. Изборн. 432). На лубочной картинкѣ, изображающей дивіи народы, подписано, что ихъ Александръ Македонскій нашелъ въ странахъ кутухтовыхъ.

Лабы, лобы—ламы, или священники и монахи Ламайскаго вѣроисповѣданія: «Калмыцкій языкъ пріемлетъ ученіе отъ лабъ Китайскаго царства» (Хроногр. Изборн. 404). Въ Монгольской землѣ лобы, что у насъ старцы, а постригаются лѣтъ десяти (ib. 432).

Латка, ладька, латъка—χύτρα, olla, глиняной горшокъ (Слов. Восток. I, 194). Въ 997 г. при осадѣ Бѣлгорода Печенѣгами, «почерпоша ведромъ цѣжь и льяша въ латки», чтобы сварить кисель (Лавр. 55). По наставленію лѣчебника XVII стол., спускъ живучему пластырю слѣдуетъ приготовить изъ воску, сѣры еловой и масла конопляннаго, «да растопить въ латкѣ глиняной, и застудя положити ртути $^1/_4$ ф. да терти въ латкѣ лопаткою деревянною дни два и болши» (Ркп. Синод. Библ. № 480).

Ложница—отъ сл. ложе, постельница, спальня, польск. łączka—кровать. Объ убійцахъ А. Боголюбскаго 1175 г. замѣчено: «пришедшимъ имъ къ ложници, идѣже блаженный князь Андрей лежить, и рече одинъ стоя у дверей» (Ипат. 113; Лавр. 157). При взятіи Казани 1552 г. «госу-

дарь послѣ заутрени совершивъ молебная и пріиде въ ложницу свою... палъ на колѣну свою предъ образомъ Пречистые Богоматери». (П. С. Л. VI, 310).

Лони, лонись, лонской, лонишный—lonsi верхнелужицк.—прошлогодній: «мы косили, какъ и лонсково лѣта», т. е. прошлаго года (Изъ акта 1667 г. Матер. для Слов. и Грам. IX, 144). Поэтому лонщина Русской Правды значитъ телка или кобыла двугодовалая: «отъ двою кобылъ на 12 лѣтъ приплода 30 кобылъ и 2, а третіячинъ 20 кобылъ, а лонщинъ 20 жеребцевъ, а однолѣтнихъ 10 кобылъ, а 10 жеребцевъ» (П. С. Л. VI, 62).

Лядина χέρσος, terra inculta, запущенная земля, покрывшаяся кустарникомъ, мѣсто неудобное, непашенное (Слов. Восток. I, 208, 246; II, 276; Обл. Слов. 108). До 1275 г. Серапіонъ писалъ: «Села наша лядиною поростоша и величество наше смѣрися (Приб. къ Твор. Св. Отц. 1851, 193 и д.). До 1505 г. въ Костромской Ликуржской волости означена межа «на 4 березы да на елку на малую—стоятъ на лядинѣ изъ одного корени» (А. Юрид. № 8). Въ раздѣльной 1598 г. въ Пермскомъ краю упомянуты «рощи, лядины и дровяной всякой лѣсъ» (Доп. къ А. I, 238).

Малжена—ἀνδρογύνα, супруги, мужъ да жена (Слов. Восток. I, 209. Азбуковн. 169). Въ Судебникѣ царя Константина есть такая статья: «О маложену. Неразлучено отъ Бога маложенома житіе творити». За тѣмъ высказываются вины, «ихъ же ради разлучается маложена, мужъ отъ жены своея, жена отъ своего мужа» (П. С. Л. 75—76. См. также Обзоръ Хроногр. А. Попова II, 283).

Мизгить—арабск. мегджид, мечеть мусульманская: въ 1453 г. «взя Царьградъ (царь Турскій), и церкви святыя разори, въ Софѣи Великой мизгить учини» (П. С. Л. VI, 180. См. еще 123, 196, 312, 314. Хроногр. Изборн. 85). Въ 7001 г. ходилъ римлянинъ Людовикъ, а по нашему Логинъ, въ Медину и видѣлъ мечеть Магметову: «Мизгить вся каменная, длина ея 100 ступеней человѣческихъ, а поперегъ 80 ступеней, а двери въ ней двои, а столповъ въ ней 400, а на тѣхъ столпѣхъ 3000 свѣщниковъ горятъ; а внутрь тое мизгити посреди ея сдѣлано кабы гробница, а велика—кругомъ 15 саженъ» (Хроногр. Изборн. 179). Въ 1553 г. Иванъ Васил. Грозный взялъ Казань у Татаръ, «а мизгити ихъ разориша» (1 Псковск. 309).

Молозиво—молоко съ сукровицей, которое бываетъ въ первые дни, когда отелится корова; въ Вопрошаньи Кирика высказано замѣчаніе епископа: «А молозива лихо негодно бы ясти его, яко съ кровью есть, да быша съ три дни теляти да яли, а потомъ чистое сами яли. И повѣда ему попинъ его: Ядять, рече, въ городѣ семь мнози» (Пам. XII в

194—5). По рукописи 1492 г. поученіе, приписанное Василію Великому, преслѣдуетъ недостатки священниковъ: «Якоже бо идоломъ, чреву своему работаете, а не Богу; тѣло бо паче почтосте, яко пси на молозивѣ» (Ркп. Соловецк. № 858, л. 8).

Моль, молиць, моличь—санскр. malla, мелкая рыба разнаго рода, иногда означаетъ собственно снѣдки; въ Костромской, Тверск. и Вологодск. губ. моль—свѣжіе снѣдки, а сущъ—сушеные (Обл. Слов. 115, 222; Ист. Госуд. Росс. II, пр. 255; Никон. I, 156). Во время голода 1128 г. въ Новгородѣ люди «молиць истълъкше, мятуце съ пелъми и съ соломою, иніи ушь, мъхъ, конину» (1 Новг. 5; IV Новг. 3; А. Эксп. I, № 230).

Морхъ—мохоръ, кисть на уздѣ, преимущественно на налобникѣ; морхъ дѣлали изъ золота, серебра, шолку, шерсти и т. под. Домострой совѣтуетъ въ клѣтяхъ содержать всякая порядня: «и узды, и оброти, и морхи, и похви, и остроги, и плети, и кнуты, и возжи» (стр. 136—7). Въ 1604 г. изъ Болдина Дорогобужскаго мон. проданы: «морхи да узда да похви, взято 60 алт.; сѣдло съ войлоки—взято рубль» (А. Юрид. II, 272). Въ числѣ вещей Б. Ѳ. Годунова 1589 г. означены морхи: «морхи—шолкъ алъ да бѣлъ, да червчатъ да желтъ, да лазоревъ, да зеленъ... Морхи—шолкъ червчатъ съ золотомъ, да съ серебромъ; на яблочкѣ жемчугу рѣденко низано; у яблочка темлячокъ шолкъ бѣлъ съ серебромъ, двѣ ворворки низаны жемчугомъ» (Опис. утварей Савваитова, 44, 45, 217).

Морхъ—пушина, ворсъ на бархатѣ и другихъ нѣкоторыхъ тканяхъ; платно царское 1676 г. описано так. образомъ: «Бархатъ виницейской по золотной землѣ, по немъ травы золотныя и серебряныя петельчаты, да травы морхъ червчатъ; подкладка тафта свѣтлозелена, подбитъ горностаями» (Опис. утварей Савваитова, 68, 217). Когда матеріи имѣли двойной ворсъ, то онѣ назывались двоеморхими: «Шуба нарядная—бархатъ венедицкой, по золотной землѣ травы золоты и серебряны, аксамичены, двоеморхи, съ червчатымъ шелкомъ, исподъ горностай... Рукавицы—бархатъ двоеморхъ, малиновъ цвѣтъ; исподы лисьи черевьи; опушки пластинчатые собольи» (Опис. утварей Саввait. стр. 17, 54, 89, 217). Изъ двоеморхаго бархата сохранились саккосы патріарха Іоакима и мантія патр. Адріана; изъ него дѣлали рясы святительскія, ферези, терлики, шубы, рукавицы и т. под. (Указат. Саввы 52, 66—7. См. Пам. диплом. снош. I, 542). Въ 1696 г. архим. Ефремъ сдѣлалъ вкладъ въ Крестецкій монастырь и между прочимъ пожертвовалъ «патрахиль да поручи двоеморховаго бархату, обложены—круживо тканое въ кружки, серебро съ золотомъ, вмѣсто кистей бахрама шелковая, на нихъ портище пугвицъ серебряныхъ золоченыхъ—дѣланы сканью. Цѣна 9 р. 13 алт. 4 д.» (А. Юр. 155—6).

Мотыка, мотычица—желѣзная лопатка, заступъ, скребокъ (Слов. Вост. I, 216. Σκαπάνη, ligo. Азбуковн. 171). Объ Исакіѣ Кіевопечерскомъ разсказывается, какъ бѣсы приступали къ нему, «страхъ ему творяче въ мечтѣ, яко се многъ народъ съ мотыками, лыскарѣ, глаголющи: раскопаемъ печеру сію» (Лавр. 90). Въ 1475 г. Аристотель «известь густо мотыками повелѣ мѣшати» (П. С. Л. VI, 200). Нѣмецк. die Haue, der Karst.

Мошна—Beutel, кошелекъ, который дѣлали изъ кожи, атласа, бархата, иногда съ кистями въ родѣ кисета: въ 1525 г. юрьевск. уѣз. Новой Слободки крестьяне ограбили Добрынку Андреева, взяли лошадь, сермягу, «да въ мошнѣ у него было 4 гривны денегъ» (А. Юрид. 32). Въ царской казнѣ въ началѣ XVII стол. упоминаются: «Мошна—бархатъ червчатъ аксамичена съ кистьми—шелкъ зеленъ... Мошна—шита золотомъ да серебромъ по отласу червчатому, поцѣпка шолкъ червчатъ, ворворки низаны жемчужкомъ мелкимъ» (Бытъ царицъ 41, 46). Въ 1686 г. у крестьянина кунгурск. у. во время драки сорвали съ пояса мошну, а въ ней было 3 гривны (Лѣт. Зан. Археогр. Комм. I, 3, 22).

Моска, мща, мъскъ, мьскъ—mulus, лошакъ, мулъ: подъ 1061 г. лѣтописецъ замѣтилъ, что въ Сиріи послѣ землетрясенія «изиде дивно изъ землѣ мъска, человѣческимъ гласомъ глаголющи» (Лавр. 70). Разсказывая о судьбѣ Авессалома, Даніилъ Игуменъ пишетъ: «внесе его мща въ чащу лѣса и ятъ его лоза за власы и сверже его съ мщати и ту повѣсися на древѣ» (Путеш. изд. Археогр. Комм. 87; П. С. Лѣт. VI, 78). Въ 1547 г. «князь великій все гонялъ на мскахъ, а христіаномъ много проторъ и волокиды учини» (1 Псковск. 307). Скопинъ—Шуйскій поѣхалъ изъ Москвы въ Новгородъ на «четырехъ подъяремничьихъ мщатехъ» (Хроногр. Изборн. 380).

Мусія, мусея—μουσίον, Musivarbeit, мозаика, съ еврейскаго masach—мѣшалъ, смѣшивалъ. Мозаическое искусство состоитъ въ томъ, что изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ камней, стекла, а иногда финифти составляются изображенія на подобіе животныхъ. Византійская мусія значитъ собственно финифть, похожая на мозаику, такъ какъ составъ ея вкладывался въ перегородки, а не наводился слоемъ. Это искусство изъ Персіи перешло къ разнымъ восточнымъ народамъ; Евреямъ извѣстно было издавна (Кн. Есфирь I, 7); отъ Ассиріанъ заимствовали Греки и передали Римлянамъ (Зап. для обозр. древн. 43, прим. 77; Указат. Саввы, въ Алфавит. 21). Мусія извѣстна была въ Россіи въ X вѣкѣ; съ нею познакомили нашихъ предковъ Византійцы; она употреблялась при украшеніи Кіевскихъ церквей въ XI в.; въ 1083 г. греческіе купцы привезли въ Кіевъ и пожертвовали на украшеніе церкви:—«вдаша же и мусию, иже бѣ принесли на проданіе» (Ркп. Патерикъ Рум. муз. № 305, л. 30. См. 22, 31). Въ 1350 г. Стефанъ Новгородецъ видѣлъ въ Цареградѣ, какъ чудно «на стѣнѣ Спасъ мусіею утворенъ» (Сказ. Сахар. II, VIII,

51). Кромѣ церковныхъ предметовъ, мусія шла на украшеніе разныхъ домашнихъ вещей: въ казнѣ во время Годунова хранился «Ларчикъ писанъ мусеею, а въ немъ было 25 пучковъ шелку лазореваго да зеленаго» (Бытъ царицъ, 29 въ прил.).

Мятель, мятлъ—широкая верхняя одежда, похожая на плащъ или мантію (греч. μανδύη, μανδύλη, нѣмецк. Mantel: «Вижь твоя мните по имени манны—манатья, а мятля на ся не възлагай» (Пам. XII в. 110, 112, 114). Въ 1152 г. посолъ Петръ пріѣхалъ во дворъ князя Галицкаго, и «снидоша противу ему съ сѣней слугы княжи вси въ черныхъ мятлихъ. И яже взыде на сѣни и видѣ Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его» (Ипат. 72). Въ Новгородѣ съ древняго времени тоже встрѣчаемъ мятель, равно какъ и въ Литвѣ; въ договорѣ Ярослава съ Нѣмцами 1199 г. обусловлено: «Оже упъхнетъ, любо мятель раздретъ, то 3 гривны старые» штрафу (Грам. до сношен. съ Ригой и Ганз. гор. № 1). По статуту 1347 г., если бы кто засталъ въ своемъ лѣсу сосѣда, то «маетъ узяти за первое застанье сокиру; а въ другое застанетъ, ино мятель, а любо сукно» (А. Зап. Росс. I, № 2, стр. 132). Слѣдоват. мятель была не всегда суконная одежда, по крайней мѣрѣ въ Литвѣ; по покрою это—тоже, что корзно, только послѣднее было мѣховое; мятели бывали разныхъ цвѣтовъ, черные надѣвали монахи или свѣтскія лица во время траура. Въ завѣщаніи вологодскаго архіепископа 1662 г. замѣчено: «Мятель новой—сукно вишневое; мятель казенной отданъ въ казну» (Лѣтоп. зан. Археогр. Комм. III, въ прил. 42; Ист. Гос. Росс. II, прим. 7; IV, пр. 43).

Надѣлокъ—приданое или имущество, данное женщинѣ, уходящей въ монастырь; во всѣхъ почти славянскихъ земляхъ былъ юридическій обычай, что братья получали отцовское наслѣдство, а сестрамъ обязаны были выдать надѣлокъ при выходѣ ихъ замужъ, или послать вкладъ въ тотъ монастырь, въ которомъ онѣ постригаются. Въ 1228 г. «Святославъ отпусти княгыню свою по совѣту всхотѣвши ей въ монастырь, и дасть ей надѣлокъ многъ» (Лавр. 191; Воскрес. 134). Астафій Новгородецъ въ своей духовной послѣ 1386 г. завѣщалъ: «А жена моя, оже всѣдитъ въ животѣ моемъ, ино осподарыня животу моему, или поидетъ за мужъ, ино ей надѣлка 10 руб.» (А. Юрид. № 409). Въ Домостроѣ есть статья «како чадъ воспитати и съ надѣлкомъ за мужъ выдати» (49, 50).

Наземъ—навозъ, упоминается въ актѣ конца XVI стол. (Доп. къ А. II, 128). Во время осады г. Тихвина 1613 г. «бывшій соръ и наземъ своими руками отгребоша отъ церкви» (П. С. Лѣт. III, 296). Областное слово Тамб. губ.

Наконъ—разъ, пріемъ, въ смыслѣ счета; въ лѣтописи подъ 1567 г. означено, что «на Софійской колокольни звонило въ колоколцы меншіе въ три наконы», т. е. въ три пріема, какъ звонятъ обыкновенно (3 Нов-

гор. 258; 2 Новгор. 161). Это слово доселѣ употребляется въ Новгородской и Псковской областяхъ въ томъ же значеніи, наприм.: «Онъ всего три накона проѣхалъ по городу... Я по два накона приходилъ къ нему, да не засталъ дома» (Обл. Слов. 122).

Наметъ—σκηνή, tentorium, шалашъ, палатка (Слов. Восток. I, 230). У В. В. Голицына и у Неплюева въ 1689 г. описаны шатры, наметы и палатки поваренныя (Ркп. Дѣло Шакловит. № 3, св. 312; № 8, св. 35).

Наметъ—прибавка товару, или присыпка хлѣба при покупкѣ; въ грамотѣ договорной 1405 г. Полоцка съ Ливонскимъ орденомъ есть условіе: «А бѣлка куцити, а наметъ давати, а у дворъ не имати» (Русско-Ливонск. акты, 120).

Напои—хмѣльной напитокъ, польск. napoj—напитокъ; въ раскольничьемъ произведеніи объомраченномъ піанствѣ высказана мысль, что напои хмѣльныя въ посты піющіе—Адамово постраждутъ (Лѣтоп. зан. Археогр. Комм. I, 2, 59). Кунгурскаго у. с. Срѣтенскаго крестьяне 1690 г. жаловались на попа, что онъ уѣхалъ на праздникъ въ Тохтаревскую пустынь, пьянствуетъ тамъ въ кабакѣ безобразно, написываетъ напойныя памяти, т. е. даетъ росписки въ забранныхъ въ долгъ напиткахъ (Тамъ же I, 3, 31).

Наручь—тѣльный доспѣхъ металлическій въ видѣ досокъ, закрывавшій руки отъ кисти до локтя, какъ нагрудникъ закрывалъ грудь, наколѣнникъ—ноги. Нижняя доска наручей носила названіе черевца и прикрѣплялась къ верхней выгнутой доскѣ пряжками и застежками; часть наручей у кисти руки называлась запястьемъ, а близъ локтя—локотникомъ; если локотникъ заходилъ дальше локтя и закрывалъ его, то такія наручи назывались «съ локотки» (Подробности см. въ Историч. опис. одеждъ и вооруж. I, 51. Опис. утварей, Савваитова, 38, 220). Наручи были булатныя, желѣзныя, мѣдныя и золотыя; русскіе цари получали ихъ въ подарокъ при сношеніяхъ съ персидскимъ шахомъ и сами дарили ими европейскихъ государей: въ 1594 г. наручь булатная персидская, украшенная разными драгоцѣнными камнями, въ числѣ подарковъ, препровождена цесарю; а въ 1599 г. ему же отправлены наручи золотые, съ разнымъ каменьемъ и жемчуги (Пам. диплом. снош. I, 1377; II, 752). Въ казнѣ царской 1611 г. означены «наручи мѣдяны золочены съ камышки плохими и съ бирюзки» (Бытъ царицъ, 51). У Голицына въ 1689 г. въ числѣ доспѣховъ упоминаются наручи двои булатные (Ркп. Дѣло Шаклов. № 3, св. 219). Одна изъ самыхъ дорогихъ наручей, оцѣненная 1687 г. въ 750 р., принадлежала Ѳ. Ив. Мстиславскому; въ ней было «каменья большаго и мелкаго 399 яхонтиковъ червчатыхъ, и лаликовъ, и винисокъ, и бирюзъ; да въ другой наручи—332 каменя» (Древн. Росс. Госуд. III, 52, 53).

Наслѣгъ—ночлегъ, наслежникъ—ночлежникъ (Арханг. губ. Обл. Слов. 124). Въ 1569 г. въ Новгородѣ доставили на проѣздъ Ив. Вас. Грознаго въ Москву «20 телѣгъ прутія тонкого, чѣмъ столбы вязати на всякомъ стану на царскомъ на наслѣги, гдѣ царь и государь ночуетъ» (2 Новг. 163).

Наставъ—прибавка, ростъ съ даннаго меду въ ссуду. Извѣстно, что въ древней Руси богатство низшихъ классовъ народа состояло почти исключительно изъ естественныхъ произведеній промышленныхъ; поэтому не однѣ деньги, но и другіе предметы сельскаго хозяйства пускали въ оборотъ и въ займы, и брали за это извѣстный процентъ. Медъ давали въ наставъ, какъ хлѣбъ въ присопъ; принося въ опредѣленный срокъ занятое, должники платили извѣстную наддачу. Заемъ совершался при свидѣтеляхъ, а условія договора зависѣли отъ взаимнаго соглашенія: «Аже кто куны даетъ въ рѣзъ, или медъ въ наставъ (для варки?), или жито въ присопъ, то послухы ему наставити, како ся сь нимь будеть рядилъ, тако же ему и имати» (Русс. Прав. ст. XIII. Въ другихъ спискахъ: «наставы въ медъ»... «наставъ на медъ»... «медъ въ наставы»... Русск. Дост. I, 39; П. С. Л. VI, 61).

Натина, натъ, нетина, нотина, нятина—стебли и листья корнеплодныхъ растеній; санскр. nata—растеніе, финск. naati—листья, польск. nac—стебли; въ Архангельск. губ. доселѣ нетиной называются стебли растущей рѣпы, рѣдьки и капусты (Обл. Слов. 128). Домострой совѣтуетъ «капусту или нотину или крошиво иссѣчи мелко и вымыти и упарити гораздо» (Изд. Яковлева, 45). Въ Псковской волости 1565 г. «черви капусту поядоша и по рѣпищамъ рѣпы нятину объѣли» (I Псков. 317).

Наугольники—металлическія дощечки, прибиваемыя по угламъ на верхней доскѣ переплетенной книги; наугольниками украшали не однѣ богослужебныя книги, но и свѣтскія. Они дѣлались изъ золота, серебра и мѣди, бывали чеканные и прорѣзные, украшались иногда рѣзьбой фигуръ, или изображеніями. Такіе наугольники доселѣ можно видѣть на Евангеліяхъ въ русскихъ церквахъ. Въ Троицкой Сергіевой лаврѣ хранились рукописи XVI в. такого рода: Служебникъ въ десть на бумагѣ, «застежки, и спни, и жуки, и наугольники серебряные.... Псалтырь въ десть, на харатьѣ, заставицы и слова болшіе, писаны золотомъ, поволочена бархатомъ червчатымъ, застежки и наугольники серебряные позолочены». Въ Казанскомъ Преображенскомъ монастырѣ до 1642 г. были 4 соборника въ десть, въ красной кожѣ, наугольники и застежки мѣдные (Чт. Общ. 1848 г. № 6. Смѣсь, 2, 4, 36). Въ 1673 г. А. С. Матвѣевъ для царя готовилъ два экземпляра «Государственные большіе книги» съ персонами и гербами окрестныхъ государей и велѣлъ выдать мастерамъ 14 золотыхъ червонныхъ на позолоту наугольниковъ и застежекъ. Въ тоже время «мастерамъ серебряной полаты, что они дѣ-

лали къ четыремъ книгамъ наугольники средники и застежки прорѣзные, дано 5 руб.» (Доп. къ А. VI, 192—4, 198).

Начало, началъ—начальная молитва при семи поклонахъ у русскихъ раскольниковъ; Іоанновъ Журавлевъ пишетъ: «Началомъ они называютъ тѣ седмь поклоновъ, которые въ старыхъ книгахъ по монашескому обычаю писаны; безъ нихъ раскольники ничего не начинаютъ, и входя и выходя, вставая и ложась, словомъ—при всякомъ случаѣ оное начало кладутъ, которое, притомъ, въ такомъ уваженіи имѣютъ, что ежели кто переложитъ или недоложитъ одинъ поклонъ, то все негодится, и христіаниномъ таковаго не будутъ называть. Почему ни о какихъ добродѣтеляхъ столько не думаютъ, какъ объ оныхъ седми поклонахъ, называемыхъ началомъ». Начало полагается такъ: три поклона въ поясъ при чтеніи словъ—«Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику»; поклонъ до земли и «Достойно есть... Честнѣйшую Херувимъ», а потомъ еще три поклона въ поясъ (Изв. о раскол. ч. III, 61). Пѣсня раскольничьей дѣвицы начинается такимъ аскетическимъ образомъ:

Я начало полагаю,
Чтобы Богу вѣкъ служить,—
Всю надежду возлагаю
За Тобою вслѣдъ идтить...

Ногавицы—обувь разнаго рода; въ грамотѣ 1407 г. о сборѣ торговыхъ пошлинъ въ Молдавіи положено: «Отъ шапокъ, ногавици, корды, меча—отъ гривны по 3 гроша» (А. Зап. Рос. I, № 21). Статья «О человѣцѣхъ незнаемыхъ, въ восточнѣй странѣ сущихъ» описываетъ по р. Оби въ землѣ Баидъ людей, которые «носятъ плате все соболіе—и рукавицы и ногавицы» (Ркп. Соловецк. № 844, л. 303 и дал.).

Ночва, ночвы, ночевка—eine Schwinge, плоское, тонкое и широкое корытце, которое употребляется въ хозяйственномъ быту для провѣиванья и подсѣванья зерноваго хлѣба, для валянья тѣста и т. под. Въ древнемъ языкѣ сл. ноштвы равно греч. σκάφη, латинск. mafa (Слов. Восток. I, 254). Глава 38 «Домостроя» заботится «какъ сосуды всякіе и во всемъ устроено держати», въ которой совѣтуется вымыть, выскресть, вытереть и просушить вечеромъ «и ведра, и ночвы, и квашенки, и корыта, и сита и решета» и проч. (Изд. 1867 г. стр. 97. См. Областн. Слов. 130).

Нятіе, нятство—взятіе подъ присмотръ или подъ арестъ, въ плѣнъ, задержка въ тюрьмѣ; нятцы—плѣнники, взятые во время войны, или арестованные за преступленія; нятися—взяться за что-нибудь, согласиться дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи (Обл. Слов. 131; 1 Софійск. 189). Въ 1404 г. архіепископъ Новгородскій Іоаннъ сидѣлъ на Москвѣ въ нятіи 3 года; 1505 г. «преставися в. княгиня Елена Волошанка въ нятствѣ»; а 1509 г. Абдылъ-Летифа в. князь изъ нятства выпустилъ (П. С. Лѣт. VI, 132, 244, 248, 251, 253). Въ договорной 1368 г.

в. кн. Димитрія Ив. съ Михаиломъ Тверскимъ сказано «съ поручниковъ порука свести, а нятцы попущати» (Собр. Грам. I, № 28). Въ битвѣ при Шелонѣ 1471 г. Москвичи Новгородцевъ «многихъ лучшихъ людей руками поимали, ихъ же обрѣтеся нятьцовъ 1000 и 700»; а въ 1478 г. «о нятцѣхъ новугородскихъ биша челомъ владыка» (П. С. Лѣт. VI, 11, 14, 210).

Обливанцы, поливанцы—христіане, крещенные не въ три погруженія въ купели, но посредствомъ взбрызгиванья или обливанья, какъ допускаютъ католики. Крещенныхъ такимъ способомъ лицъ русскіе старообрядцы называютъ еретиками: обливательное или еретическое крещеніе «нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе». Въ 1645 г. прибывшій въ Россію ученый Сербъ Юрій Крижаничъ писалъ сочиненіе о Крещеніи, въ которомъ доказывалъ, что незаконно перекрещивать Латинъ при переходѣ въ православіе и что обливательное крещеніе истинно и дѣйствительно (Ркп. Синод. Библ. № 286). Въ XVII стол. въ Россіи заподозрили Грековъ, будто они крещены обливательно, по обряду католическому; даже въ «Проскинитарій» А. Суханова внесена была ими статья, «яко бы Арсеній видѣлъ обливательное крещеніе у Грековъ»; но это опровергли сами раскольничьи писатели (Очерки Поповщ. П. Мельникова, I, 20). Особенное подозрѣніе въ этомъ отношеніи раскольники питали къ Малороссіянамъ, жившимъ подъ польскимъ владычествомъ въ сосѣдствѣ съ уніатами, и считали ихъ еретиками, какъ обливанцевъ. Въ 1715 г. старовѣры стали искать архіерея за рубежемъ, но многіе не соглашались на это и говорили: «Какъ же мы отъ обливанцевъ епископа примемъ?.. Не будетъ ли такое дѣло еретичествомъ, паче самаго никоніанства?» (Ист. о бѣгств. священ. Лѣт. Русск. Литер. IV, въ концѣ). На бѣду, до 1733 г. Ѳеофанъ Прокоповичъ вздумалъ защищать католическое крещеніе, въ сочиненіи: «Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ»; тогда раскольники еще сильнѣе стали вѣрить, что у Грековъ и въ Малороссіи крестятъ обливательно, потому что самъ сущій поливанецъ защищаетъ и похваляетъ такое крещеніе (Очерки Поповщ. I, 94).

Огонки, огонокъ—польск. Ogonek, хвостъ, боа, которымъ женщины зимою обвиваютъ шею; оно состоитъ изъ хвостовъ пушныхъ звѣрей, или изъ лебяжьяго пуху (Обл. Слов. 137). Этимъ словомъ означается также мѣховая толстая и пышная опушка платья: у В. В. Голицына упоминается «кафтанъ бархатной на пупкахъ соболихъ, опушенъ огонка, въ рукавахъ исподъ бѣлей.. Другой кафтанъ объяринной серебряной на соболихъ огонкахъ» (Ркп. Дѣло Шаклов. № 3, св. 409—10).

Оземствованіе—ссылка изъ мѣста жительства, поселеніе въ другой отдаленной странѣ: хронографы повѣствуютъ, что Константинъ Великій «посла повелѣніе всѣду привести оземствованныхъ крестіанъ»;—что

Отрепьевъ въ 1605 г. велѣлъ послать патріарха Іова «въ оземствованіе въ Старичь въ киновію» (Обзоръ Хроногр. I, 221, 415). Въ 1685 г. раскольники русскіе подверглись гоненіямъ правительства и устремились «во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствованія, паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ» (Лѣт. Русск. Лит. IV, Смѣсь, 58).

Окружные—окружающіе, окрестные жители, сосѣди (Слов. Восток. II, 22). Св. Владиміръ, «единодержець бывъ земли своей, покоривъ подъ ся окружныя страны, овы миромъ, а непокоривыя мечемъ». Онъ создалъ церковь св. Богородицы, «яже церкви дивна и славна всѣмъ окружныимъ странамъ» (Сл. Иларіона 1051 г. Чт. Общ. 1848 г. № 7). Въ 1375 г. в. князь пошелъ на Тверь и разгромилъ «со всѣхъ порубежныхъ мѣстъ, со всѣхъ сторонъ... и окружныя мѣста со всѣхъ порубежей тяжко плѣниша» (1 Соф. Лѣт. 234).

Опашъ—отъ сл. пахъ, задняя часть тѣла у человѣка и животныхъ: волъ египетскій Аписъ «на языцѣ знаменіе имѣя и на опаши и на челѣ» (Обзоръ Хроногр. I, 106). «Пріиде Нектенавь въ образѣ бога Амона... глава орля, на ней рози вазилисковы, опашь аспидовь, ноги львови» (Уч. Зап. Акад. Н. IV, 305). Лѣтописецъ о нашествіи Поляковъ на Россію въ началѣ XVII стол. выразился: «злодыхательную ихъ опашъ на Христіанскій родъ устави» (Хроногр. Изборн. 211). Нѣмцы сл. опашь иногда объясняютъ der Scwanz, der Zhiere (Слов. Шмидта, 1815 г. Лейпцигъ).

Орчакъ, арчакъ—сѣдло черкасское, или заимствованное отъ крымскихъ Татаръ, которое украшалось иногда весьма прихотливо: «Орчакъ—черкаское дѣло, нарѣзанъ краснымъ сафьяномъ, шитъ золотомъ, гвозди серебряные» (А. Истор. IV, 398). Въ 1690 г. у Л. Неплюева означено сѣдло орчакъ, писаное золотомъ и серебромъ, а у дьякона Якова—«орчакъ крытъ зеленымъ хозомъ, подушка суконная, дикой цвѣтъ, съ стременами и съ подпругами» (Дѣло Шаклов. № 6, св. 116; № 8, св. 35; Опис. утвар. Савваитова 233).

Осиповъ Ѳедоръ—литейный мастеръ, который (по означенію переписи 1704 г.) отлилъ въ 1695 г. двѣ пушки въ г. Сумахъ для ахтырскаго полковника Ѳедора Осипова, длиною каждая по два аршина. (Опис. Харьк. епарх. М. 1857 г. III, 11 въ прим.).

Оскепъ, ощѣпъ, проскепъ, разщепъ—алебарда, съ копьемъ на верхнемъ концѣ (Ипат. 169, 172.—1 Соф. 144.—Воскрес. 339). Въ Азбуковникѣ оскепъ или ощѣпъ называется—оружіе, галябартъ, алебарда (Сказ. Сахар. 70). Оскепище или скепище, можетъ быть, означаетъ древко, на которое насаживали алебарду.

Оскордъ—чеканъ, каменосѣчное орудіе, λαξευτήριον, δικέλλα, instrumentum lapidicae, ligo (Слов. Восток. II, 31, 278.—Поэтич. воззр.

Афанасьева III, 47). «Оскордъ», по словамъ Памвы Берынды,— клепецъ, сокира, которою маляре каменье отесують, и ты же долото» (Азбук. у Сахарова, 70). Въ словѣ о преставленіи в. кн. Дим. Ив. Донскаго упомянуто, что этотъ князь, «яко оскордъ разсѣкаа камень» (1 Псковск. 355—6).

Осле́дникъ, ослядь, тоже, что слѣга или слага—бревно, годное на постройки: въ 1569 г. при поѣздкѣ Ивана Васильевича IV въ Новгородъ, доставили «на конюшню 800 столбовъ да ослядей съ воробъ полторы тысячи телѣгъ» (2 Новг. 163); въ 1686 г. крестьянинъ порядился привесть осле́дникъ и сосновые столбы, но не исполнилъ условія (Лѣт. зан. I, 3, 23). Это слово употребляется доселѣ въ разныхъ губерніяхъ и означаетъ бревно (Областн. Слов. 144, 207).

Остенъ, остнъ, отънъ—палка съ острымъ наконечникомъ, колъ или гвоздь большой, а также копье, σκόλοπερ κέντρον, stimulus, astra (Слов. Востокова II, 33, 43, 153.—Степ. кн. I, 53). Остенъ—бодецъ, чѣмъ волы выгоняютъ (Азбуковн. у Сахарова 20). Подъ 1460 г. о чудѣ св. Варлаама записано, что святитель Николай стоялъ противъ тмообразныхъ бѣсовъ,—«и посохъ свой держаща прямо ихъ осномъ», и препирался съ ними (П. С. Л. VI, 323). Объ Иванѣ Васильевичѣ IV передаетъ лѣтописецъ: «Глаголютъ нѣцыи, яко сына своего царевича Ивана остномъ покололъ» (1 Псковск. 319 (1581 г.); О Россіи въ царств. Алексѣя Мих., Котошихина, 1).

Остожье—загородь около стога сѣна или клади хлѣба, чтобы не портилъ его скотъ: въ 1639 г. крестьяне согласились «та пожня ставить и остожье загородить накрѣпко» (Матер. для Слов. и Грам. 203). Въ актахъ нерѣдко встрѣчаемъ жалобы крестьянъ на потравы хлѣба въ кладяхъ скотомъ, потому что не дѣлали хорошихъ остожей, наприм. дер. Мартемьяновы 1686 г. (Лѣт. зан. Археогр. Ком. I, 3, 23). Въ томъ же смыслѣ употребляется слово остожокъ въ Архангельск. губ. (Обл. Слов. 145).

Отокъ—мѣсто, залитое кругомъ водою, островъ (Слов. Востокова II, 35). Это слово употребляется въ старинныхъ памятникахъ очень не рѣдко и всегда въ одномъ значеніи; въ Хронографѣ читаемъ: «Бысть Александръ Сверскій и Зосима и Саватѣй Соловецкіе чудотворцы, оже въ морскихъ отоцѣхъ» (Изборн. Хроногр. А. Попова 175). «Выписано въ отоцѣ окіяна моря, на Соловецкомъ островѣ, изъ Царственной книги, зовомой Гранографа» (Обзоръ Хроногр. его же, ч. II, 258; также ч. I, 124, 125). «Въ 6992 г. отпустилъ Шпанской король Фердинандъ Христофора Колимбоса въ далнія страны и отоки моря». Годуновъ Борисъ сослалъ князя Ив. Петр. Шуйскаго «въ далныя отоки и съ братіею его» (Изборн. Хроногр. А. Попова 175, 187; также 475). Въ раскольничьемъ сочиненіи «Шведскій путешественникъ» разсказывается, что множество злата и сребра «на восточныхъ ото-

цѣхъ, идѣже отъ древнѣйшихъ временъ блюдется истинная вѣра» (Ист. оч. Поповщины, П. И. Мельникова, М. 1864 г. 42).

Очищъ—очистилище, мѣсто на томъ свѣтѣ переходное, по ученію католиковъ, которое служитъ для очищенія душъ грѣховныхъ. Въ Космографіяхъ иностранныхъ говорится, что Русскіе «очищу не вѣрятъ, по умершихъ людехъ поминаютъ въ церквахъ» (Изборн. Хроногр. А. Попова, 503).

Паворова, паворозокъ, поворузъ означаетъ снурокъ, цѣпь; въ Азбуковникѣ паворозіе—вязаніе, пленица, сило, ланцухъ (у Сахарова 74, 178). Въ 1216 г. кн. Мстиславъ «проѣха трижды сквозѣ полки юрьевы и ярославли, сѣкуще людій,—бѣ бо у него топоръ на руцѣ съ поворозою» (П. С. Л. I, 21; IV Новг. 24).

Паздеріе, поздерие, по объясненію Востокова, стебель безъ листьевъ (Слов. II, 67). Раскольничій писатель XVIII стол., Іона Курносый говоритъ о бѣглыхъ православныхъ священникахъ, исправляемыхъ старовѣрами, при переходѣ ихъ къ нимъ: «Аще мы во глубокой старости ищемъ ихъ по подобію, яко по чужимъ житницамъ не зерны, но охоботіе и паздеріе собираемъ; а младыя дѣти гдѣ получати будутъ и сыскивати, что не у обливанцевъ?» (Очерк. Поповщ. Мельникова I, 155). Изъ этого можно заключать, что подъ сл. паздеріе разумѣли также полову или мякину. Паздира—сѣтчатая верхняя кора на липѣ (Обл. Слов. 151).

Арист.

Сильвестръ Медвѣдевъ. Дополнительныя извѣстія къ его біографіи. И. Е. Забѣлинъ извлекъ изъ документовъ Приказа тайныхъ дѣлъ любопытныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ лицѣ, изъ которыхъ видно, что въ 1665—1670 годахъ Медвѣдевъ служилъ въ упомянутомъ приказѣ подъячимъ и, одновременно съ тѣмъ, обучался латинскому языку и грамматикѣ подъ руководствомъ Симеона Полоцкаго въ школѣ, устроенной тогда въ Законоспасскомъ монастырѣ (Опыты изуч. русск. древн. и исторіи, И. Заб. М. 1872, стр. 194—202). Изъ собственныхъ писемъ Медвѣдева мы узнаемъ, что вслѣдъ за тѣмъ онъ, полюбивъ науки, рѣшился «устранитися міра и его молвы» и удалился въ Молченскую пустыню въ Путивльскомъ уѣздѣ,—«мѣсто красотою, уединеніемъ и изобиліемъ надъ иныя сицевыя мѣста богато». Здѣсь, еще до 3 мая 1675 г., онъ уже постригся въ монахи. Въ 1677 г. Медвѣдевъ прибылъ въ Москву. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, также ученикъ Полоцкаго, посѣтивъ 13 іюля Заиконоспасскій монастырь, гдѣ остановился тогда Медвѣдевъ, убѣдилъ его остаться въ Москвѣ и приказалъ дать ему лучшую келлію въ этомъ монастырѣ (Ундольск. С. Медвѣдевъ, отецъ славяно-русск. библіогр.). Въ дѣлахъ Книгопечатнаго приказа (въ архивѣ М. Синод. Типографіи) отыскались дальнѣйшія извѣстія о Медвѣдевѣ: съ 1678 г. мы встрѣчаемъ его уже на ученой, по тогдашнему времени, службѣ. Въ этомъ году, ноября 19, Медвѣдевъ, по указу патріарха,

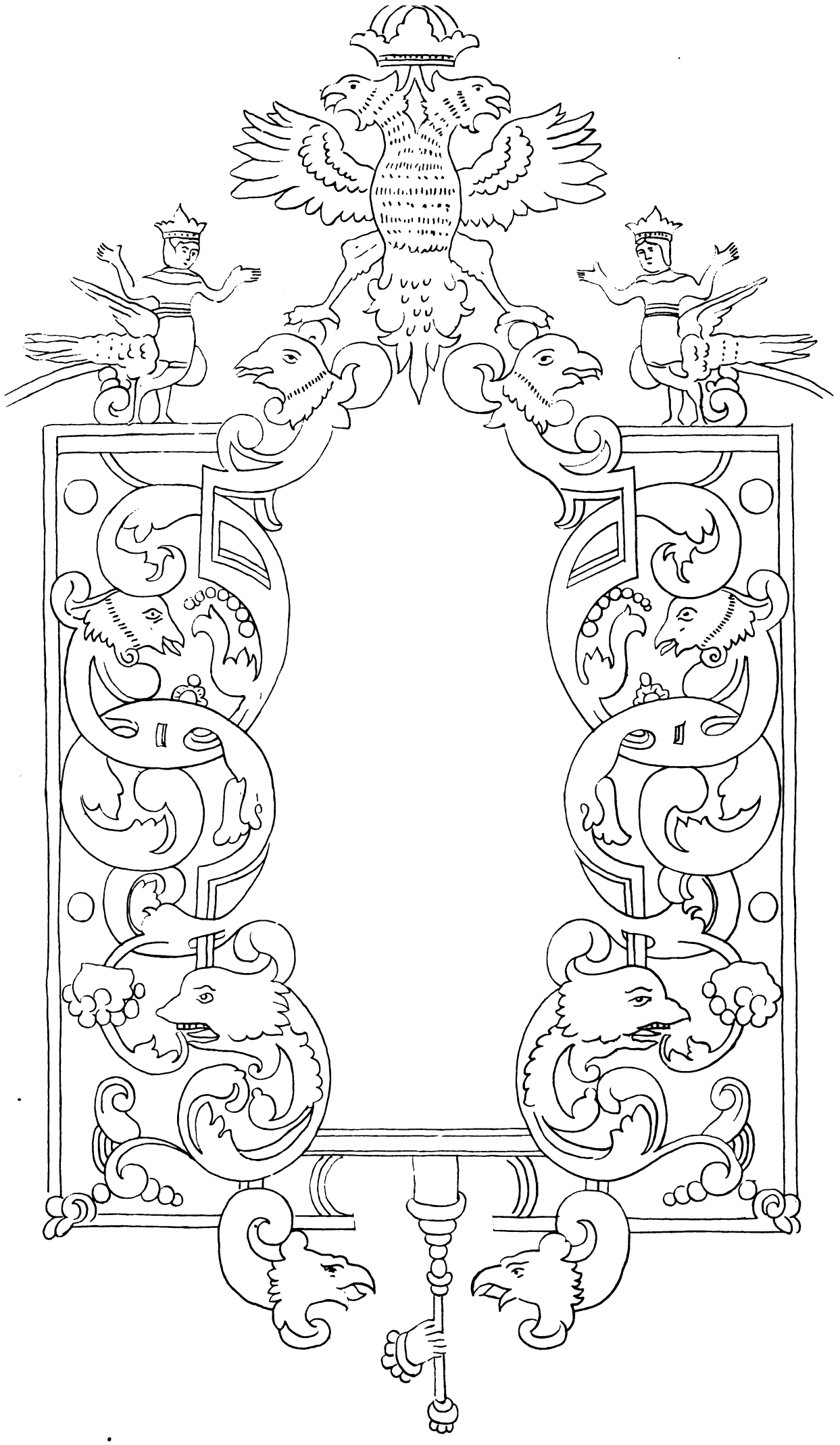
опредѣленъ въ справщики при московскомъ Печатномъ дворѣ, на мѣсто Захара Аѳанасьева, который былъ «для старости отъ дѣла свобожень». При этомъ Медвѣдеву выдано было 25 рублей,—половина годоваго жалованья, производившагося его предшественнику (Расх. кн. Печ. прик. № 78, л. 37). Съ слѣдующаго 1679 г. до конца своей службы при Печатномъ дворѣ, Медвѣдевъ получалъ жалованья по 60 рублей въ годъ. Въ 1681 и 82-мъ годахъ его имени и росписокъ въ полученіи жалованья въ расходныхъ книгахъ Печатн. приказа почему-то нѣтъ; но въ 1683 году онъ снова является въ должности справщика, которую и занималъ постоянно до сентября 1688 года. Въ расх. книгѣ этого года, въ сентябрѣ, подъ статьею о выдачѣ слѣдующаго Медвѣдеву жалованья на будущій годъ—60-ти руб., сдѣлана слѣдующая приписка: «и то великихъ государей жалованье ему, монаху Силвестру, не дано и у книжнаго правленія быти ему не велѣно. И 197 г. марта въ 12 д. по указу великихъ государей и по благословенію святѣйшаго патріарха у книжнаго правленія велѣно быть въ справщикахъ, на его Силвестрово мѣсто, іеромонаху Тимоѳею», первому ректору греко-славянской школы, открытой на Печатномъ дворѣ при ц. Ѳедорѣ Алексѣевичѣ (Расх. кн. Печатн. прик. № 78, л. 221 об. 362, 503; № 80, л. 39; № 83, л. 27; № 84, л. 4; № 85, л. 216; № 86, л. 4; № 88, л. 156; № 89, л. 5). *) Дальнѣйшая участь Медвѣдева, и его несчастный конецъ—извѣстны. Находясь въ справщикахъ, Медвѣдевъ, между прочимъ, трудился въ 1679 году, вмѣстѣ съ другими справщиками: монахомъ Іосифомъ Бѣлымъ и іереемъ Никифоромъ Симеоновымъ, надъ исправленіемъ славянскаго текста Апостола по греческимъ и славянскимъ рукописямъ и печатнымъ изданіямъ; трудами этихъ лицъ славянскій текстъ апостола былъ почти окончательно приведенъ въ нынѣшній его видъ (см. Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи; текстъ В. Е. Румянцова, М. 1872 г. стр. 22, 23, 36—38 и прилож. 1—8). **)

---

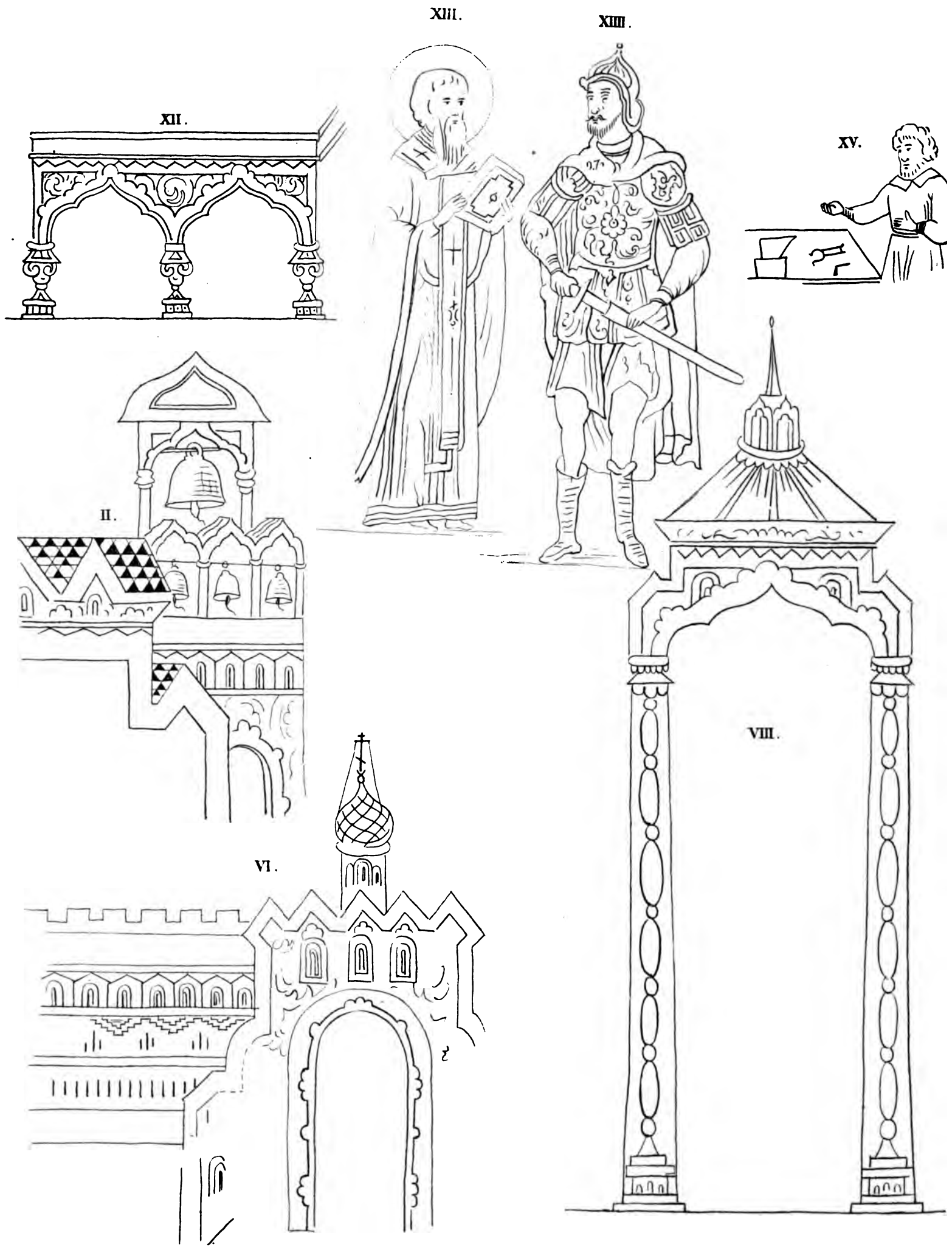
*) Во время службы Медвѣдева въ справщикахъ, начальными людьми Печатнаго двора были: сначала Симеонъ, бывшій архіепископъ Сибирскій и Тобольскій, а съ 23 августа 1687 г.—Сергій, бывшій игуменъ Путивльскаго Молченскаго монастыря. Въ Справной палатѣ состояли: а) въ справщикахъ: монахи Іосифъ Бѣлый, Мардарій Ханыковъ, іеродіаконъ Каріонъ Истоминъ, Сергій, игуменъ Молченскій, впослѣдствіи начальный человѣкъ, Моисей, бывшій уставщикъ Чудова монастыря, и вдовый священникъ Никифоръ Симеоновъ; б) въ чтецахъ: сначала вышеупомянутые Мардарій (онъ же и книгохранитель) и Каріонъ, а потомъ Ѳеофанъ (книгохранитель) и Ааронъ; в) въ писцахъ: Михаилъ Ивановъ Ростодамовъ, Флоръ Герасимовъ, Димитрій Ѳедоровъ Казанецъ (поступившій въ 1680 г. на мѣсто выбывшаго Ростодамова) и Иванъ Ивановъ (см. въ вышеуказанныхъ расходныхъ книгахъ Печатн. приказа).

**) Болѣе подробныя свѣдѣнія о Медвѣдевѣ заключаются въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Митр. Евгенія: Словарь историч. о писат. дух. чина.—Архіеп. Филарета: Обзоръ рус. дух. литерат. № 235; здѣсь перечислены и всѣ доселѣ напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ сочиненія Медвѣдева.—В. М. Ундольскаго: Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ славяно-рус. библіографіи (въ Чтен. Общ. ист. и древн. № 3, 1846 г.).—С. М. Соловьева: Исторія Россіи, т. XIV, стр. 94 и послѣд.—Н. Я. Аристова: Московскія смуты въ правл. цар. Софіи Алексѣевны, Варшава, 1871 г.

Румян.



ИЗЪ РУКОПИСНАГО СИНОДИКА 1672 ГОДА НАХОДЯЩАГОСЯ ВЪ ДАНИЛОВЪ МОНАС



ИЗЪ РУКОПИСНАГО СИНОДИКА 1672 ГОДА НАХОДЯЩАГОСЯ ВЪ ДАНИЛОВЪ МОНАСТЫ.

ИЗЪ РУКОПИСНАГО СИНОДИКА 1672 ГОДА НАХОДЯЩАГОСЯ ВЪ ДАНИЛОВѢ МОНАСТЫР

стр.

III. ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. № № 83—89. 41—62.

IV. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

Статьи: Н. Я. Аристова, В. Е. Румянцова. и гр.. А. С. Уварова.

Абызъ.—Аксамитъ.—Алачуга.—Алгуй.— Апракосъ. — Аристотель Фіораванте.—Арцуки.—Баволна.—Балена -Васма.—Безадщина.—Безваръ.—Божій дворянинъ.--Бохмитъ.—Брачина. — Брынецъ. — Бумажникъ.—Вамбакъ.—Веретея.—Вершь.—Викія.—Вирій.—Влагалище.—Вравіе.—Вспудъ.—Выжелъ.—Вымолъ. — Галенокъ.—Гаманъ.—Гобино.—Громная стрѣлка —Гряда —Гуменце.—Деисусъ.—Делва.—Домовище.—Доски —Едваба.—Жерело.—Жуки. — Загонныя книги.—Задушье.—Закупъ.—Звѣкотаніе.—Зголовье —Зепные часы.—Зепъ.—Зміевидные посохи.—Израда.—Ирха. — Іовишъ.—Канслиръ.—Капланъ.—Каптырь.—Капъ —Кацея.—Кебенякъ.—Килимъ.—Клевецъ.—Клепща.—Клѣтсцы.— Кортель. — Кошленокъ.—Крабни.—Краца.—Крижма. - Крыжъ.--Крыжъ. — Кубышка. — Кутухтъ.—Лабы.—Латка.—Ложница.—Лони.—Лядина.—Малжена. — Мизгить.—Молозиво.—Моль.—Морхъ.—Морхъ.—Мотыка.—Мошна.—Мска.—Мусія.—Мятель.—Надѣлокъ. — Наземъ. — Наконъ.—Наметъ.—Наметъ. - Напои.—Наручь.—Наслѣгъ.—Наставъ.—Натина.—Наугольники.—Начало.—Ногавицы.—Ночва.—Нятіе.—Обливанцы.—Огонки.—Оземствованіе.—Округные.—Опашъ—Орчакъ.—Осиповъ Ѳедоръ.—Оскепъ. — Оскордъ. — Оследникъ. — Остенъ. — Остожье.—Отокъ.—Очищъ.—Паворова. — Паздеріе. — Сильвестръ Медвѣдевъ. . . . . .

Отвѣтственное лицо Гр А. С. Уваровъ.

Stanford University Libraries
3 6105 013 576 702

D
M
V
H

DATE DUE